

Институт всеобщей истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических исследований

Signum

Москва
2005

Ответственный редактор
А.П. Черных

Редколлегия:

А.А. Молчанов
О.Н. Наумов
В.А. Антонов
А.А. Ткаченко
(отв. секретарь)

Рецензенты:

к.и.н.
В.А. Ведюшкин
к.и.н.
М.П. Голованова

© Центр
гербоведческих и
генеалогических
исследований, 2005
© Институт
всеобщей
истории РАН, 2005

Вряд ли существует пример исторического человеческого сообщества, которое в повседневности смогло бы обойтись без визуализации своей структуры. Общество разными способами структурируется и поразному, в том числе и эмблематически, отмечает это структурирование. Какую же потребность реализует общество, вводя в социальный обиход различные знаки и эмблемы? И какова роль геральдики в структурировании общества Средневековья и Нового времени? Насколько вообще правомерны такие вопросы?

Попытку дать ответы на некоторые из них представляет собой новый выпуск Signum'a. Его темы объединены общей идеей — поисками взаимосвязи между отдельными компонентами эмблематического пространства, и, соответственно, системы, в которую структурировано это визуальное пространство и иерархических принципов этой системы.

Статьи авторов демонстрируют возможность обработки самых разнообразных, в том числе и необычных, видов источников. Многообразие возможных источников предопределено многообразием проявлений эмблематики. При этом оказывается, что существенно расширяются хронологические границы эмблематического пространства Европы. Христианство, конечно, дало образцы для многих явлений средневековой культуры, однако конкретный облик и цветовые формы, в которых представало христианство в процессе отправления богослужения, не ясны. Порой средневековая иерархия обладала геральдической ипостасью, но насколько

она визуализирована в средневековых гербах? Мало изучен феномен фигуративного девиза, известный в европейской традиции под самыми разными названиями. Эта тема очень интересует сегодня европейских ученых. Тем более важно познакомить с этой проблемой отечественного читателя.

Отдельная статья посвящена эмблематической топографии Парижа XVI в., раскрывающая, как на практике осуществлялась интеграция эмблем в городское пространство. Ее выводы могут быть распространены на состояние городской эмблематики XIV–XV вв. и применимы к любому средневековому городу. В статье показан целый пласт геральдики разных социальных слоев, в том числе и неблагородных, повседневно используемой в эмблематическом пространстве средневекового города. Кроме того, статья доказывает возможность извлечения эмблематических фактов из совершенно новых для гербоведения источников, в данном случае из нотариальных актов, и указывает путь новым исследователям.

В этом выпуске хроникальный раздел не представлен. Тем не менее, мы хотели бы поздравить Олега Николаевича Наумова, защитившего докторскую диссертацию на тему «Отечественная историография геральдики XVIII–XX вв.» (научный консультант чл.-корр. РАН С.М.Каптанов) и Елену Александровну Яровую, защитившую кандидатскую диссертацию на тему «Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам из Кафы, Солдаи и Чембало (XIV – перв. трети XVI вв.)» (научный руководитель д.и.н. Г.В.Вилинбахов).

Мы идем навстречу пожеланиям читателей Signum'a, иллюстрируя некоторые факты, приводимые в исследованиях. Надеемся, что читатели не будут судить слишком строго наши полиграфические возможности.

Редколлегия

А.А.Молчанов

Родовые эмблемы древне-греческой знати (эволюция роли эмблематического элемента в системе социальной атрибутики)

В Европе начатки «практической геральдики» появляются у древних греков. Это прослеживается как по письменным источникам, так и по изобразительным материалам. Знаки, переходившие по наследству из поколения в поколение в знатных эллинских семьях, имели, как считалось, весьма древние корни.

Многие ученые позднеантичного времени, как и их предшественники эпохи классики и эллинизма, а еще раньше логографы VI в. до н. э., склонны были отыскивать истоки различных культурных реалий в иноэтничной среде. Они, основываясь на чисто внешнем сходстве явлений и предметов, нередко с легкостью приписывали эллинам то, что обнаруживали похожего у других народов, или же наоборот, но главным образом тогда, когда источник предполагаемого заимствования казался весьма авторитетным и достаточно древним. Отсюда, например, родились версии о прибытии в незапамятные времена в Грецию якобы из-за моря таких культурных героев и мифолого-исторических персонажей, родоначальников виднейших царских династий ахейской (микенской) эпохи, как Данай из Египта, Кадм из Финикии, Пелопс из Фригии, и другие.

Карийцы¹ — жители области Кария на западном побережье Малой Азии, прежде жившие также на многих

---

¹ Они были носителями одного из индоевропейских языков, принадлежавшего к вымершей ныне анатолийской (хетто-лувийской) группе. См.: Шеворошкин В.В. Исследования по дешифровке карийских над-

островах Эгейского моря, эллинами почитались народом древним и некогда связанным с обитателями Греческого материка общностью истории (ср.: Paus. I. 39. 5–6; 40. 6; 44. 6; VII. 4. 9). Так же как и некоторые ахейские царства (например, Мегара и Афины) были некогда в подчинении могущественных владык Минойского Крита². Воспоминания об их власти над островными и материковыми областями Эгеиды персонифицировались в греческой мифологии в образе кносского царя Миноса, установившего свою «талассократию» («морское владычество»).

Именно карийцам приписывает Геродот (I. 171), ссылаясь на мнение неназванного автора, бывшего родом с Крита и опиравшегося на тамошние исторические предания, приоритет относительно некоторых специфических нововведений по части воинской экипировки. По словам «отца истории», «...они научили эллинов, прикреплять к своим шлемам султаны, изображать на щитах эмблемы и первыми начали приделывать ручки на щитах». Само заимствование перечисленных выше новшеств греками отнесено источником Геродота ко временам до ионийской и дорийской колонизации островов Эгеиды и западного побережья Малой Азии.

В приведенном предании несомненно достоверной является сама датировка начала употребления греками

писей. М., 1965; Дьяконов И.М. Карийский алфавит и его место среди древнейших алфавитных письменностей (дешифровка и псевдодешифровка карийских надписей) // ВДИ. 1967. № 2. С. 235–249; Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 217–220. Прим. 67. Комментарий А.Ф.Деянова (В.В.Шеворошкина); Иванов Вяч.Вс. Анатолийские языки // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 129; Королев А.А. Карийский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 214.

² По данным, которыми историческая наука располагает на сегодняшний день, такое положение сложилось в Эгейском бассейне к середине II тыс. до н. э. О масштабах влияния Крито-Минойской державы на соседние греческие и негреческие земли см.: Молчанов А.А. Государственно-политическое устройство Минойского Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // ВДИ. 1983. № 3. С. 103–115; Он же. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 116–127.

упомянутых аксессуаров воинского снаряжения ахейской эпохой. Свидетельством тому являются изображение воинов именно в точно такой экипировке на парадном керамическом сосуде XIII в. до н. э. из раскопок в Микенах³. Здесь налицо и шлем с пышным «плюмажем»⁴ и щит, явно удерживаемый рукой не иначе как с помощью специальной рукояти. Вот только ничего нельзя сказать о том, имелись ли на внешней поверхности щитов какие-либо изобразительные мотивы или символические фигуры. Вазописец, к сожалению, показывает эти предметы воинской амуниции с внутренней стороны.

Гомеровский эпос троянского цикла, донесший до нас, как показала археология, очень точные описания целого ряда употреблявшихся в ахейскую эпоху предметов вооружения и дворцового быта⁵, упоминает, помимо прочего, также шлем, увенчанный гребнеобразным украшением и конской гривой (ср.: II. XVI. 137–138) и щит с изображениями (самый яркий образец его — знаменитый щит Ахилла, правда не с какой-либо одной символической фигурой, а со множеством сюжетных сцен (II. XVI. 478–607).

Эпические сказания других циклов, повествующие о событиях не менее древних, чем изложенные в «Илиаде» и «Одиссее», тоже содержали интересующие нас сведе-

---

³ Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966. С. 227. Рис. 69.

⁴ В шлемах того же типа изображены двое из участников батальной сцены на золотом перстне из Четвертой шахтовой гробницы в Микенах (XVI в. до н. э.). См.: Златковская Т.Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961. С. 125. Рис. 38.

⁵ Наиболее яркие примеры: шлем из кабаньих клыков на кожаной основе (II. X. 261–265) — такой же представлен в произведениях пластики (ср. голову воина из Микен); особой формы большие щиты почти в рост человека (II. VII. 219–223) — ими пользовались, как видно по сценам, воспроизведенным художниками-торевтами на парадном оружии и золотом перстне из Микен, и на войне, и в схватках с наиболее опасными хищниками, такими как львы; кубок пилосского царя Нестора, описанный в «Илиаде» (XI, 632–637) — с ним очень сходен золотой пиршественный сосуд из Четвертой шахтовой гробницы в Микенах. См.: Там же. С. 122, 125, 126, 128. Рис. 37–39, 41.

ния. Таковые, судя по всему, присутствовали в поэме «Фиваида» (посвященной походам Семерых и эпигонов против Фив), которую в древности оценивали столь высоко, что даже иногда приписывали ее Гомеру, хотя настоящим автором ее был Антимах из Колофона (Paus. IX. 9. 5; ср. также: VIII. 25. 4. 25. 8–10; IX. 18. 6). Именно эпической версии, веками передававшейся изустно и литературно окончательно оформленной Антимахом в конце V в. до н. э., а не более поздней версии греческой трагедии, принадлежало указание на то, что на щитах двух ахейских царевичей — Полиника, сына Эдипа, из Фив и Тидея, сына Ойнея, из Калидона — имелись зооморфные эмблемы: у одного голова льва, у второго — голова вепря (Apollod. III. 6. 1).

Рис. 1. Сцена морского боя. Фрагмент росписи кратера работы мастера Аристонофа. Аргос. VII в. до н.э.

Что касается самих указанных эмблем, то о происхождении первой из них можно строить различные предположения. Зато смысл изображения на щите Тидея предельно ясен: оно напоминает о подвиге наиболее прославленного представителя этого рода — о победе над свирепым Калидонским вепрем Мелеагра, старшего сына Ойнея (ср.: II. IX. 538–546; Bacchyl. V. 105–115; Apollod. I. 8. 2; Diod. IV. 34; Paus. II. 7. 9). В данной связи вполне уместно говорить о передаче эмблемы по наследству. Мелеагр не оставил после себя сыновей и право носить заслуженную им почетную символическую фигуру на своем щите, как видно, должно было перейти к ближай-

шему родичу-мужчине, его брату. Таким образом, здесь налицо признаки функционирования подобного рода эмблем с определенного момента в качестве уже не только личных, но также семейных или родовых.

Рис.2 Начало сражения между отрядами тяжелооруженных воинов. Фрагмент росписи ойнохой из собрания Киджи. Сикион. Ок. 570 г. до н.э.

В тех ранних росписях греческих ваз периода господства ориентализирующего («коврового») стиля, где уже угадываются сюжеты из эпических циклов, и затем при переходе к стилю чернофигурному, присутствие различных, чаще всего зооморфных, эмблем на щитах одетых в доспехи персонажей прослеживается регулярно⁶. В качестве примеров можно привести наиболее яркие образцы из различных художественных центров Эллады VII – первой трети VI вв. до н. э.: кратер работы аргосского мастера Аристонофа с изображением морского боя (рис. 1) и ослепления Одиссеем и его спутниками циклопа Полифема; сикионский кувшин-ойнохой из собрания

---

⁶ Беглый обзор некоторых относящихся к данной теме материалов см.: Нефёдкин А.К. Развитие эмблематики на древнегреческих щитах // Вестник древней истории. 2002. № 3. С. 116–129 (там же приведена библиография).

Киджи, на котором запечатлено самое начало схватки пеших отрядов тяжеловооруженных воинов (рис. 2); блюдо родосской школы со сценой поединка героев «Илиады» Менелая и Гектора над телом павшего троянского витязя Евфорба (рис. 3)⁷.

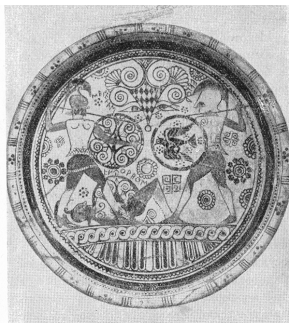

Рис. 3 Поединок Менелая и Гектора. Блюдо с росписью. Родос. Ок. 600 г. до н.э.

Возникающий в конце VII и господствующий на протяжении VI в. до н.э. черно-фигурный стиль в древнегреческой вазописи ознаменовался особенно широким распространением сюжетных сцен, заимствованных из литературных произведений эпического жанра. Главными центрами производства таких расписных сосудов кония, Халкида, а также Клае города на западном побережье малои Азии. На вазах того времени эллинские художники очень часто изображали персонажей эпоса, прежде всего гомеровского, со щитами, несущими эмблемы (греч. «эписема»). — буквально «знак, метка»), что отражало, как видно, и представления о воинских обычаях высокородных героев седой старины, и повседневную действительность того времени, то есть эпохи греческой архаики. Выбор таких эмблем должен был, разумеется, определяться не столько личным вкусом или фантазией вазописца, сколько мифолого-исторической обусловленностью всех существенно важных деталей избранного сюжета.

Показательны в этом отношении изображения на щитах таких героев «Илиады», как Ахилл и Диомед, по версиям художников из Коринфа и Халкиды. Так, в од-

⁷ Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 86–90, 96, 99.

ном случае, показывая сидящего в засаде Ахилла (рис. 4), вазописец поместил на его щите горгоней⁸.

Рис. 4 Ахилл, подкарауливающий троянского царевича Троила. Чернофигурная роспись сосуда. Коринф. Кон. VII в. до н.э.

Повернутая в фас голова Горгоны Медузы являлась у древних греков популярнейшим апотропеем, призванным отвращать зло и устрашать враждебную силу. Ее изображение, казалось бы, вряд ли носило эмблематический характер и имело скорее только магический смысл. Однако такое заключение может оказаться слишком поспешным. Ведь тот же горгоней изображался, например, на щите Аякса Теламонида (рис.5)⁹, прихотившегося Ахиллу двоюродным братом.

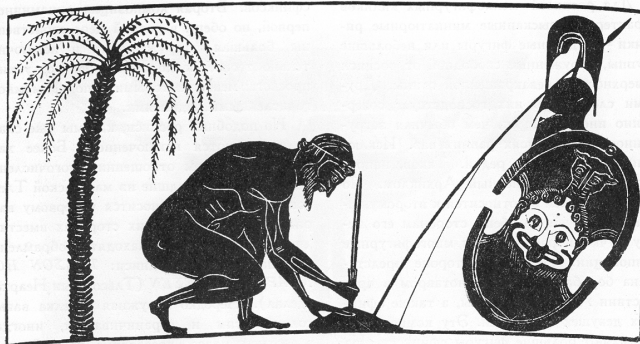

Рис. 5 Аякс, готовящийся к самоубийству. Рисунок на чернофигурной амфоре работы Эксекия. Афины. Сер. VI в. до н.э.

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Там же. С. 138, 139. Ср. в то же время его присутствие на щитах и других героев эпоса.

В сцене боя над телом Ахилла на халкидском сосуде (рис. 6) сразу три воина имеют символы-эписемы на щитах¹⁰. Два из них — катящаяся звезда и голова кабана — в данном случае заведомо условны, ибо принадлежат троянским героям. Но голубь на щите Диомеда, которому перевязывает раненую руку его соратник и друг аргосский царь Сфенел, помещен там не случайно. Эта священная птица являлась древней эмблемой города Сикиона (она постоянно присутствует на его монетах), наиболее прославленным царем которого был дед Диомеда с материнской стороны — Адраст (ср.: II. II. 572; XIV. 119–125; Apollod. I. 8. 5; III. 6. 1; 7. 2; Paus. II. 6. 6).

Рис. 6 Бой за тело Ахилла. Чернофигурная роспись сосуда. Халкида. Пер. пол. VI до н.э.

В целом, в изображениях на щитах греческих воинов, и, в частности, эпических героев, на расписных вазах (включая и краснофигурные композиции кон. VI — V в. до н. э.) наблюдается значительное разнообразие¹¹. Вытекает оно из самой сути творческого подхода художников Эллады того времени к трактовке тех многочисленных второстепенных деталей общеизвестных по описаниям в эпосе сюжетов, которые не были полностью канонизированы в литературной традиции. Поэтому здесь и могли фигурировать как чисто условные, весьма расхо-

¹⁰ Там же. С. 118, 119.

¹¹ Berndt C.T.S. Das Wappenwesen der Griechen und Römer und anderer alter Völker... Bonn, 1841; Greger M. Schildformen und Schildsschmuck bei den Griechen. Erlangen, 1908; Chase G.H. The shield devices of the Greeks // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. XIII. Cambridge (Mass.), 1909.

жие сакральные символы (зооморфные, астральные и др.) и апотропеические изображения (вроде горгоней). Но подчас те же самые эписемы могут оказаться сюжетно мотивированными. В некоторых же случаях, как это показано выше относительно Сикионского голубя — эмблемы на щите Диомеда, вазописец учитывал знакомые ему исторические реалии и одновременно данные о родословных конкретных знатных фамилий, которые возводили свое происхождение к ахейской эпохе, воспетой Гомером (известно, что потомки Диомеда и другие Адрастиды в первой половине I тыс. до н. э. обитали в разных уголках греческого мира)¹².

Источники свидетельствуют о бережном сохранении потомками ахейской знати вплоть до второй половины I тыс. до н. э. и даже позднее наиболее значимых с их точки зрения семейных традиций, причем на первом месте здесь стояли поддерживающая престиж данного древнего рода генеалогическая легенда и сакральное наследие¹³. Родовые культы, а следовательно и тесно связанные с ними священные символы, считались важнейшим достоянием в таких аристократических семьях, куда бы не забросила их судьба. Имеются прямые свидетельства об использовании дальними отпрысками ахейской знати эмблем, смысл и происхождение которых выяснялись только из данной конкретной родословной, а применение носило четко выраженный наследственный характер.

Исконной знатью Фиванской области были так называемые «спарты» (буквально «посеянные»). По местному мифу, основатель Фив Беотийских, Кадам, победив

---

¹² Молчанов А.А. Генеалогические источники по истории Ахейской Греции (Родословная царей Сикеона и их потомков) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.IV. Ч.1. История. М.; Магнитогорск, 1997. С. 72–82; Он же. Социальные структуры... С. 193–209.

¹³ Молчанов А.А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. Доклады конференции. М., 1993. С. 74–84; Он же. Вопросы источниковедения Ахейской Греции (генеалогические источники) // Методология и методика изучения античного мира: Доклады конференции (31 мая – 3 июня 1993 г.). М., 1994. С. 151–156.

обитавшего в этой местности дракона, посеял в землю его зубы, из которых выросли воины-спарты (Apolloed. III. 4. 1; Paus. IX. 10. 1). Пятеро спартов были при Кадме наиболее могущественными лицами после царя (Paus. IX. 5. 3). Их потомки занимали видное место рядом с Кадмидами — наследственными ахейскими владыками Фиванского царства, многократно вступали с ними в браки, несколько раз сами занимали царский престол (Пентей, братья Никтей и Лик, братья Зет и Амфион, Креонт).

И в I тыс. до н. э. некоторые знатные семьи в Фивах претендовали на происхождение от «посеянных», как истинных автохтонов Беотии. К спартам возводил свой род знаменитый полководец и политический деятель Эпаминонд (около 420–362 гг. до н. э.). Этот выдающийся реформатор военного дела эллинов, изобретатель тактики «косога клина», погиб в сражении при Мантинее в Аркадии. Посетивший эти места во второй половине II в. н. э. Павсаний так описывает увиденное им: «Его (т. е. Эпаминонда — *A. M.*) похоронили там, где он пал на поле битвы. На могиле его стоит колонна, а на ней щит с рельефным изображением дракона. Этот дракон должен обозначать, что Эпаминонд был из рода так называемых спартов. На могиле две стелы: одна — древняя, с надписью на беотийском наречии, другую же поставил император Адриан и тоже сделал на ней надпись» (Paus. VIII. 11. 8). Присутствие во времена Павсания на месте погребения Эпаминонда первоначальной эпитафии («на беотийском наречии») позволяет считать и надгробный памятник со щитом относящимся к середине IV в. до н. э. В приведенном описании налицо признаки употребления фиванской знатью даже классического периода древних наследственных эмблем.

Другое свидетельство аналогичного характера, но относящееся ко времени, примерно на сто лет более раннему, сохранил для нас тот же Павсаний. В своем уникальном путеводителе по Элладе среди прочих достопримечательностей Олимпии он описывает следующую скульптурную группу, иллюстрирующую один из эпизодов «Илиады»: «Есть тут и общее приношение всего

ахейского племени; это те, которые после вызова Гектором на единоборство кого-либо из эллинов смело бросили жребий, для этого состязания. Эти статуи стоят рядом с большим храмом, вооружены копьями и щитами. Прямо против них на особом пьедестале стоит статуя Нестора; он изображен в тот момент, когда бросает жребий каждого в шлем. Число тех, кто бросают жребий для единоборства с Гектором, восемь, так как девятого, Одиссея, говорят, Нерон увез в Рим. Из этих восьми имя написано только на статуе Агамемнона... Тот, на щите которого эмблемой является петух, это Идомений, потомок Миноса; род Идомения идет от Гелиоса, отца Пасифаи; и говорят, что эта птица посвящена богу солнца Гелиосу и возвещает наступающий восход солнца...» (Paus. V. 25. 8–10; пер. С.П.Кондратьева).

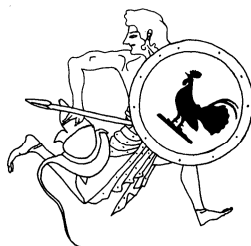

Рис.7 Бегущий воин (Мерион?). Краснофигурная роспись килика. Афины. Ок. 515 г. до н.э.

Данный пример весьма показателен, поскольку отражает типку бытования отдельных эмблематических мотивов. Здесь опять подразумевается, как вполне обычный для обихода старой эллинской знати, тот же принцип передачи по наследству помещаемой на щите эмблемы, которая выступает, в данном случае в качестве не просто сакрального символа, но и атрибута вполне определенного родового культа¹⁴.

Как видно, отсутствие свободы выбора изобразительного мотива для помещения на щит из эмблематического репертуара было традиционно присуще семейному

¹⁴По описанному Павсанием геральдическому признаку, молодой бегущий воин, держащий щит с изображением петуха, на аттическом краснофигурном килике конца VI в. до н. э. (ср.: Bernhard M. *Greckie malarstwo wasowe*. Wroclaw etc., 1966. II. 227) может быть предположительно опознан как один из героев «Илиады» — Мерион, сын Мола и племянник Идомения, ахейского владыки Крита времен Троянской войны (рис.7).

обычаю именно тех родов, которые тщательно сберегали в памяти свою поколенную роспись, начинавшуюся с царей и героев ахейской эпохи — так называемых «дио-генетов» («зевсорожденных»), в свою очередь претендовавших на происхождение от богов. И это в то время, когда любой гражданин полиса мог по собственному усмотрению взять какое угодно изображение для воспроизведения на личной печати¹⁵, игравшей роль юридически признанного, официально узаконенного знака собственности (заменявшего личную подпись). Единственным ограничением оставалось при этом жесткое требование избегать точного копирования чужих сфрагистических образцов, дабы исключить возможность каких-либо злоупотреблений¹⁶.

С учетом всего сказанного выше наличие подобных реликтов «диогенетской эмблематики» в наибольшем количестве следовало бы ожидать прежде всего в Аттике, ибо она по праву может быть названа главным прибежищем ахейской знати, изгнанной дорийцами из многих других, завоеванных ими областей Греции¹⁷. Там нашли для себя приют члены бывшим царский династий мессенского Пилоса и острова Саламин, аристократы из беотийской Танагры и с отдаленной Кефаллии в Ионийском море. Вместе с исконно аттическими родами они образовали тот узкий круг «эвпатридов» (буквально «происходящих от благородных отцов»), которым принадлежала экономическая и политическая власть в Афинах первой половины I тыс. до н. э.

До VIII в. до н. э. во главе афинской гражданской общины стояли базилеи (цари) из рода Кодридов-Медонтидов (ветвь пилосских Нелеидов ахейского времени). Затем исполнительная власть перешла в руки выборных магистратов — архонтов, рекрутировавшихся из

---

¹⁵Ср.: Неверов О.Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 28–53.

¹⁶Законами Солона, принятыми в Афинах в 594 г. до н. э., было, в частности, предписано: «...резчику по камням не оставлять у себя отпечатков резанных им печатей...» (Diog. Laert. I, 57).

¹⁷Молчанов А.А. Микенские истоки... С. 76–79.

числа наиболее видных эвпатридов. К концу VII в. до н. э. социально-экономическая ситуация в Аттике обостряется и знать вынуждена в новых условиях активизировать усилия по удержанию своих политических привилегий. В то же время все сильнее разгорается соперничество между ведущими эвпатридскими кланами, а также нарастает движение в пользу демократизации афинского общества, упорядочения государственных структур и законодательства в интересах всего полиса. Среди перипетий этой борьбы в VI в. до н.э. наиболее яркими эпизодами были реформы Солона (594 г. до н. э.), троекратная тирания Писистрата, унаследованная затем его сыновьями (ок. 560–510 гг. до н. э., с перерывами), и, наконец, установление конституции Клисфена (509 г. до н. э.).

Последняя положила конец прежнему делению граждан на филы и фратрии, религиозными руководителями которых были главы аристократических родов. Тем самым был нанесен смертельный удар господству эвпатридов в культовой сфере, которое традиционно обосновывало их лидерство внутри гражданской общины.

Недаром знатные афинские семьи так ценили и берегли свои родовые культы¹⁸, восходившие, так же как и эвпатридские родословные, к ахейской эпохе. К тому же сакральному наследию относились и эписемы, помещавшиеся на щитах. Роль их в Афинах VI в. до н. э. настолько возросла, что они появляются на аттических дидрамах (серебряных монетах единственного регулярно выпускавшегося номинала) и тем самым они встают на одну ступень с общегосударственными эмблемами других греческих полисов того времени. Это явление стало предметом подробного исследования в известной монографии Ч.Селтмана¹⁹, который путем сопоставления монетных типов с рисунками на чернофигурных вазах и

---

¹⁸Ср.: Solders S. Die ausserrstädtischen Kulte und die Einigung Attikas. Lund, 1931; Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964. С. 132–143, 145–147.

¹⁹Seltman C.T. Athens, its history and coinage before the Persian invasion. Cambridge, 1924.

данными письменных источников выявил родовые гербы Кодридов-Медонтидов, Алкмеонидов, Писистратидов, Филаидов и Бугадов (Этеобугадов).

Примечателен тот факт, что, будучи изображенными на монетах, эти в полном смысле слова геральдические эмблемы — амфора, трискелес (фантастическая фигура, наподобие свастики, в виде бегущих по кругу трех

Рис. 8 Родовые эмблемы афинской знати на монетах VI до н.э.

человеческих ног, соединяющихся в центре композиции), протома (передняя часть) скачущего коня, задняя половина стоящего коня, сова со сложенными крыльями, голова быка, горгоней (рис.8) — зачастую заключены в круговой линейный ободок, то есть как бы остаются на своем обычном месте — на воинском щите. Популярность же у аттических эвпатридов (евпатридов), а равно у беотийских (вспомним спартов) и других греческих аристократов, зооморфных эписем означает наличие в их родовых культах пережитков тотемизма²⁰.

В монетной чеканке афинских аристократических родов VI в. до н. э. древнегреческая «диогенетская эмблематика» достигла пика подъема своего статуса²¹. С

²⁰Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. М., 1958. С. 117–119.

²¹Согласно новейшим исследованиям, выпуск т.н. Wappenmünzen мог осуществляться ежегодными сериями в период правления в Афинах

падением политического значения старинной знати в Аттике, в результате реформ Клисфена, общественная значимость прежде неотъемлемых ее атрибутов быстро сходит на нет (по-видимому, несколько позднее сходную картину можно было наблюдать в других полисах Эллады, где традиционное господство старой аристократии также неотвратимо уходило в прошлое).

Характерно, что в демократических Афинах для вонских щитов был введен единый отличительный знак — сова (спутница богини Афины, официально объявленной главной покровительницей данного полиса); причем та же эмблема, как государственная, закрепилась и на монетах. Использование же каких-либо иных изображений на щите казалось афинянам во второй половине V в. до н. э. поступком из ряда вон выходящим (ср.: *Plut. Alc.* 16). Та же официальная общеполисная эмблема находила, судя по всему, самое разнообразное применение. Так, после победы над жителями Самоса в 439 г. до н. э. афиняне клеймили лица захваченных ими пленных изображением совы (*Aelian. Var. Hist.* II. 9).

В дальнейшем, хотя некоторые древние аттические роды еще долго продолжали существовать и дожили даже до позднеантичного времени²², принадлежавшие им по праву наследования, некогда весьма престижные семейные сакральные символы вышли из употребления. В этом отношении весьма показательны, например, полное отсутствие старинных эписем среди эмблем магистратов, помещавшихся рядом с их именами на афинских тетрадрамах «нового стиля» втор. трети II — сер. I в. до н. э.

тирана Гиппия (527–510 гг. до н. э.). См.: Суриков И.Е. Некоторые соображения по поводу древнейших афинских монет // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 9, 10.

²²Ср.: Тоерффер J. *Attische Genealogie*. Berlin, 1889; Кудрявцев О.В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954. С. 135, 163–165, 172–197, 203, 204; Молчанов А.А. Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именованности афинских эвпатридов X в. до н. э. — V в. н. э.) // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 141–150.

Даже явный отпрыск евпатридского рода Ликомидов Фемистокл²³, оказавшийся среди этих лиц, избрал в качестве своего опознавательного знака на монете выпуска 117/6 г. до н. э. изображение корабля с трофеем, надо думать, в память о подвиге своего славного предка и тезки, победителя персов при Саламине²⁴.

Таким образом, родовая сакральная символика, бывшая в определенный период истории Греции, важным атрибутом господствующего слоя, с утратой старой аристократией прежнего статуса теряет свою, веками казавшуюся неиссякаемой, жизнеспособность. Ее мотивы, по-прежнему оставаясь понятными в качестве традиционных вещественных признаков сакральной сферы вообще, и конкретных родовых культов в частности, перестали выполнять ту специфическую роль социально значимых элементов в публично функционирующей знаковой системе, которая была им долгое время свойственна.

---

²³ Данное имя традиционно повторялось в роду Ликомидов по крайней мере до второй трети IV в. н. э. (Plut. Them. 32; Paus. I. 37. 1; Eunap. Vit. Soph. 483–485; Liban. Epist. 480, 1032, 1175).

²⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 85, 236. Табл. XVII, 8; Хабиht X. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 242.

А.А.Ткаченко

Эмблематика литургических цветов в трактате Дж.Лотарио (папы Иннокентия III) «О святом таинстве алтаря»

Социокультурные функции цвета представляют собой одну из наименее разработанных проблем как в социальной культурологии, так и в исторической антропологии. Вместе с тем, практически в каждой культуре можно выявить стремление к формированию символически упорядоченного мира. Поскольку объекты видимого мира обладают атрибутом цвета, цветовые различия выступают удобным средством для классификации. Однако в один цветовой класс всегда попадает бесконечное многообразие вещей. Поэтому любые социальные метафоры цвета потенциально многозначны. Даже когда цвет явно имеет символическое значение, мы не можем быть до конца уверены, что интерпретируем его правильно. В каждом случае необходимо знать контекст и учитывать традицию.

В этом отношении исследование хроматической реальности Средневековья является наиболее перспективным. Культурные установки этой эпохи позволяют абстрагироваться от психофизиологического восприятия цвета и рассматривать его как символическую сущность. Набор цветов достаточно ограничен, а их оттенки не играют никакой роли. Но даже при небольшом количестве основных цветов, в пределах одной макро-группы со строгой вертикальной системой иерархических связей и на протяжении ограниченного периода времени наблюдается бессистемность, граничащая с хаосом. Точнее сказать, для современного исследователя попытка система-

тизации может показаться бессмысленной на фоне разнообразного фактического материала.

Поэтому в качестве объекта изучения нами избрана только одна, но чрезвычайно значимая сторона жизни средневекового общества — церковное богослужение. Хотя исследования ученых-литургистов XX в., в частности, кропотливое изучение рукописной традиции, выявили потрясающую вариативность и локальное разнообразие средневекового богослужения, в настоящей статье основное внимание уделено не столько феноменологии литургических цветов, сколько причинам появления их классификации и способу ее функционирования.

Первое систематическое описание литургических цветов приводится в трактате «О святом таинстве алтаря»¹ Джованни Лотарио Конти, графа Сеньи, будущего папы Иннокентия III (1198–16.7.1216). Этот папа — одна из самых выдающихся фигур на престоле св. Петра. Помимо небывалого укрепления авторитета и власти римского понтифика, на его счету множество преобразований в различных областях, активная внешняя и внутренняя политика. Он санкционировал IV Крестовый поход, закончившийся разграблением Константинополя (за что он сам отлучил всех его участников) и распадом Византийской империи, положившим конец надеждам на преодоление Схизмы между Западом и Востоком. При нем началась активная борьба с ересью альбигойцев, закончившаяся крестовым походом в земли Прованса. Иннокентий III первым из пап поддержал нищенствующие монашеские ордены, прежде считавшиеся опасными для Церкви. Он учредил и поддерживал Парижский университет. Созванный при нем в 1215 г. IV Латеранский Собор официально утвердил догматическое учение о пресуществлении (трансубстанциации) Даров в таинстве Евхаристии. В период его понтификата был издан новый Понтификал и сформирован классический вариант римского Бревиария.

---

¹ PL. 217. Col. 799ff.

Сочинение «О святом таинстве алтаря»² (в 6 книгах) написано им в 1195–1197 гг., когда он был еще кардиналом-диаконом. Сам трактат посвящен не цветам, а последовательному истолкованию мессы. Но, поскольку служба начинается с облачения священнослужителей, вопросу о должном цвете их одеяний также уделяется внимание.

Чтобы понять причины появления и значимость трактата (перевод основной главы о литургических цветах публикуется в Приложении) для последующей традиции, необходимо рассмотреть предысторию и контекст, в котором он был написан.

Хорошо известно, что на протяжении первого тысячелетия христианской истории литургические цвета особым разнообразием не отличались³. С одной стороны, периоды литургического года, система постов и праздников, находились еще в стадии формирования. С другой, существование Церкви в языческом окружении способствовало культивированию антихроматических воззрений, осуждавших стремление к разнообразию цветов как суетное и греховное.

Единственным допустимым и присутствующим в богослужении в обязательном порядке, начиная с III в., являлся белый цвет. В первую очередь, его предписывалось носить во время больших праздников и на Пасху. С V–VI вв. черным цветом начинают выделяться периоды поста.

Рассуждения о связи цветов с сезонами или временами года встречаются уже в эпоху Ранней Римской империи. Так, Тертуллиан, один из наиболее известных

---

² Из новейших работ см.: Ypenga A. Innocent III's *De missarum mysteriis* Reconsidered: A Case Study on the Allegorical Interpretation of Liturgy // Innocenzo III — *Urbs et Orbis: Atti del Congresso Internazionale Roma, 9–15 settembre 1998* / a cura di Andrea Sommerlechner (Istituto storico Italiano per il medio evo). Roma, 2003. (Nuovi studi storici, 55; Miscellanea della Società Romana di storia patria, 44). Vol. 1. P. 323–339.

³ Классическая работа: Braun J. *Die liturgische Gewandung im Occident und Orient nach Ursprung und Entwicklung: Verwendung und Symbolik*. Freiburg, 1907. S. 728–760. Из недавних работ: Pastoureaux M. *Ordo Colorum: Notes sur la naissance des couleurs liturgiques* // *La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique*. 1989. Vol. 176. P. 54–66.

раннехристианских писателей, в сочинении «О зрелищах» (ок. 198–206 гг.), говоря об эмблематике цирковых партий, со свойственным ему ригоризмом характеризовал цвета, в которые одеваются возницы и болельщики, как идолопоклоннические, поскольку они посвящены языческим богам, или, точнее, «мировым стихиям». Прослеживая их историю, Тертуллиан отмечал, что изначально использовалось лишь два цвета — белый и красный: «Белый был посвящен зиме, из-за белизны снега, а красный — лету, из-за красноты солнца»; позже к ним добавились зеленый, означающий землю и весну, и голубой, означающий небо, море и осень⁴.

Примеры ассоциирования цвета с христианскими реалиями встречаются у авторов IV–V вв. Например, свт. Амвросий Медиоланский отмечал, что фиолетовый цвет характеризует исповедников, красный — мучеников, а белый — дев⁵. Однако каких-либо свидетельств о том, что такая классификация применялась в литургической практике, до конца первого тысячелетия не известно.

В символических толкованиях мессы, которые стали появляться, начиная с эпохи Каролингов, указания на цвета облачений отсутствуют. Хотя экзегеты этого времени пытались истолковать аллегорически или исторически упоминания различных цветов в текстах Священного Писания, на богослужении их усилия никак не отражались. Вместе с тем, авторы этого времени свидетельствуют о черных или серых (*fuscus*) облачениях для литаний и Великой пятницы (например, Псевдо-Алкуин). В послании Теодомера, аббата Монтекассино (778–797), говорится, что за 14 дней до Пасхи цвет облачения алтаря меняется на черный⁶. Красные облачения на праздник

---

⁴ De spectaculis. 9 // CSEL. 20. P. 11.

⁵ Ambrosius. In Luc. 7. 131 // Analecta Bollandiana. 1963. Vol. 81. P. 31.

⁶ “operimus ea tegumentis lineis nigris”; см.: Hallinger K. *Initia consuetudinis benedictinae*. Siegburg, 1963. S. 129. (Corpus consuetudinum monasticarum; 1). Согласно Миссалу Леофрика (1075), этот обряд совершался в Великий четверг: Hope W.S.J., Atchley E.G.C.F. *English Liturgical*

Входа Господня в Иерусалим фигурируют уже в гимнах Теодульфа Орлеанского (†821)⁷. В одной рукописи из Жамблу (1092) на праздник св. ап. Петра предписывается голубой (iacintinum) цвет облачений алтаря⁸. Целый комплект цветов выявляется среди подарков аббату монастыря Кройленд Эгельрику II (984–994): упоминаются белые, красные, зеленые и черные облачения⁹.

Интерес к цвету резко возрастает в XII в. Достаточно упомянуть труды Хильдегарды Бингенской (1098–1179), переполненные цветовыми аллегориями¹⁰. Аллегорическое и мистическое значение отдельных облачений и их цветов указывает в своем «Сакраментарии»¹¹ Гонорий Августодунский (†1145–1152)¹². Но он, очевидно, стоит ближе к традиции физиологов и лапидариев, не касаясь литургической стороны вопроса. Так, в 29-й главе «Об одежнях пресвитера» Гонорий пишет следующее: «Зверь пантера имеет семь цветов: черный, белый, серый, желтый, зеленый, небесный, красный...» Под пантерой подразумевается пресвитер, который имеет семь облачений и семь добродетелей. Черный цвет — смирение, белый — непорочность, серый — способность различения, желтый — мудрость, зеленый — вера, небесный — надежда, крас-

---

Colours. London, 1918. P. 222.

⁷ См.: Gräf H.J. *Palmenweihe und Palmenprozession in der lateinische Liturgie*. Siegburg, 1959. S. 91. (Veröffentlichungen des Missionspriesterseminars St. Augustin; 5).

⁸ Lehmann-Brockhaus O. *Schriftquellen zur Kunstgeschichte des 11. und 12. Jahrhunderts für Deutschland, Lotharingen und Italien*. Berlin, 1938. N. 2679.

⁹ Idem. *Lateinische Schriftquellen zur Kunst in England, Wales und Schottland, vom Jahre 901 bis zum Jahre 1307*. München, 1955–1960. N. 1159.

¹⁰ См.: Meier C. *Die Bedeutung der Farben im Werk Hildegards von Bingen // Frühmittelalterliche Studien*. 1972. Bd. 6. S. 245–355.

¹¹ Этот тип литургической книги к тому времени уже был вытеснен другим — Миссалом и Понтификалом. Гонорий, видимо, употребляет это слово, исходя из его этимологии: лат. *sacramentum* — значит «тайна/таинство».

¹² PL. 172. Col. 737–806.

ный — любовь»¹³. Ни указанное им число цветов, ни выявление их связи с различными добродетелями не соотносятся ни с современной Гонорию с литургической практикой, ни с последующей традицией.

Отсутствие систематических изложений отнюдь не говорит о том, что литургия до XII в. была одно- или двухцветной. О реальном положении дел можно судить как на основании иконографических материалов, которые для этого периода немногочисленны и фрагментарны, так и из ряда нарративных источников.

Самые ранние примеры письменной фиксации употребления различных цветов в литургических облачениях встречаются в так называемых *Ordines Romani* (букв. «римские чины») — богослужебных указаниях для отдельных праздников или периодов литургического года. Самые ранние из них датируются VII–VIII вв. и отражают как особенности богослужения Римской Курии, так и галликанскую традицию.

Связь цвета облачений с периодами литургического года впервые встречается в собрании *Ordines*, сохранившемся в единственной рукописи (Paris. Bibl. Nat. lat. 974, IX в.) из аббатства Сент-Аман (Сев. Франция). Оригинал, судя по языку и другим признакам, появился между 770 и 790 гг., видимо, в связи с литургическими преобразованиями при Каролингах. В частности, в *Ordo XXI*¹⁴ предписывается ношение темных облачений во время Литаний 25 апреля, а в *Ordo XX*¹⁵ — черных во время процессии на праздник Пурификации Девы Марии¹⁶ (2 февраля).

---

¹³ Ibid. Col. 763.

¹⁴ *Ordo VI* по изданию: Mabillon J. *Completens antiquos libros rituales sanctae Romanae Ecclesiae cum commentario praevio in Ordinem Romanum* // *Museum Italicum*. Paris, 1689. Vol. 2. (перп.: PL. 87. Col. 851–1408).

¹⁵ Ibid. *Ordo IX*.

¹⁶ Сретение Господне в восточно-христианской традиции.

Другая группа источников — монастырские *Consuetudines*, то есть уставы, описывающие разные аспекты монашеской жизни, и, в том числе, богослужение. Их расцвет приходится на период X–XII вв. В отличие от *Ordines Romani*, их место происхождения и регион распространения определяются очень четко: это крупные монастыри (Флэри, Фульда, Клюни, Санкт-Эммерам, Санкт-Галлен, Монтекассино, Кентербери), создававшие вокруг себя зоны влияния.

Самая обширная группа — это Ординарии кафедральных и монастырских церквей. Они появились в XI–XII вв. и просуществовали до позднего Средневековья. Ординарии в большей мере, чем *Consuetudines* сосредоточены на литургических вопросах. Кроме того, они описывают обряды с точки зрения священно- и церковнослужителей, а не общины. Именно Ординарии играли кодифицирующую и унифицирующую роль в литургической жизни отдельных местностей (прежде всего, в диоцезах) средневековой Европы.

Ни одна из перечисленных групп источников не позволяет составить полное представление о литургических цветах. В любом случае получается очень дробная картина (в лучших традициях Средневековья).

Например, в некоторых памятниках говорится только о ношении пурпурных облачений в большие праздники¹⁷. В других приводятся цвета облачений только для времени от Адвента¹⁸ до Пятидесятницы, так что оставшаяся часть литургического года и памяти святых (*Sanc-torale*) остаются вне поля зрения¹⁹. В третьих основное

---

¹⁷ См.: Kurzeja A. *Der älteste Liber Ordinarius der Trierer Domkirche. Münster in Westfalen*, 1970. (LQF; 52).

¹⁸ Подготовительный период к празднованию Рождества Христова (25 декабря), начинающийся в день св. Мартина (11 ноября). В древней галло-испанской традиции — строго поста перед праздником Богоявления (6 января), «зеркальное отражение» Великого поста (Четырнадцатидесятицы).

¹⁹ См.: Farrenkopf E.K. *Breviarium Eberhardi Cantoris. Münster in Westfalen*, 1969. (LQF; 50).

внимание уделяется только дням памяти местночтимых святых²⁰. Среди наиболее интересных памятников можно назвать Ординарий кафедрального собора Магдебурга (копия XVI в., но отражает период XIII–XV вв.), в котором описываются не только цвета облачений священнослужителей для каждой мессы в течение года, но и цвета облачений алтаря и хоругвей²¹.

Кроме белого и черного цветов²², в течение IX–XII вв. входят в употребление золотой и серебряный. Согласно клюнийским *Consuetudines*, они назначаются для праздников Рождества Христова и Пятидесятницы²³.

До XIII в., действительно, сложно говорить о каком-либо единстве в отношении цветовой символики. Например, на праздник Рождества Христова по одним памятникам полагалось облачаться в белое (мон-рь Флэри)²⁴, по другим — в красное (мон-рь Бек)²⁵, по третьим — в золотое (мон-рь Фругтуариа)²⁶. Хотя в Великую пятницу большинство источников X–XII вв. предписывают носить черное²⁷, встречаются примеры указания иных цве-

---

²⁰ См.: Brou L. *The Monastic Ordinal of St. Vedast's Abbey (Arras)*. Bedford, 1955–1957. 2 vols. (HBS; 86, 87).

²¹ См.: Kroos R. *Niedersächsische Bildstickereien des Mittelalter*. Berlin, 1970. S. 183ff.

²² Напр.: Albers B. *Consuetudines monasticae*. Montecassino, 1912. Bd. 5. S. 94.

²³ См.: Albers B. *Consuetudines monasticae*. Stuttgart, Wien, 1900. Bd. 1. S. 10, 73.

²⁴ Idem. *Consuetudines monasticae*. Montecassino, 1912. Bd. 5. S. 173.

²⁵ Dickson M.P. *Consuetudines Beccenses*. Sieburg, 1967. S. 14. (*Corpus consuetudinum monasticarum*; 4).

²⁶ Albers B. *Consuetudines monasticae*. Montecassino, 1911. Bd. 45. S. 23.

²⁷ Монтекассино: Leuterman Th. *Ordo Casinensis hebdomadae maioris*. Montecassino, 1941. P. 109. (*Miscellanea Cassinense*; 20); Полироне: van Dijk S.A. *The Customary of St. Benedict's of Polirone* // *Miscellanea liturgica in honorem L. Cuniberti Mohlberg*. Rome, 1948. Vol. 2. P. 456. (BEL; 22); Рим (Ординарий ц. Сан-Джованни-ин-Латерано, 1145 г.): Fischer L. *Bernhardi ordo officiorum ecclesiae Lateranensis*. München, Freising, 1916. S. 55. (HFQ; 2, 3); Йорк: *Missale ad usum insignis eccle-*

тов — красного (мон-рь Флёри)²⁸, что, в общем, естественно в связи со Страстями, и желтого (мон-рь в Лане)²⁹, что не объяснимо и не имеет аналогов.

Возвращаясь к трактату Иннокентия, следует отметить, что он многое заимствовал у своих предшественников, в частности, у Руперта Дойцского (†1129/1130)³⁰. При этом параллелей к главе о цветах пока не найдено. В некоторых местах можно усмотреть влияние трудов вышеупомянутого Гонория Августодунского. Например, когда Иннокентий сопоставляет с различными добродетелями четыре цвета (пурпур, виссон, гиацинт и червлёный (или кошениль — лат. *sossum*)), он использует облачения ветхозаветных Первосвященников. Пурпур, по определению Иннокентия, означает царское достоинство епископской власти, которая «должна шествовать царским путем, не уклоняясь ни вправо, ни влево, дабы не связывать достойных и не разрешать недостойных». Белизна виссона означает добрую славу, гиацинт «небесного цвета» — чистую совесть, а кошениль — огонь, воспламеняющий сердца и сожигающий грехи.

В основной главе о литургических цветах Иннокентий указывает иной набор — белый, красный, черный, зеленый. Объяснить это противоречие можно только тем, что Иннокентий опирался на римскую практику (в начале главы он заявляет о том, что будет говорить о цветах облачений, принятых в Римской Церкви). Но определить, где именно пролегает граница между его собственными размышлениями над тем, какой цвет подходит для данного праздника, и устойчивой традицией невозможно.

С одной стороны, для всех последующих поколений трактат «О святом таинстве алтаря» служил наилучшей

---

siae Eboracensis / Ed. W.G.Henderson. London, 1872–1874. (Surtees Society; 59). Vol. 1. P. XX.

²⁸ Albers B. *Consuetudines monasticae*. Montecassino, 1912. Bd. 5. S. 145.

²⁹ Chevalier U. *Ordinaires de l'église cathédrale de Laon*. Paris, 1897. P. 113.

³⁰ *Liber de divinis officiis* // PL. 170. Col. 9–332.

репрезентацией обычаев Рима. Например, согласно Ординарию Эксетера 1337 г., употреблять цвета, указанные Иннокентием, — значит облачаться «*juxta morem curie Romane*»³¹.

С другой, он в некоторых случаях явно стремится отмежеваться от практики Римской Курии (см. в переводе о празднике Всех святых) или, по крайней мере, пытается ее скорректировать. Заметно, что Иннокентий, зная о вариативности практики и ее диахронном развитии (см. о празднике Вифлеемских младенцев), пытается отыскать в каждом случае некое правильное или, лучше сказать, универсальное решение, в основании которого лежал бы больший авторитет, чем тот, которым пользуется Рим, то есть Священное Писание.

Что касается объяснений, которые Иннокентий приводит для каждого цвета, то он, скорее, просто компилирует и обобщает информацию. Такие же объяснения встречаются, например, в Ординарии кафедрального собора Магдебурга³². Белый цвет облачений на праздник Богоявления символизирует свет звезды, которая вела волхвов³³. На Пасху его носят в связи с явлением ангелов женам-мироносицам³⁴. Красный цвет на Пятидесятницу должен напоминать явление языков огня апостолам (ср. Деян 2. 3)³⁵. Однако в Ординарии встречаются и более изощренные аллегорические толкования. Так, период Адвента проходит в черных облачениях, так как означает время «под Законом»³⁶, а канун Рождества Христова в фиолетовом или синем, поскольку язычники и иудеи к

---

³¹ См.: Dalton J.N. *Ordinale Exoniense*. London, 1909. (HBS; 37). Vol. 1. P. 12.

³² Kroos R. *Niedersächsische Bildstickereien des Mittelalter*. Berlin, 1970. S. 183ff.

³³ *Ibid.* S. 184.

³⁴ *Ibid.* S. 185.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ *Ibid.* S. 184.

тому времени еще не узрели Света Истины³⁷. Последовательная смена цветов (черный — пурпурный или красный — белый) указывает на «три времени мира» — время господства естественного закона, затем — Закона Моисеева, и, наконец, благодати³⁸.

Хотя предложенная в сочинении Иннокентия схема цветов применяется уже в *Ordo Romanus XIII* (*Saeremoniale Romanum*), изданном по распоряжению папы Григория X (1271–1276), заметны и явные отступления от нее. Например, *Ordo* предписывает носить фиолетовый в период Адвента вместо черного, указанного Иннокентием³⁹. О цветах праздника Входа Господня в Иерусалим в этом памятнике говорится, что «*Gallicana rubeis utatur vestibus, Romana tamen violaciis utitur*»⁴⁰.

Интересно, что цвета облачений, хранившихся, согласно Инвентарю, в папской сокровищнице в период «Авиньонского пленения» (1309–1378), абсолютно не соответствуют канону Иннокентия. Упоминаются «разноцветный» (*diversorum cologum*), «синеватый» (*lividus*), «огненный» (*ardens*), «розоватый»⁴¹, «красно-зеленый» и «красно-белый»⁴², в большом количестве «золотой»⁴³. «Синий» (*indicus, indeus*)⁴⁴ часто предстает аналогом «черного» или «фиолетового»⁴⁵, однако были бы ошибкой однозначно причислить его к траурно-покаянным

---

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ PL. 78. Col. 1114.

⁴⁰ Ibid. Col. 1117.

⁴¹ Hoberg H. Die Inventar des päpstlichen Schatzes in Avignon. Vatican, 1944. (ST; 111). P. 187, 218, 288, 453.

⁴² Ibid. P. 439, 459, 514.

⁴³ Ibid. P. 63ff., 92ff., 98, 191, 421ff., 436, 480ff.

⁴⁴ Ibid. 119, 204, 210, 286, 288, 311, 315, 348, 358, 477ff., 525.

⁴⁵ Ibid. 22, 170.

цветам, так как он иногда называется «azurinus» или «celestinus»⁴⁶.

Смешение «черного», «фиолетового» и «синего» происходит только в Ordo XV Петра Амелия (†1389): «modernis temporibus Romana Ecclesia istis tribus utitur quasi pro uno colore»⁴⁷. Вариативность прослеживается и в отношении других цветов. Например, на Вход Господень в Иерусалим можно облачаться как в фиолетовый, так и в зеленый⁴⁸. Согласно дневнику папского церемониймейстера Иоанна Бурхарда (1493–1506), папа Бонифаций VIII на этот праздник носил облачения черно-зеленого цвета⁴⁹. Он также сообщает о ношении другим папой, Александром VI, белого цвета вместо фиолетового во время покаянных процессий⁵⁰, красного с золотым вместо белого на праздник Богоявления⁵¹ и т.п.

В упоминавшемся эксетерском Ординарии, непосредственно санкционировалось употребление разных цветов, а право выбора оставлялось за местными властями: «Если же случайно окажутся в наличии какие-либо иные облачения разных и неопределенных цветов, по суждению старейших, пусть будут в употреблении в соответствии с их красотой и ценностью, тогда как иные облачения должны сохраняться»⁵².

Современный Иннокентию Ординарий Премонстрантов игнорирует любые предписания относительно литургических цветов и, наоборот, велит носить одноцветные казулы (unius

---

⁴⁶ Ibid. 217, 421. Cp.: Pastoureau M. Bleu: histoire d'une couleur. Paris, 2000.

⁴⁷ PL. 78. Col. 1288; cp. 1283, 1292, 1301, 1315, 1328.

⁴⁸ Ibid. 1204.

⁴⁹ Johannis Burchardi Diarium / Ed. L.Thuasne. Paris, 1883. Vol. 1. P. 143.

⁵⁰ Ibid. Vol. 2. P. 252ff.

⁵¹ Ibid. Vol. 1. P. 442.

⁵² Dalton J.N. Ordinale Exoniense. London, 1909. Vol. 1. P. 14.

coloris)⁵³. Правда, в следующей редакции этого памятника подобных предписаний уже нет⁵⁴.

Канонизация литургических цветов произошла только после Тридентского Собора (1545–1547, 1551–1552, 1562–1563). Одна из глав трактата о правилах совершения служб суточного круга, мессы и таинств, который печатался во введении к соответствующим литургическим книгам, была посвящена цветам облачений (*Rubricae generales Missalis. XVIII. De Coloribus Paramentorum*). Она дает полное представление об официально утвержденных цветах, использовавшихся в Католической Церкви с начала XVII века и до реформ Ватиканского II Собора (1962–1965).

Согласно ей, основных цветов пять. Белый (*albus*) используется в Рождественский и Пасхальный периоды, в господские и богородичные праздники, праздники ангелов, Всех святых, и на памяти святых, кроме мучеников. Красный (*ruber*) — на праздники Крови Христовой, Святого Духа, Креста, апостолов и мучеников. Зеленый (*viridis*) — в воскресные и будние дни после праздников Богоявления и Пятидесятницы. Фиолетовый (*violaceus*) — в периоды постов, Семидесятницы⁵⁵ и на бдениях (кроме праздников Вознесения и Пятидесятницы). Фиолетовый используется и на праздник Вифлеемских младенцев (28 декабря), кроме тех случаев, когда тот падает на воскресенье (тогда он заменяется на красный). Черный (*niger*) — в Великую пятницу и на заупокойных мессах. При служении вне Алтаря — вместо черного может использоваться фиолетовый. Розовый (*color rosaceus*), согласно *Sacrimoniale Episcoporum*, используется в кафедральных соборах вместо фиолетового в 3-е Воскресение Адвента (*Gaudete*) и Преполовление Поста (*Laetare*) (в свя-

---

⁵³ Lefèvre P.F. *L'Ordinaire de Prémontré d'après des manuscrits du XIIe et du XIIIe siècles*. Louvain, 1941. P. 6, 18.

⁵⁴ См.: van Waefelghem M. *Le "Liber Ordinarius" d'après un manuscrit du XIIIe–XIVe siècles*. Louvain, 1913. P. 28.

⁵⁵ Подготовительный период перед началом Великого поста.

зи с обычаем благословлять золотые розы для королевских особ). Белый может заменяться серебряным, а красный и зеленый — золотым.

Таким образом, трактат папы Иннокентия III действительно явился важной вехой в истории формирования системы литургических цветов. Конечно, допустимо возражение, что влияние этого сочинения на современную ему литургическую практику было весьма ограниченным, однако его появление, все же, стало важным симптомом происходящих изменений. Так или иначе, трактат оказался первым шагом на пути к унификации внешних форм богослужения, завершившейся только после Тридентского Собора.

Среди характерных черт хроматической концепции Иннокентия следует отметить отсутствие иерархического построения цветов. Стремление к достоверности и практической целесообразности в его трактате проявляются сильнее.

Не следует также забывать, что сочинение Иннокентия было значимым не только для внутрицерковной жизни. Ведь Церковь в Средние века являлась самой авторитетной инстанцией в деле формирования культурных традиций. Поэтому трактат Иннокентия мог способствовать созданию стереотипного восприятия цвета и в других социальных группах. Не случайно время его составления совпадает с периодом геральдизации знати. Видимо, в ту эпоху все сословия, а не только *milites* или *nobiles*, оказались заинтересованными в эмблематизации своей социальной деятельности, поскольку само наличие особой цветовой атрибуции маркировало социальную значимость индивида и резервировало для него место в эмблематическом пространстве средневекового универсума⁵⁶.

---

⁵⁶ Более того, указанные тенденции приводили и к принудительная идентификации некоторых групп. Так, например, согласно 68-му канону IV Латеранского Собора (1215), обозначением евреев с этого момента должен был служить желтый цвет, см.: Cutler A. Innocent III and the distinctive clothing of Jews and Muslims // *Studies in medieval culture* /

Приложение

Дж.Лотарио (Иннокентий III). О святом таинстве алтаря (фрагмент)⁵⁷
(перевод А.А.Ткаченко)

[...] Глава LXV. О четырех основных цветах, по которым должны различаться облачения в соответствии со своеобразием дней.

Существует четыре основных цвета, по которым Римская Церковь, в соответствии со своеобразием дней, различает священные одеяния, — белый (*albus*), красный (*rubeus*), черный (*niger*) и зеленый (*viridis*). Ибо сказано, что и в законных⁵⁸ одеяниях было четыре цвета: виолетовый и пурпур, гиацинт и червлёный⁵⁹.

В белые одежды облачаются на праздники исповедников и дев, в красные — на праздники апостолов и мучеников. Поэтому говорит невеста в Песни песней: «Возлюбленный мой бел (*candidus*) и румян (*rubicundus*), лучше десяти тысяч других»⁶⁰.

В белые — на [праздники] исповедников и мучеников, в «румяных» — на [праздники] мучеников и апостолов. Те и другие суть цветы роз и лилии долин. Посему, белые одеяния следует использовать на праздники исповедников и дев по причине их чистоты и непорочности.

Ed. J. Sommerfeldt. 1970. Vol. 3. P. 92–116; Warr C. De indumentis: The Importance of Religious Dress during the Papacy of Innocent III // *Innocenzo III — Urbs et Orbis: Atti del Congresso Internazionale Roma, 9–15 settembre 1998 / a cura di Andrea Sommerlechner (Istituto storico Italiano per il medio evo)*. Roma, 2003. Vol. 1. P. 489–502.

⁵⁷ PL. 217. Col. 779–802.

⁵⁸ Т.е. ветхозаветных.

⁵⁹ Ср. Исх 28. 15.

⁶⁰ Песн 5. 5.

Ведь белы становятся назореи Его и ходят с ним всегда в белом. Девы же потому, что таковы и есть, и следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел⁶¹.

Думаю, что по этой причине белые [облачения] должны использоваться и в следующие праздники: а именно, на праздники ангелов, о сиянии которых Господь говорит Люциферу: «Где ты был, когда прославляли Меня утренние звезды»⁶².

[Белые облачения носят] на Рождество Спасителя и Предтечи, поскольку и Тот, и другой родились чистыми, то есть не имея первородного греха. Взошел же Господь на облако легкое, то есть воспринял плоть, свободную от греха, и вошел в Египет⁶³, то есть пришел в мир, почему и ангел говорит Деве: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Вышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим»⁶⁴. Иоанн же, хотя и был зачат во грехе, однако был освящен в утробе, по тому пророчеству: «Прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятит тебя»⁶⁵. Ведь и ангел говорит Захарии: «Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей»⁶⁶.

На Богоявление [белые облачения носят] из-за блеска звезды, которая вела волхвов, по тому пророчеству: «И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию»⁶⁷.

На [праздник] Сретения — из-за чистоты Девы, которая по песни Симеона принесла «свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля»⁶⁸.

---

⁶¹ Откр 14. 4.

⁶² Иов 38. 7.

⁶³ Ср. Ис 19. 2.

⁶⁴ Лк 1. 35.

⁶⁵ Иер 1. 5.

⁶⁶ Лк 1. 15.

⁶⁷ Ис 60. 3.

⁶⁸ Лк 2. 32.

На Трапезу Господню⁶⁹ — в связи с приготовлением муча, которое освящается для очищения души. Ведь и евангельское чтение в этот праздник особенно рекомендует чистоту: «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь»⁷⁰, и еще: «если не умою тебя, не имеешь части со Мною»⁷¹.

На [праздник] Воскресения — из-за ангела, свидетеля и провозвестника воскресения, который явился облеченным в белую одежду⁷²; о котором говорит Матфей, что вид его был, как молния и одежда его бела, как снег⁷³.

На [праздник] Вознесения из-за белого облака, на котором Христос вознесся. Ведь «предстали им два мужа в белой одежде», которые «и сказали: Мужы Галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо?» и т.д.⁷⁴

Не праздности ради надо отметить, чтобы и при посвящении во епископа такие же облачения использовались, а посвящающими и служителями (ведь посвящаемым всегда используются белые) — те [облачения], которые соответствуют дню; однако при освящении церкви всегда должны использоваться белые, сколько бы дней ни праздновалось освящение. Поскольку на посвящение во епископа поется месса дня, а на освящение базилики — месса освящения. Ведь и Церковь именем девы нарицается по сказанному Апостолом: «Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою»⁷⁵. О чем Жених говорит в Песни: «Вся ты прекрасна, возлюб-

---

⁶⁹ В Великий четверг, когда вспоминается Тайная вечеря и установление Евхаристии (Трапезы Господней).

⁷⁰ Ин 13. 10.

⁷¹ Ин 13. 8.

⁷² Мк 16. 5.

⁷³ Мф 28. 3.

⁷⁴ Деян 1. 10–11.

⁷⁵ 2 Кор 11. 2.

ленная моя, и пятна нет на тебе. Со мною с Ливана невеста! Со мною иди с Ливана!»⁷⁶.

Красные же одеяния должны использоваться на праздники апостолов и мучеников из-за страдальческой крови, которую они пролили за Христа. Ведь они — те, «которые пришли от великой скорби; омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца»⁷⁷.

[Красные облачения полагаются и] на праздник Креста, на котором Христос за нас пролил Свою Кровь; отчего и пророк [говорит]: «Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле?»⁷⁸. Или пусть лучше на праздник Креста используется белое, так как не Страстей праздник, а Обретения или Воздвижения.

[Также красные] на Пятидесятницу из-за горения Духа Святого, Который на апостолов сошел в огненных языках. Ведь «явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почил по одному на каждом из них»⁷⁹. Отчего и пророк [говорит]: «Послал Он огонь в кости мои»⁸⁰.

Пусть же на Мученичество Петра и Павла используются красные, а на Обращение⁸¹ и Кафедру⁸² — белые.

Хотя на Рождество Иоанна [Предтечи] принято использовать белые [облачения], на Усекновение [главы] его должны использоваться красные.

---

⁷⁶ Песн 4. 7–8.

⁷⁷ Откр 7. 14.

⁷⁸ Ис 63. 2.

⁷⁹ Деян 2. 3.

⁸⁰ Плач 1. 13.

⁸¹ Обращение св. ап. Павла празднуется 25 января.

⁸² Кафедра св. ап. Петра — 22 февраля. Праздник восходит к древнеримской традиции в день поминовения усопшего члена семьи оставлять для него свободное место за столом. В отношении ап. Петра, считающегося в католической традиции первым епископом г. Рима, свободный стул был истолкован как епископский трон (кафедра), а поминовение — как празднование возглавления им Римской Церкви.

Когда же празднуется праздник того, кто равно и мученик и девственник, мученичество ставится выше девства, так как является знаком более совершенной любви, в согласии с тем, что говорит Истина: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»⁸³. Поэтому и на поминовение Всех святых, конечно, красные одеяния используют, но другие [носят], подобно Римской курии, белые; так как не столько по этой [причине⁸⁴] Церковь объявляет торжество, а по той, что святые, согласно Откровению Иоанна [Богослова], стояли «перед Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих»⁸⁵.

Черные (*nigris*) же одеяния должны использоваться в день скорби и поста, из-за грехов и [памяти об] умерших⁸⁶.

От Адвента, разумеется, и вплоть до кануна Рождества (*Natalis vigiliam*) и от Семидесятницы (*Septuagesima*) и до Субботы Пасхи. Ибо невеста говорит в Песни песней: «Дщери Иерусалимские! Черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня»⁸⁷.

На праздник же [Вифлеемских] младенцев (*Innocentium*) —, конечно, черные; [однако] другие настаивают, что должны использоваться красные облачения (*tubeis*).

---

⁸³ Ин 15. 13.

⁸⁴ Т.е. из-за мученичества.

⁸⁵ Откр 7. 9.

⁸⁶ Черный цвет выступает символом смерти, греховности и тьмы уже у раннехристианских авторов (Послание Варнавы. 4. 10; *Ерм.* Подобия. 9. 19. 1; 1 Клим 8. 3). Однако, например, сщмч. Киприан Карфагенский (О смертности. 20), наоборот, запрещает ношение черного в знак траура и рекомендует носить белое как символ небесного блаженства усопшего (см.: *Rush A. C. The Colours of Red and Black in the Liturgy of the Dead // Kyriakon: Festschrift Johannes Quasten. / Hrsg. P. Granfield, J. A. Jungmann. Münster, 1970. Bd. 2. S. 698–708*). Такую же позицию по этому вопросу занял II Ватиканский Собор (Конституция о священной литургии. 81 (1963 г.)).

⁸⁷ Песн 1. 4–5.

Первые — из-за скорби, так как «голос слышен в Рае и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет»⁸⁸. Ведь из-за этого и радостные песни (*cantica lætitiæ*) отменяются и не носят митру с шелковым покрывалом, расшитым золотом (*aurifrigio*). Вторые [т.е. красные облачения] — по причине [их] мученичества, о чем особенно вспоминая, Церковь говорит: «Под престолом Божиим святые восклицали: Отмсти за кровь нашу, которая пролита, Боже наш»⁸⁹. Следовательно, из-за той скорби, которая отмечается умолканием радостных песней, и митра носится непокрытой, а красные облачения используются из-за мученичества. Ныне же мы используем фиолетовые [облачения], как на «Веселися, Иерусалиме» (*Lætare*), [когда] из-за радости, которую символизирует золотая роза, Римский понтифик носит митру с покрывалом, а из-за воздержания — черные [облачения], но вернее использовать фиолетовые одеяния.

Остается, следовательно, то, во что [облачаются] в будние дни (*in diebus ferialibus*) и общие памяти (*communibus*): пусть используются зеленые (*viridibus*) облачения, так как зеленый цвет является средним между белизной (*albedinem*), чернотой (*nigredinem*) и краснотой (*tuborem*). Этот цвет подразумевается, когда говорится: «Киперы с нардами, нарды и шафран»⁹⁰.

С этими [цветами] соотносятся четыре других. С красным цветом (*rubeum*) — алый (*coccineus*), с черным (*nigrum*) — фиолетовый (*violaceus*), с зеленым (*viridem*) — желтый (*croceus*). Хотя никоим образом не относятся розы к мученикам, шафран (*crocum*) к исповедникам, а лилии к девам. [...]

---

⁸⁸ Иер 31. 15.

⁸⁹ Ср. Откр 6. 10.

⁹⁰ Песн 4. 13–14.

В.А. Антонов

Гербы представителей датского королевского рода Эстридсенов (XII–XIV вв.)

Научное изучение истории гербов на датской почве берет свое начало в XVIII столетии, с возникновения интереса к историческим судьбам эмблем и знаков королевского герба. Первым, кто обратился к этой теме, был известный датский комедиограф и историк Л. Хольберг. В 1729 г. он издал книгу под названием «Описание Дании и Норвегии», в которой одна из глав посвящалась истории эмблем герба королей Дании-Норвегии¹ и, в частности, истории появления гербовой эмблемы, обозначавшей Датское королевство. На основе данных иконографии королевских печатей Л. Хольберг приходил к заключению, что древнейшее изображение этой эмблемы следует датировать временем правления короля Вальдемара II (1202–1241), а стало быть, именно последнего и следует считать учредителем датского герба².

Этот вывод Л. Хольберга не подвергался сомнению вплоть до 1879 г., когда собиратель средневековых датских печатей Х. Петерсен обнаружил в архиве немецкого города Шверин грамоту короля Дании Кнута VI (1182–

Печать Кнута VI
(пер. пол. 1190 гг.)

---

¹ Holberg L. Om Dannemarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. København, 1729. S. 617–632.

² «Waldemar 2. det Danske vaabens stifter» (Ibid. S. 623).

1202)³, к которой была привешена двусторонняя печать, принадлежавшая этому королю. На одной ее стороне находилось изображение восседающего на троне короля, на другой – треугольный щит, в котором были заключены три расположенных друг над другом льва в окружении многочисленных сердец. Сообщение о своей находке Х.Петерсен обнародовал в печати в 1882 г.⁴, чем положил начало обсуждению вопроса о годе, которым следует датировать документ с печатью короля Кнута и соответственно саму эту печать и представленный на ней герб. Другой вопрос, который отныне будет привлекать к себе внимание исследователей, касался обстоятельств появления датского герба и значения его знаков, в первую очередь львов.

Относительно датировки документа, при котором находилась печать короля Кнута, поначалу сходились на том, что этот документ увидел свет около 1190 г.⁵ Однако позднейшие историко-археографические изыскания, проведенные уже во втор. пол. XX в., позволили сделать выводы, которые дали основание для пересмотра этой даты. Как следствие, в своде актового материала по истории Дании конца XII в., изданном в 1976 г.⁶, упомянутый документ был отнесен приблизительно к 1194 г. Соответственно этим временем, стали определять и самую позднюю дату возникновения датского герба.

Что касается обстоятельств появления герба короля Дании и смысла его знаков, то по этому поводу было высказано несколько соображений. Прежде всего, речь шла

---

³ Этой грамотой «Кнут Божией милостью король датчан и славян» («*Kanutus dei gracia Danorum Sclauorumque rex*») разрешал земельную тяжбу, возникшую между его славянскими вассалами в Померании (*Diplomatarium Danicum (далее — DD) / Udg. af C.A.Christensen, H.Hielsen, L.Weibull. København, 1976. R. 1. Bd. 3. Del 1. N 202*).

⁴ Petersen H. Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie (далее — ANOH). København, 1882. S. 25.*

⁵ См.: *Danske kongelige Sigiller samt sønderjydske Hertugers og andre til Danmark knyttede Fyrsters Sigiller 1085-1559 samlede af H. Petersen udgivne af A. Thiset (далее — DKS). København, 1917. N 5 a-b. S. 1.*

⁶ *DD. R. 1. Bd. 3. Del 1. S. 315-316.*

о львах. Так, А.Тисет считал датский герб производным от герба королей Англии⁷. Данное предположение, однако, не имело фактического обоснования. Кроме того, оно противоречило тому, что первое свидетельство о трех львах как гербе английских королей относится только к 1195 г. Этим годом датируется печать Ричарда I Львиное Сердце, на которой представлен конный рыцарь и щит с тремя изображенными один над другим львами⁸.

Усомнившись в верности точки зрения А.Тисета, историко-геральдическая мысль, однако, не отвергла полностью общую связь происхождения гербов королей Дании и Англии. Было обращено внимание на обстоятельства, при которых эти гербы могли появиться. Так, подметили, что король Ричард начал носить щит с тремя львами вскоре после освобождения из плена, в который он попал к императору Генриху VI при возвращении из крестового похода и во время которого он дал императору ленную присягу за свое королевство. На основании этих фактов возникло предположение, что Ричард, в соответствии с обычаем той эпохи, как вассал императора стал носить герб своего сеньора. Исходя из этого предположения, С.Т.Ахен заключил, что появление герба с тремя львами, или поначалу с одним львом, у короля Дании также явилось следствием принесения датским государем ленной присяги императору из династии Штауфенов. Причем королем Дании, который первым стал носить такой герб, мог быть Вальдемар I (1157–1182), отец Кнута VI. В подтверждение своей мысли С.Т.Ахен ссылаясь на известие о признании в 1162 г. со стороны короля Вальдемара вассальной зависимости от императора Фридриха I⁹.

Однако, как показали изыскания Э.Гённера, самое раннее известие о трех львах в гербах представителей

---

⁷ Thiset A. Nogle Bemærkninger om dansk Heraldik i Fortid og Nutid // ANOH. 1902. S. 1–36.

⁸ См.: Humphery-Smith C. Hvorfor tre leoparder? // Heraldisk tidsskrift (*далее* — Herald. Tidsskr.). København, 1982. N 46. S. 263.

⁹ Achen S.T. De skandinaviske kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen. Danmark // Ibid. 1969. N 20. S. 447.

рода Штауфенов может датироваться только 1196–1198 гг., т.е. более поздним временем, нежели первые свидетельства о гербах с тремя львами королей Дании и Англии. Это известие восходит к иконографии печати герцога Филиппа Швабского¹⁰, сына императора Фридриха I. На печати конного типа – щит с тремя львами. Кроме того, Ричард I и Вальдемар I признавали себя васалами не герцогов, но императоров из династии Штауфенов. К этому можно добавить, что о каком-либо императорском гербе до XIII в. сведений не имеется.

Во второй половине XX в. высказывались также суждения о том, что образ льва в королевских и княжеских гербах XII–XIII вв. использовался в качестве символа власти короля или князя. Среди датских историков на это обратил внимание со ссылками на ветхозаветные тексты Т. Риис. По его мнению, иконография печати Кнута VI не только в части изображения восседающего на троне короля, но и в части щита со львами представляла датского короля в качестве суверенного государя¹¹.

В то же время на почве обоснования образа льва как символа власти государя возникла идея, согласно которой короли и князья использовали указанный образ со значением знака своей независимости от императора. Другими словами, лев противопоставлялся императорскому орлу. Исходя из этой идеи, Н.Г.Бартольди предположил, что изображение львов на щите короля Дании явилось также прямым следствием отказа со стороны последнего признавать над собой верховную власть императора, или, иначе говоря, «датские львы мыслились как символическая защита от императорского орла». По мнению Н.Г.Бартольди, этим датским королем был либо Вальдемар I, либо его старший сын Кнут VI. Сам образ льва с таким политическим значением они могли позаим-

---

¹⁰ Gönner E. Das Wappen des Herzogtums Schwaben und des Schwäbischen Kreises // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. Jahrgang XXVI. 1967. Festgabe Walter Grube zur Vollendung des 60. Lebensjahres. Stuttgart, 1967. S. 21.

¹¹ Riis Th. Les institutions politiques centrales du Danemark 1100–1332. København, 1977. S. 192–193.

ствовать у герцога Генриха Льва, с которым Вальдемар и Кнут состояли в родственных отношениях¹². При этом король Дании первоначально, подобно Вельфам и Штауфенам, мог принять в качестве символа власти эмблему только с одним львом.

Однако вопрос о происхождении эмблемы «три льва» Н.Г.Бартольди оставил без ответа. Не находим у него, равно и других сторонников идеи о противостоянии королевско-княжеского льва императорскому орлу, разъяснений и на предмет того, каким образом в XII в., когда у императора еще не было герба с образом орла, этому последнему мог противопоставляться со значением политического символа образ льва в гербах королей и князей. Нельзя же, в конце концов, считать, что указанная идея может находить удовлетворительное обоснование на основе косвенных фактов, относящихся к тому же ко второй четверти XIII в., например, на свидетельствах иллюстрации рукописи Саксонского Зерцала 1240 г., где щит с орлом обозначает Римского короля (императора), а щит со львом – князя¹³.

Таким образом, подводя итог суждениям, которые высказывались в исторической литературе по поводу вопроса о происхождении львов герба королей Дании из дома Эстридсенов, можно заключить, что на этот вопрос еще не дан сколько-нибудь убедительный ответ. В то же время нельзя не отметить, что упомянутые исследования имеют важное научное значение, поскольку способствовали выяснению круга геральдических источников по данной теме и определению методов ее изучения. Особенно следует выделить применение элементов сравнительно-исторического метода, проявлявшихся в том, что при рассмотрении вопроса о происхождении герба королей Дании обращалось внимание на обстоятельства появления в XII в. гербов с образом льва у королей и князей других стран Западной Европы. Правда, методологиче-

---

¹² Bartholdy N.G. Valdemarernes løvevåben. Hovedtræk af en teori om de danske kongers politiske motivering for at antage løvefiguren i det 12. århundrede // Herald. Tidsskr. 1984. N 49/50. S. 21–30.

¹³ Ibid. S. 23.

ское обоснование, из которого исходили упомянутые исследователи, с нашей точки зрения, не способствовали успешному применению этого метода, что собственно и предопределило отмеченный выше неудовлетворительный характер их выводов.

Действительно, в рассуждениях историков, по обыкновению, упор делался на поиски в XII в. политических причин появления знаков и эмблем, обозначавших государей, и почти не уделялось внимания особенностям мирозерцания людей той эпохи. Между тем причины возникновения этих знаков и эмблем, по нашему мнению, в первую очередь следует искать в обстоятельствах именно духовной жизни западноевропейских народов высокого Средневековья. И, прежде всего, здесь надо обратить внимание на то обстоятельство, что к XII в., к тому времени, когда начинают появляться первые гербы, народы Западной Европы уже составляли религиозно-культурную общность – мир римско-католического, латинского Запада. К числу европейских народов, культурно-историческая жизнь которых со времени высокого Средневековья протекала на почве общих духовных переживаний, принадлежали и датчане. Стало быть, возникновение и развитие самого понятия «герба» в Дании необходимо рассматривать как частное проявление возникновения и развития в целом западноевропейского понятия «герба». На той же духовной почве у датчан не могли не укорениться и общие для народов Западной Европы понятия о символическом значении гербовых знаков. Иначе говоря, ответы на вопросы, связанные с историей гербов в XII–XIII вв., следует искать в характере душевного строя и умонастроения человека Западной Европы эпохи высокого Средневековья, как-то: прежде всего, в его религиозном, символическом, иерархическом и универсальном мирозерцании¹⁴.

Именно это мирозерцание являлось духовным источником и оправданием распространения типических

---

¹⁴ О средневековом мирозерцании см.: Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907; Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.

образцов литературного и художественного творчества человека высокого Средневековья, а также его идеальных представлений о мировом общественно-правовом порядке и месте в нем каждого лица и состояния (чина, сословия). И поскольку герб был тоже явлением искусства и общественной жизни, то можно предполагать, что истоки его зарождения в XII в. должны были обнаруживать себя в универсальных воззрениях на искусство и общество, характеризовавших умонастроение человека культурно-исторического мира Западной Европы той эпохи.

Основываясь теперь на этих методологических ображениях, попытаемся с помощью сравнительно-исторического метода ответить на вопрос о происхождении образа льва в качестве эмблемы и гербового знака, что, в свою очередь, может позволить найти объяснение столь широкому распространению этого образа в гербах европейских владетелей XII–XIII вв.

В самом деле, подмечено, что в Западной Европе образ льва получил заметное распространение в литературе и искусстве в XI–XII вв. Это было время, когда в архитектуре христианского Запада господствовал романский стиль. Он предполагал в качестве элемента храмового зодчества использование скульптурных и рельефных изображений разного рода в действительности существующих и фантастических животных, в числе которых присутствует и образ льва как символ страшной, обычно сатанинской силы, подстерегающей людские души, оставившие церковную ограду. Однако в эпоху романского искусства в христианском мире образ льва, прежде всего, на основе его упоминаний в библейских текстах, олицетворял не только темные силы, но и светлое начало. Последнее значение образа льва христианское сознание еще с апостольских времен обнаруживало в символе верного и сильного стража, а также в символе царственного величия Христа¹⁵.

---

¹⁵ Уваров С.С. Христианская символика. Ч. I: Символика древнехристианского периода. М., 1908. С. 204–205; Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. XXXII–XXXIII.

Самое развитие романского искусства в западноевропейских странах совершалось в течение XI столетия в условиях нарастания религиозного настроения у народов Западной Европы, настроения, которое, в том числе, подготовило духовную почву для возникновения военнокрестового движения на Восток. Несомненно, все это были явления, выражавшие общие особенности религиозного одушевления людей христианского Запада того времени. В то же время эти особенности находили свое выражение не только в христианском зодчестве, но и через другие понятия и произведения художественного творчества, в число которых входили иконографические изображения в церквах и на различных предметах, в том числе монетах и печатях государей.

Идеал христианского служения в XI–XII вв. нашел свое выражение в образе воина, рыцаря Христа (*miles Christi*), готового пострадать, в том числе и на поле брани, во славу Господа и тем самым обрести спасение. Для христианского государя, в котором с IV в. христиане привыкли видеть внешнего охранителя Церкви, отвечать такому идеалу было нормой. К тому же средневековое мирозерцание, воспринимавшее горнее как прообраз земного, сопоставляло Царя Небесного с царем земным, видело в государе этого мира образ Божий (*imago Dei*). Отсюда становится понятным и характер тех изображений, которые мы находим на печатях западноевропейских владетелей XI–XII вв. На печатях императора и королей присутствует изображение восседающего на троне монарха, напоминающего своим видом Иисуса Христа в композиции Христос во славе, или Спас Вседержитель, широко представленной в иконографии романских храмов. Тогда же на печатях владетельных особ получает широкое распространение их изображение в образе всадника-рыцаря, обычно скачущего. В этом типическом образе, надо полагать, нашел свое отражение духовный идеал эпохи — воин Христов. Его идею символизировали святые воины, прежде всего св. Георгий, пользовавшийся особенно большим почитанием у государей и их военных слуг во всем христианском мире. И нельзя не отметить, что именно на щите рыцаря — типического

образа, встречающегося преимущественно на княжеских печатях, со второй половины XII в. часто обнаруживается изображение льва.

Но одновременно появляются и письменные тексты, из которых видно, что европейские государи могли носить прозвище «лев», как, например, герцог Саксонии и Баварии Генрих Лев (ум. 1195). На монетах, чеканенных по его приказу, он обозначен как «*heinricus leo dux*» («Генрих лев герцог») ¹⁶. В эпоху, в которую мир земной мыслился как образ мира горнего, смысл этого прозвища, конечно, должен был наполняться религиозно-нравственным содержанием. Генрих не уподоблялся льву как правитель людей правителю животных. Нет, он представлялся с таким прозвищем потому, что в понятие «лев» были заключены нравственные качества, характеризовавшие небесный прообраз, которому Генрих желал уподобиться. Другими словами, поскольку символом прообраза являлся лев, то, следовательно, и символом образа должен был служить тоже лев.

От конца XII в. сохранились также тексты, из которых видно, какими качествами должен был обладать государь, уподобленный льву. Так, например, король Норвегии Сверре (1184–1202) представлялся как «*sverus rex magnus, ferus ut leo, mitis ut agnus*» («Сверре великий король, свирепый как лев, кроткий как агнец») ¹⁷, а датский герцог Кнут Лавард (ум. 1131) прославлялся в качестве святого как «*Dux, iudex iustus, sevis leo, mitibus agnus*» («Герцог, судья справедливый, для злых лев, для кротких агнец») ¹⁸.

И лев, и агнец мыслились символами Христа, следовательно, в этих сравнениях земные правители, вероятно, уподоблялись Царю Небесному. Нет сомнений, что обра-

---

¹⁶ Gönner E. Op. cit. S. 29.

¹⁷ Fjordholm O. Om opphavet til det norske løvevåpen. En historiografisk framstilling // Herald. Tidsskr. N 49/50. 1984. S. 31.

¹⁸ Vita altera Kanuti ducis. In passione Sancti Kanuti. Ad vespas // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXIX. Hannoverae, 1892. P. 11. Этот текст датируется временем после 1170 г., когда Кнут Лавард был объявлен святым.

зы льва и агнца использовались в характеристике упомянутых правителей в качестве символов типических нравственных качеств, которыми наделялся идеальный христианский правитель. В данном случае лев – символ силы, которая карает зло.

Но если в XII в. государь уподоблялся льву как символу своего прообраза Христа, то становится понятным, почему лев в том же столетии стал изображаться на печатях и монетах европейских государей. В условиях религиозного одушевления, искавшего, как свидетельствует романское искусство, своего знаково-символического, наглядно-чувственного выражения, у государей возникла потребность не только словесно, но и через зримое изображение обозначаться христианским символом в виде образа льва. Следовательно, этот образ поначалу являлся не личным или родовым гербом, а типическим христианским знаком правителей.

Нет сомнений, что таким же типическим христианским знаком предстал и агнец на монетах датских королей: Кнута Великого (1018–1035)¹⁹, Хардекнута (1035–1042)²⁰ и Вальдемара I (1157–1182)²¹. Агнец с крестовой хоругвью представлен также на печати шведского короля Кнута Эрикссона (1167–1197)²². Через этот символ Христа выражалась идея о другой нравственной обязанности христианского государя как образа Небесного Царя: при исполнении своей должности выказывать кротость, смирение, жертвенность, быть любезным со своими подданными. По свидетельству датского историка конца XII в. Свена Аггесена, именно «вследствие характера медоточивой сладости» или, в другой редакции, «за приятней-

---

¹⁹ Bendixen K. Danmarks mønt. 2. udg. København, 1976. Fig. 20. На монете читается надпись: «angnus dei» («Агнец Божий»).

²⁰ Ibid. Fig. 25.

²¹ Ibid. Fig. 47.

²² Seitz H. Riksvåpen og kongevåpen. Sverige // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder (далеe — KLNМ). København, 1969. Bd. XIV. S. 289.

ший нрав» «Агнцем» был прозван король Дании Эрик III (1137–1146)²³.

Вывод о первоначальной типичности образа льва находит подтверждение и в том факте, что на печатях представителей различных княжеских династий XII в. этот образ не обнаруживал характерных различий, которые могли бы свидетельствовать о его значении личного или родового знака. Замечаем также и то, что прямые потомки некоторых князей, живших в XII в. и избравших своим знаком льва или нескольких львов, начиная с конца этого столетия или в первой половине XIII в., носили гербы, заключающие в себе другое, большее или меньшее, число львов. При этом гербы с образом льва различались также цветами и порой дополнительными знаками. Возникавшие таким путем личные гербы затем приобретали устойчивый характер, переходили по наследству, становились родовыми. Отметим, что со временем гербом мог стать и Агнец Божий, как, например, это случилось с его изображением на печати острова Готланд. Во втор. пол. XVI в. эта эмблема, представлявшая собой агнца с крестовой хоругвью, была включена в составной герб короля Дании в качестве герба Готланда.

Предположение относительно употребления королями и князьями в течение большей части XII в. образа льва преимущественно еще как типического знака может находить свое оправдание и в выводах историков средневекового европейского искусства. Было отмечено, что в XI–XII вв., в эпоху расцвета романского искусства, живописные и скульптурные образы людей и животных еще несли на себе сильную печать типичности, что обуславливалось мирозерцанием эпохи. И только с развитием готического искусства (втор. пол. XII–XIII вв.) художественные образы, прежде всего, пластические, постепенно начали обретать индивидуальные черты²⁴. Но именно на

---

²³ «ob melliflue dulcedinis habitudinem Agnum cognominabant», «ob suauissimos mores Agnum cognominabant» (Svenonis Aggonis filii Brevis Historia Regum Dacie // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Ed. M. Cl. Gertz. København, 1917–1918. Cap. XVI. P. 136–137).

²⁴ Дворжак М. Идеализм и натурализм в готической скульптуре и жи-

это время приходится появление личных и наследственных эмблем-гербов с образом льва, откуда можно заключить, что развитие явления герба обуславливалось теми же душевными переживаниями, какие вызывали к жизни развитие готического искусства.

Таким образом, сам общий характер духовного настроения христиан XII–XIII вв. предполагал выражение в материальных символах христианских понятий. Этим, в конце концов, и следует объяснять использование образа льва в качестве символа-знака государей во всем христианском мире: от Русской земли²⁵ до королевства Леон, от Норвегии и Шотландии до Кипра и Киликии. В то же время особенности мирозерцания людей европейского Запада создали духовную почву для превращения этого знака в личный и наследственный герб.

Судя по печатям XII–XIII вв., государи имели обыкновение украшать изображением льва, прежде всего, свои щиты, хотя оно могло помещаться и на других вещах, например, одежде. Пожалуй, первым западноевропейским правителем, о котором сохранилось известие, что его щит и одежда содержали изображение льва, был король Норвегии Магнус III Голоногий (1093–1103). В саге об этом короле, входящей в собрание саг о норвежских королях под названием «Круг Земной», рассказывается, что перед битвой с ирландцами в 1103 г. Магнус имел «красный щит со львом, выложенным золотом» («гауðan skjöld ok lagt á með gulli léo»). Кроме того, «сверху рубашки на нем был красный плащ из шелка, и на нем спереди и сзади золотым шелком был выткан лев» («Hann hafði silkijúp rauðan yfir skurtu ok skorit fyrir ok á bak léo með gulli silki»)²⁶. Правда, не следует забывать,

---

вописи // Дворжак М. История искусства как история духа. СПб., 2001. С. 121.

²⁵ См.: Лаппо-Данилевский А. Печати галичско-владимирских князей и их современников // Болеслав-Юрий II, князь Малой Руси. СПб., 1907. С. 211–308; Некрасов А.И. О гербе суздальских князей. // Сборник статей в честь акад. А.И.Соболевского. Л., 1928. С. 406–409.

²⁶ Snorri Sturluson. Heimskringla. Reykjavik, 1944. S. 646. (Рус. пер. М.И.Стеблин-Каменского см.: Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 479).

что сага о Магнусе Голоногом была написана более ста лет спустя после его смерти. Поэтому нельзя исключать, что исландский писатель Снорри Стурлусон, из-под пера которого вышла эта сага, мог представить щит и одежду короля Магнуса с образом льва под впечатлением того, что в первой половине XIII в. лев изображался в гербе короля Норвегии. Другими словами, Снорри, в согласии с характером средневекового умонастроения, мыслил герб современного ему норвежского государя в качестве герба его предшественников на троне Норвегии²⁷.

Представление об образе льва как о типическом символе власти государя пришло к скандинавам, по-видимому, вместе с христианским вероучением. Конечно, они и в дохристианскую пору, во время своих военных походов и торговых путешествий в южные и восточные земли, могли видеть живых львов и узнать, что у тамошних народов эти животные считаются самыми сильными и отважными. Но вот что примечательно. Ни среди персонажей, ни как образ для сравнения в скандинавской мифологии лев не числится. Это верный знак того, что образ льва с его традиционными характеристиками был воспринят скандинавами только вместе с христианским мировоззрением, а потому и его духовное содержание поначалу было христианским. На христианские истоки образа льва указывает и само слово «лев»: в скандинавские языки оно вошло из языка латинского — языка Римско-католической Церкви.

---

²⁷ Лев мог являться знаком короля Норвегии уже при короле Сверре (1184–1202), как можно заключить из приведенного выше свидетельства об отождествлении этого короля со львом. Кроме того, временем Сверре или его ближайших преемников, правивших до 1217 г., возможно, датируются норвежские монеты с образом льва. Что же касается древнейшего изображения льва в гербе короля Норвегии, то оно восходит ко времени царствования Хокона IV (1217–1263). На печати этого короля, употреблявшейся в 1236 г., конный рыцарь держит щит с восстающим львом. При короле Эрике II (1280–1299), как следует из иконографии его печати 1280 г., лев стал изображаться с боевым топором, который являлся атрибутом св. Олафа, в представлениях норвежцев средневековой эпохи небесного покровителя Норвегии и её «вечного короля» (Fjordholm O. Op. cit. S. 31–35; Trættestad H. Riksvåpen og kongevåpen. Norge // KLN. 1969. Bd. XIV. S. 284–286).

Начало проповеди Евангелия в Дании восходит к первой половине IX в., но только со второй половины X в. христианство прочно утверждается на датской почве. Именно этим временем датируется древнейшее изображение льва в Дании. Речь идет о большом камне из Еллингге (Ютландия), который воздвигнул король Харальд Гормсен в 60–70-е гг. X в. На одной стороне памятника находится изображение распятого Христа на фоне змеевидной ленты, а на другой – фигура стилизованного льва, вступившего в единоборство со змием. На камне также выбит рунический текст, который завершается словами: «Харальд, который владел всей Данией и Норвегией и датчан сделал христианами»²⁸. На наш взгляд, представленное здесь изображение борющегося со змием льва можно истолковать только в христианском смысле. Образ льва на камне из Еллингге выражал ту же идею торжества христианства, что и образ распятого Христа на противоположной стороне памятника, но только иным изобразительным языком.

С этим своим значением, а также в качестве символа злого духа, в полном соответствии с его амбивалентным истолкованием христианской традицией, образ льва находит свое материальное воплощение в христианском искусстве Дании XII – пер. пол. XIII вв., а именно в период господства в Дании романского стиля. От этого времени сохранились рельефные изображения львов на внешних стенах храмов и на купелях. XII столетием также датируются некоторые предметы церковного и светского обихода, выполненные в виде львиных фигур²⁹. Именно в XII в. в апсидах датских церквей появляются фресковые изображения Спаса Вседержителя в окружении символов четырех Евангелистов; символом Марка был лев³⁰. Добавим к этому, что религиозный подъем,

---

²⁸ См.: Клиндт-Енсен О. Рунические камни — зеркало социальных отношений // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 129–130, 140.

²⁹ Lassen E. Fra runesten til altertavle ca. 900–1500. København, 1972. S. 46–89 (Dansk kunst historie. Billedkunst og skulptur. Bd. I).

³⁰ Danske kalkmalerier. Romansk tid. 1080–1175. Red af H. Hastrup og R. Egevang. København, 1986. S. 98–99, 104–105.

охвативший Запад в XI–XII вв., затронул и датское общество. Датчане совершали паломничество в Святую Землю, участвовали в крестовых походах. В это же время по всей Дании шло широкое строительство церквей. Все это говорит за то, что в эпоху крестовых походов датчане переживали тот же этап своего духовного развития, что и другие народы христианского Запада, частью которого Дания стала после принятия христианства «из Рима». И если мы не располагаем какими-либо свидетельствами об использовании датскими королями до 1190-х гг. образа льва как символа власти, то этому можно найти объяснение в состоянии источников. Подавляющее число свидетельств середины XII–XIII вв. об использовании этого образа другими европейскими государями дошло до нас благодаря сохранившимся печатям. Печатей же королей Дании, кроме упоминавшейся печати короля Кнута VI, от втор. пол. XII в. не уцелело. Однако сохранившиеся списки документов кон. XI – сер. XII вв. неизменно содержат упоминания о королевских печатях. Кроме того, от этого времени сохранились данные об иконографии печатей двух королей Дании: Кнута IV Святого (1080–1086) и Эрика III Агнца. На них образ льва отсутствует³¹.

Если сравнивать эти печати с печатью Кнута VI и его преемников, правивших в XIII–XIV вв., то легко заметить, что изменение претерпела только иконография той стороны, на которой был изображен всадник. Его заменил щит с тремя львами и разбросанными между ними сердцами. На другой стороне всех двусторонних королевских печатей XI–XIV вв. представлен восседающий на троне государь. Когда, однако, произошла замена всадника на гербовый щит, точно сказать нельзя. Судя по тому, что на печатях других европейских владельцев гербовые щиты появляются преимущественно во второй половине XII в., можно предположить, что тогда же этот обычай был воспринят и датскими королями.

Средневековые источники свидетельствуют, что до Кнута VI короли Дании и представители их рода, кроме агнца, использовали разные другие знаки на знаменах,

---

³¹ DKS. N. 1 a-b, 4 a-b.

монетах и печатях. По данным письменных памятников IX–XII вв., предводители норманнов и короли Дании, совершавшие походы в Англию в эпоху викингов, сражались под знаменем с образом ворона, которого языческое сознание наделяло чудодейственной силой предсказывать исход битвы. Этот ворон считался символом германского бога Одина, почитавшегося скандинавскими воинами³². Ворон, таким образом, был не родовым знаком предводителя войска, а религиозным символом.

По сообщениям английских источников конца XIII–XV вв., в первой половине XI в. датские короли носили эмблемы в виде одного топора, трех топоров³³ и «трех расположенных в столб золотых корон в красном поле» («tres coronas aureas palatas in campo rubeo»)³⁴. Однако эти сообщения, несомненно, имеют легендарный характер и, следовательно, должны рассматриваться как плод позднейших измышлений.

Из исландской «Саги о Кнютлингах» (середина XIII в.), повествующей о деяниях королей Дании X–XII вв., следует, что в 1086 г. брат короля Кнута Святого Бенедикт «имел красный щит, на котором был изображен золотой рыцарь» («hafdi skjöld rauðan ok dreginn á riddari með gulli»)³⁵. Если сообщение исландского писателя, жившего в XIII в., достоверно, то Бенедикт вряд ли ис-

---

³² См.: Lukman N. The Raven Banner and the Changing Ravens. A Viking Miracle from Carolingian Court Poetry to Saga and Arthurian Romance // *Classica et mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire*. Bd. XIX. Copenhagen, 1958. P. 133–151.

³³ Trætteberg H. Norges våpen i engelske kilder i middelalderen // *NT*. 1970. N 21. S. 29–39; Clemmensen S. Middelalderens våbenbøger – den første heraldik i farver // *NT*. 1998. N 78. S. 334: щит с тремя белыми топорами в красном поле, сопровождается надписью: «le rei de denemarcke», в английском «Гербовнике сэра Уильяма ле Нив» («Sir William le Neve's Roll», ок. 1306).

³⁴ *Tractatus de armis* // *Medieval Heraldry. Some Fourteenth Century Heraldic Works* / Ed. E.J.Jones. N. Y., 1943. P. 208; Nicolai Vptoni de Stvdio militari Libri Quatuor // Nicolai Vptoni de Stvdio militari Libri Quatuor. Iohan. de Bado Aureo, *Tractatus de Armis. Henrici Spelmanni Aspilogia* / Ed. E. Bissaeus. L., 1654. P. 128.

³⁵ *Sögur Danakonunga. I. Sögubrot af Fornkonungun. 2. Knytlinga Saga* / Utg. C. af Petersens och E. Olson. København, 1919–1925. S. 136–137.

пользовал личную эмблему-герб. Действительно, конного рыцаря мы находим на монетах, чеканенных в Лунде при королях Свена II Эстридсене (1047–1074), отце Бенедикта, и Эрике II Эмуне (1134–1137)³⁶, а также на печати Эрика III Агнца. На монете Свена II рыцарь держит щит с крестом. Но этот образ конного рыцаря не был ни личным, ни родовым гербом, а только образом правителя, который использовался в XI–XII вв. христианскими государями различных стран на монетах и печатях.

По данным саг, на щите короля Норвегии св. Олафа (1016–1030) в пору его борьбы с норвежскими язычниками изображался крест³⁷. В XI в. кресты изображали на своих щитах и датские короли. Выше мы видели, что на монете Свена Эстридсена щит с крестом держит конный рыцарь. На другой датской монете, чеканенной в ютландском городе Виборге при короле Кнуде IV Святом (1080–1086), представлено изображение воина, опирающегося на норманнский щит, на котором имеются четыре точки, расположенные в конфигурации креста. На монете (т.н. Dannebrogsmønten), датируемой временем правления короля Вальдемара I, изображены знамя с крестом и шестилучевая звезда — знак Иисуса Христа³⁸. Вообще кресты часто изображались на датских монетах со времени царствования Свена I Вилобородого (ум. 1014)³⁹, сына крестителя датчан Харальда Гормсена. Они имели значение типических христианских знаков, находивших широкое употребление в христианском мире.

Все эти факты говорят о том, что образ льва, по крайней мере, до середины XII в., не привлекался для изображений на печатях, монетах и знаменах королей Дании. Поэтому предполагаем, что на датской почве только во второй половине XII в. он был воспринят как знак государя. Первым из датских королей этот знак,

---

³⁶ Bendixen K. Op. cit. Fig. 31, 40.

³⁷ Trætteberg H. Norge, Island, Man og Orknøylene // Herald. Tidsskr. 1969. N 20. S. 453.

³⁸ Bendixen K. Op. cit. Fig. 49.

³⁹ Ibid. Fig. 18.

возможно, стал использовать Вальдемар I. Косвенным подтверждением того, что в Дании в годы правления этого короля образ льва употреблялся на печатях лиц княжеского происхождения, служит изображение идущего льва на рисунке, сделанном в XVII столетии. На этом рисунке представлена иконография впоследствии утерянной печати датского вельможи Кнута Приславсена (ум. 1185). Он был внуком князя ободритов Никлота и сыном князя Прислава, владетеля рюгенского и мекленбургского. По матери Кнут приходился правнуком королю Дании Эрику I Доброму, внуком герцогу Шлезвигскому Кнуту Лаварду (ум. 1131) и племянником Вальдемару I. Его печать датируется 1183 г., и на ней Кнут представляется княжеским сыном («S. Canuti filii principis Prislai»)⁴⁰. Но, возможно, наличие на печати изображения льва связано не только с княжеским происхождением Кнута и его близким родством с королем Дании. Лев также мог символизировать общественно-политический статус Кнута как правителя острова Лолланна, который он получил в лен от короля Вальдемара I⁴¹.

Выше мы видели, что в датской геральдической литературе высказывалось мнение, что именно король Вальдемар I принял эмблему с тремя львами и сердцами. Это предположение, основано исключительно на том факте, что в гербах потомков и близких родственников Вальдемара I присутствуют и львы, и сердца⁴². Но известно, что эмблемы с тремя львами у других европейских королей появляются в то время, когда на датском престоле находился сын Вальдемара I Кнут VI. Следова-

---

⁴⁰ Bartholdy N. G. Valdemarernes løvevåben S. 29; Svane E. I Skjoldet springe Løver. Afledninger af Kongevåbenet. Odense, 2002. S. 25.

⁴¹ Об этом сообщает современник Кнута Приславсена, датский историк Саксон Грамматик, (*Saxonis Gesta Danorum* / Ed. J.Olrik et H.Ræder. København, 1931. Lib. XIV. XLIII, 5). В этой связи следует отметить, что образ льва в гербах князей Мекленбурга, бывших потомками Никлота, которые они носили в XIII–XIV вв., не представлен. Это свидетельствует о том, что эмблема Кнута Приславсена не являлась родовым гербом, а только знаком его статуса.

⁴² Achen S.T. De skandinaviske kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen. Danmark. S. 445–446.

тельно, именно этот король, по всей видимости, и должен считаться первым датским государем, который стал носить эмблему с тремя львами.

Но отсюда еще не вытекало, что эта эмблема отныне получила значение родового герба. Какие же тогда гербы носили другие представители королевской семьи Дании? Данная тема также давно в поле зрения историков. Ее изучение началось с собирания источников, среди которых главное место заняли печати XIII–XIV вв. На их основе в дальнейшем было установлено, что потомки королей Дании, жившие в XIII–XIV вв., носили гербы, так или иначе происходившие от королевского герба⁴³.

Однако в работах по истории гербов представителей рода Эстридсенов мы не найдем ответа на вопрос: почему эти гербы столь очевидно разнятся между собой? Стало быть, следует признать, что данная тема требует дополнительного изучения.

Выше было отмечено, что поначалу образ льва не являлся отличительным знаком какого-то определенного королевского или княжеского рода, а представлял собой эмблему типическую в королевско-княжеской среде. Однако от XII в. дошли свидетельства, из которых следует, что некоторые государи изображали на своих щитах более одного льва. Известно, что со времени графа Анжуйского Жоффруа IV (1131–1151) образ льва присутствовал в гербах Плантагенетов. В этих гербах львов могло насчитываться от шести до одного. Так, два льва представлены на щите скачущего рыцаря, изображенного на печати внука Жоффруа — короля Англии Ричарда Львиное Сердце (1189 г.). Легенда этой печати называет Ричарда «герцогом нормандцев и аквитанцев и графом анжуйцев» («*dux normannorum et aqvitanorum et comes*

---

⁴³ Grandjean P.B. Dansk Heraldik. København, 1919. S. 235–237; Berner H. Bitegn og deres anvendelse i dansk heraldik // Personalhistorisk Tidsskrift. R. 12. Bd. 5. København, 1951. S. 173–180; Bartholdy N.G. Cadency of Danish Royal Bastards in the 13th and 14th Centuries // Académie Internatiopnale D'Héraldique VIII Colloquium. Canterbury, 29th August-4th September 1993. Proceedings. Canterbury, 1995. P. 97–105.

andegavorum»)⁴⁴. На основании этого титула нетрудно заключить, что данная печать не была печатью Ричарда как английского короля. В том же году он отправился в крестовый поход и отсутствовал в Англии до 1194 г. Именно тогда, вероятно, и была изготовлена его новая печать, на которой присутствует щит с тремя львами, ставших впоследствии наследственным гербом английских королей, а в позднее Средневековье и гербом королевства Англии. Во всяком случае, первое свидетельство о ее употреблении Ричардом восходит только к 1195 г. Младший брат Ричарда, Иоанн, в 1190-е гг. именовался «государем Ирландии» («*dominus Hibernie*») и носил герб с двумя львами, каковой ранее у представителей дома Плантагенетов отсутствовал⁴⁵. Впоследствии этому гербу было придано значение герба герцога и герцогства Нормандии. Но после смерти короля Ричарда, взойдя на престол Англии, Иоанн перенял от брата и его герб, не-

---

⁴⁴ Humphery-Smith C. Op. cit. S. 261. Легенда на печати 1195 г. сопровождает имя Ричарда тем же титулом, что и на печати 1189 г. Этот факт находит объяснение в том, что, став королем Англии, Ричард, продолжал оставаться герцогом и графом во Франции. Печать 1195 г. была именно его княжеской печатью. Щит же с тремя львами появился на ней потому, что это был личный гербовый щит Ричарда. Другими словами, эмблема «три льва», которую носил Ричард, в конце XII в. ещё не являлась символом правителя ни Англии, ни какого-либо французского феодального владения, находившегося под властью Плантагенетов.

⁴⁵ В исторической литературе делалась попытка обосновать предположение, что герб с двумя львами («леопардами») первым среди Плантагенетов стал носить король Генрих II. Это предположение в первую очередь исходило из того умозаключения, что в XII в. существовал обычай, не подтверждающийся, однако, свидетельствами источников, согласно которому лицо, посвящавшее в рыцари другое лицо, передавало последнему, вместе с оружием, свой герб. На этом основании утверждалось, что в 1179 г. король Генрих при посвящении в рыцари графа Гуго IV де Сен-Поль (ум. 1215) даровал ему свой герб с двумя львами, что, кроме того, доказывалось присутствием этой эмблемы на печатях Гуго, употреблявшихся в 1190 и 1201 гг. Но вместе с рыцарским достоинством граф Гуго от короля Генриха, по современному известно, получил только «военное оружие» («*agma militaria*») (Ibid. S. 262), так что из данного факта ещё не следовало, что Гуго именно тогда стал носить герб, представленный на его печатях, и что его герб мог вести происхождение от личной эмблемы Генриха, о которой ничего не известно.

сомненно, как символ королевского достоинства. Тем самым личный герб короля Ричарда получил значение наследственного герба короля Англии. Таким образом, можно утверждать, что в середине 90-х гг. XII в. положение на иерархической лестнице двух братьев из династии Плантагенетов символизировалось их личными гербами: старший по званию носил герб с тремя львами, младший — с двумя львами.

Приблизительно 1196–1198 гг. датируется первое свидетельство о присутствии трех львов в гербах Штауфенов. Эта эмблема представлена на щите рыцаря, изображенного на печати герцога Филиппа Швабского, впоследствии римского короля. Однако два брата и предшественника Филиппа в качестве герцогов Швабии, Фридрих V (1167–1191) и Конрад II (1191–1196), представляли на своих печатах (на щите скачущего рыцаря) только одного льва⁴⁶.

Отсюда заключаем, что три льва на щите герцога Филиппа являлись его личной эмблемой, которую он начал носить еще до того времени, когда своими сторонниками был провозглашен римским королем (6 марта 1198 г.). Впоследствии в качестве герцогов Швабии тот же герб носили последние Штауфены: внучатый племянник Филиппа, сын императора Фридриха II Генрих (печать 1220 г.), вероятно, его младший брат Конрад IV и сын последнего Конрадин (печать 1255 г.)⁴⁷.

Увеличение числа львов около 1200 г. произошло и в гербах врагов Штауфенов — Вельфов. Представители этого рода также первоначально употребляли эмблемы с одним львом, который обычно изображался на щите рыцаря. Образ льва был представлен на печати герцога Сполето Вельфа VI (1152 г.) и его племянника, герцога Саксонии и Баварии Генриха Льва (1154 г.)⁴⁸. На другой

---

⁴⁶ Gönner E. Op. cit. S. 20.

⁴⁷ Ibid. S. 21–22, 44–45. Древнейшее цветное изображение этого герба герцогов Швабии представлено в «Гербовнике Биго» (1254 г.): три чёрных льва в золотом поле (Ibid. S. 28).

⁴⁸ Ibid. S. 30; Schmidt-Phiseldeck C. v. Die Siegel des herzoglichen Hauses Braunschweig und Lüneburg. Wolfenbüttel, 1882. I, 2.

печати Генриха, употреблявшейся в 1191 г., отсутствует изображение рыцаря, и лев предстает без щита⁴⁹.

Одного льва, тоже без щита, обнаруживаем и на двух печатях младшего сына герцога Генриха Льва (ум. 1195), Вильгельма Люнебургского (ум. 1213), который не имел герцогского и графского титула. Легенды обеих печатей, одна из которых употреблялась в 1200 г., вторая — в 1205 г., представляют Вильгельма «сыном герцога Саксонии»⁵⁰. Однако два его старших брата, Генрих и Оттон, на своих щитах изображали большее число львов.

На самой ранней печати (1196 г.) старшего брата Вильгельма Люнебургского, Генриха, обнаруживаем на щите рыцаря одного орла. В это время Генрих носил титул пфальцграфа Рейнского («*palatinus comes Rheni*»), т. е. был имперским дворецким. А по обычаю того времени должностные лица императора носили его эмблему. Однако на двух его печатях, употреблявшихся в 1201 и 1213 гг., вместо орла на щите рыцаря представлены два льва. Изменена была и легенда печати: Генрих теперь именовался не только пфальцграфом Рейнским, но и герцогом Саксонии («*dux Saxonie*»)⁵¹. Из сказанного очевидно, что Генрих, как и его младший брат, носил личный герб, состоявший из двух львов. Именно эта эмблема впоследствии стала родовым гербом герцогов Брауншвейгских, происходивших от Альбрехта Великого (ум. 1279), старшего сына герцога Брауншвейгского и Люнебургского Оттона (ум. 1252 г.), сына Вильгельма Люнебургского и

---

⁴⁹ Ibid. I, 5.

⁵⁰ Ibid. VI, 1 («*Sigill' Willelmi de Luneburh filii ducis Saxonie*»), 2 («*Willelhelmus de Luneburc filii ducis Saxonie*»).

⁵¹ Ibid. II, 1–3. В последний отрезок своей жизни Генрих был также герцогом Брауншвейгским, которое унаследовал от брата Оттона, и, вероятно, продолжал носить эмблему с двумя львами. Это подтверждается изображением щита с двумя львами на печати его вдовы Агнесы (ок. 1240). Легенда печати представляет её как «вдову герцога Генриха Брауншвейгского» («*Agnes vidua ducis Heinrici de Brunswic*») (Ibid. III, 1). У Генриха, как и у его брата императора Оттона, не осталось мужского потомства, поэтому после их смерти их наследником и главой рода Вельфов стал сын Вильгельма Люнебургского Оттон.

племянника герцога Генриха Саксонского и Брауншвейгского. От младшего же сына герцога Оттона, Иоганна (ум. 1272), пошли герцоги Люнебургские, носившие герб с одним львом⁵².

Печати с изображением льва или львов, которые принадлежали бы брату Генриха и Вильгельма, Оттону Брауншвейгскому (ум. 1218), с 1198 г. римскому королю и с 1209 г. императору, не сохранились. Но, по свидетельствам современников, во время коронации императорской короной в 1209 г. на его щите были изображены орел и три льва («drī lewen»)⁵³. Кроме того, известно, что в 1258 г. вдова Оттона, Мария Брабантская (ум. 1260), употребляла печать с изображением рассеченного щита: на одной стороне — половина орла, на другой — три льва⁵⁴. Это был гербовый щит ее почившего супруга, поскольку в XIII в. существовал обычай, согласно которому на печатях женщин изображались гербы их мужей. Этот щит, несомненно, заключал два герба: императорский (орел) и герб, о происхождении которого свидетельств не сохранилось.

Знак императорского достоинства Оттон мог принять только после 1197 г., когда выступил с притязаниями на это достоинство, или, во всяком случае, после 1198 г., когда был провозглашен своими сторонниками Римским королем. Впрочем, на его печатях, которые он употреблял в качестве римского короля (1206 г.) и римского императора (1209 г.) этот, равно и какой-либо другой, герб отсутствует.

---

⁵² Ibid. XII, 1–2; XIII, 1–2.

⁵³ Seyler G.A. Geschichte der Heraldik (Wappenwesen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889. S. 282. Отметим также слова из стихотворения (LXXVII) Вальтера фон дер Фогельвейде, посвященного императору Оттону: «Блесните доблестью двойной // Орлиным духом, силой льва; // Двойным гербом ваш добрый щит украшен» (Вальтер фон дер Фогельвейде. Стихотворения / Изд. подгот. В.В.Левин и др. М., 1985. С. 94).

⁵⁴ Posse O. Die Siegel der deutschen Kaiser und Könige von Pippin bis Ludwig den Bayern. Dresden, 1909. Bd.1. 757–1347. Tafel 26, N 3. Мария стала супругой Оттона в 1214 г.

Что же касается эмблемы «три льва», то о времени, когда Оттон начал ее носить, можно высказать два разных предположения.

Первое предположение исходит из того, что эмблема «три льва» являлась гербом Оттона, который он стал носить еще с середины 1190-х гг., быть может, унаследовав ее от своего отца Генриха Льва. Вывод о том, что Генрих мог принять этот герб в конце жизни, после 1191 г., покоится на основании отсутствия за 1192–1195 гг. известий о его печатях и монетах и, соответственно, об их иконографии. Между тем именно 1194–1195 гг. датируются первые свидетельства о гербах с тремя львами королей Дании и Англии. Но если Генрих Лев не носил такой герб, то тогда остается признать, что три льва являлись личной эмблемой Оттона. И он мог принять ее не ранее середины 1190-х гг.⁵⁵, или, во всяком случае, не ранее 1196–1198 гг., когда в Германии датируется появление первого герба с тремя львами как личной эмблемы и у политического противника Оттона, Филиппа Швабского. Такое совпадение может навести на мысль о том, что Оттон и Филипп носили герб с одинаковым числом львов в качестве символов их политического статуса — самых могущественных государей Германии.

---

⁵⁵ Матвей Парижский (сер. XIII в.) выводил происхождение трёх львов, изображавшихся вместе с имперским орлом на щите императора Оттона, от трёх львов герба короля Англии: «Щит императора Оттона, половина которого от щита Империи, другая же от щита короля Англии» («*Scutum Ottonis imperatoris cujus medietas de scuto est Imperii, alia vero de scuto regis Angliae*») (цит. по: Seyler G.A. *Op. cit.* S. 282)). Это сообщение английского историка в геральдической литературе не подвергалось сомнению. Более того, высказывались дополнительные соображения в оправдание его достоверности, а именно, что матерью Оттона была сестра короля Ричарда I и что Оттон получил в ленное владение от своего английского дяди графство Йоркское (1190 г.), герцогство Аквитанское и графство Пуату (1196 г.) (*Ibid.* S. 282). Из данного суждения, таким образом, вытекает, что Оттон носил герб короля Англии как его вассал. Но в таком случае выходит, что император Оттон во время своей коронации выставлял на показ эмблему, которая свидетельствовала о его вассальной зависимости от короля Англии. Очевидно, что с таким выводом трудно согласиться. Следовательно, три льва на щите императора Оттона должны были символизировать что-то другое, нежели его родство и феодальную связь с королем Англии.

Однако данное предположение о времени и обстоятельствах принятия Оттоном герба с тремя львами вступает в противоречие с тем фактом, что самое раннее известие о наличии этого герба у Оттона приходится на время, когда Филиппа уже не было в живых. Кроме того, в отличие от Плантагенетов и Штауфенов у Вельфов герб с тремя львами не стал наследственной эмблемой, ибо после Оттона никто из его рода ее не носил. Это свидетельствует о том, что на щите Оттона три льва мыслилась не как только его личный герб, но также и как символ, указывавший на какой-то княжеский титул, на который впоследствии не претендовали Вельфы. Действительно, в роду Плантагенетов Иоанн унаследовал владения брата и одновременно его герб как знак короля Англии, а в роду Штауфенов герб с тремя львами со времени Филиппа символизировал титул герцога Швабского. Наследник же Оттона в качестве герцога Брауншвейгского, его брат Генрих, до конца дней своих носил свой личный герб с двумя львами, который впоследствии и получил значение герба Брауншвейга.

В таком случае, с обладанием какого титула могло быть связано ношение Оттоном герба с тремя львами? Этим титулом, вероятно, был титул герцога Швабии. В самом деле, свидетельство о присутствии трех львов на щите Оттона относится к 1209 г. Но в начале того же года он заключил брачный союз с Беатрикс, дочерью недавно умершего Филиппа Швабского (1208 г.), и как приданое получил во владение герцогство Швабию. Чтобы символически обозначить право на это герцогство, Оттон и перенял от Филиппа его личную эмблему. Свое право на Швабию император Оттон IV отстаивал и после смерти Беатрикс (1212 г.), в последние годы своей жизни, когда на швабские земли вернулись под власть Штауфенов, чем и объясняется присутствие герба с орлом и тремя львами на печати второй супруги и вдовы Оттона Марии Бранбургской. Но и Штауфены, подчинив Швабию в 1212 г., очевидно, в качестве символа владельца этого герцогства, стали употреблять герб своего родственника Филиппа Швабского. Во всяком случае, сын императора Фридриха II, Генрих (1211–1242), как свидетельствует

его печать 1220 г., вместе с титулом герцога Швабского носил герб именно с тремя львами.

Таким образом, из сказанного о гербах немецких князей с тремя и двумя львами можно заключить, что в Германии, как и во владениях Плантагенетов, на исходе XII в. один из князей носил герб с тремя львами, другой — с двумя львами.

Чем же можно объяснить такое утроение⁵⁶ и удвоение изображений львов, произошедшее в конце XII столетия в гербах английских и немецких правителей? Как мы видели на примере представителей рода Плантагенетов, ответ на этот вопрос следует искать в том, что посредством различного числа львов символизировалось различное положение носителей этих гербов в феодальной иерархии⁵⁷.

---

⁵⁶ В XIII в. герб с тремя львами носили также герцоги Каринтии (Gönnér E. Op. cit. S. 30), а, кроме того, короли Швеции Эрик XI Эрикссон (1222–1249) и его племянник по сестре Вальдемар Биргерссон (1250–1275). Причем в гербе короля Вальдемара три льва были изображены в окружении многочисленных сердец. Но младший брат Вальдемара, Магнус (1275–1290), как до его вступления на престол, так и после носил герб только с одним львом (на фоне трёх скошенных балок и многочисленных сердец). Этот герб, принадлежавший ещё отцу Вальдемара и Магнуса — герцогу (ярлу) Биргеру, унаследовали последующие короли Швеции, потомки Магнуса Биргерссона (см.: Seyler G.A. Op. cit. S. 257; Seitz H Op. cit. S. 288–292). Цветное изображение щита короля Магнуса — золотой лев и белые балки в синем поле — содержится во французском «Вийнбергенском гербовнике» (ок. 1280 г.) (Achen S.T. *De skandinaviske kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen. Våbenbøger og løver* // Herald. Tidsskr. 1969. N 20. S. 441–445; Scheffér C.G.U. *Sverige* // Ibid. S. 468). В этом же гербовнике представлены первые цветные изображения герба короля Дании — три синих льва в золотом поле в окружении многочисленных красных сердец и герба короля Норвегии — золотой лев с золотым топором в красном поле (Achen S.T. *Danmark* // Ibid. 445; Trætteberg H. Op. cit. S. 450).

⁵⁷ Такой вывод косвенно подтверждается тем фактом, что на западноевропейской почве именно в кон. XII и пер. пол. XIII в. вопрос об упорядочении иерархии феодальных состояний находился в центре внимания юридической мысли Западной Европы, о чем свидетельствуют документальные и законодательные памятники той эпохи, например, «Швабское Зерцало» и «Саксонское Зерцало». Отметим также, что в этих «Зерцалах» феодальная иерархия представлена иерархией «военных щитов». Кроме того, именно в эпоху Штауфенов в

Очевидно, и на немецкой земле по той же причине герцог Швабии (Филипп Штауфен), в качестве, вероятно, первого князя Германии, к тому же претендовавшего на королевское звание, принял герб с тремя львами, а стоявший в иерархии ступенькой ниже пфальцграф Рейнский и герцог Саксонский (Генрих Вельф) — герб с двумя львами. В то же время можно утверждать, что появление второго герба датируется периодом между 1196 г., когда пфальцграф Генрих носил еще щит с орлом, и 1201 г., когда он уже употреблял печать с двумя львами. Во всяком случае, в 1198 г. Филипп Швабский носил герб с тремя львами, так что и герб Генриха может датироваться этим или несколько более поздним временем. Известно, что он к 1201 г. признал королем Филиппа, и новый герб Генриха, таким образом, мог символизировать вассальную зависимость от носителя герба с тремя львами. Именно такие отношения, как мы видели, существовали между носителями гербов с тремя и двумя львами во владениях Плантагенетов.

Итак, можно утверждать, что в Англии и Германии появление гербов с тремя и двумя львами относилось к одной эпохе и обуславливалось характером символического и иерархического унастроения этой эпохи. Но приблизительно тем же временем датируется и возникновение датского королевского герба с тремя львами. Поэтому, принимая во внимание принадлежность Дании к культурно-историческому миру Западной Европы, можно предположить, что принятие Кнудом VI герба с тремя львами явилось следствием усвоения им тех представлений о символическом значении этой эмблемы, которые тогда же существовали у государей Англии и Германии. Стало быть, герб с тремя львами короля Кнута являлся его личной эмблемой, символизировал его личное положение в феодальной иерархии Датского королевства и, как следствие, самим своим существованием предполагал наличие в Дании гербов с меньшим числом львов.

Германии произошло оформление сословия князей (см.: Tellenbach G. Vom karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters. Leipzig, 1943. S. 22–73).

Печать Вальдемара II (1203 г.)

В самом деле, эмблему с тремя львами и сердцами (иногда без сердец)⁵⁸ с конца XII в. носили и претенденты на королевский престол Дании. Первым из датских королей, носивших этот герб в качестве наследственного герба короля Дании, был младший брат и преемник Кнута VI, Вальдемар II (1202–1241). Таким образом, личный герб короля Кнута стал гербом «короля Дании» в одно время с превращением личных гербов с тремя львами Ричарда Львиное Сердце и Филиппа Штауфена в гербы соответственно «короля Англии» и «герцога Швабии».

Что касается гербов претендентов на датскую корону, то эти гербы известны также только по печатям. Малая печать (*secretum*) Кристофера Эриксена (ум. 1332), герцога Халланда и Самсё, использовалась в 1319–1320 гг., когда ее владелец, в период междуцарствия, носил также титул «Божией милостью герцога Дании» («*dei gracia dux Dacie*»)⁵⁹. В 1320 г., после смерти своего не

---

⁵⁸ Сам факт присутствия или отсутствия сердец в датском королевском гербе свидетельствует о том, что эти изображения имели второстепенное значение. В то же время нельзя отрицать, что, наряду с цветами, в которые окрашивались поле щита и львы, красные сердца исполняли роль знака, посредством которого герб датского короля отличался от других гербов с тремя львами. Их появление в гербе Кнута VI, скорее всего, происходило из христианско-символического мирозерцания эпохи, из толкования, на основе библейских, прежде всего, евангельских текстов, сердца как христианского символа, например: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5. 8) или «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6. 21). В XIX–XX вв. сердца в датском гербе нередко описывались как «морские листья» («*søblade*»). Однако в более раннее время, согласно датским письменным источникам XVI–XVIII вв., опиравшимся на средневековую традицию, эти фигуры понимались именно как «сердца».

⁵⁹ DKS. N 29.

имевшего сыновей брата Эрика VI (1286–1319), Кристофер стал королем Дании (Кристофер II). Сын Кристофера II, Отто (ум. после 1340), в период безуспешной борьбы за датскую корону (1333 г.), скреплял документы печатью с королевским гербом и титулом юнкера (молодого господина) датчан («secretu[m] ottonis dei gra[cia] domicel[li dano]rvm»)⁶⁰. Печать с тем же гербом имел его младший брат Вальдемар в 1340 г., когда добивался избрания на престол предков. На ней Вальдемар назван юнкером датчан («secretu[m] waldemari dei gra[cia] domicelli danor[um]»)⁶¹. Во время царствования Вальдемара IV (1340–1375), в 1360 г., для его сына герцога Кристофера Лолланнского (ум. 1363) была изготовлена печать с королевским гербом. На ней Кристофер обозначен «наследником королевства Дании и герцогом Лолланна» («s[igillum] christofori [heredi]s regni dacie et ducis lalandie»)⁶². Владельцем еще одной печати с датским королевским гербом, употреблявшейся в 1376–1387 гг., был герцог Альбрехт IV Мекленбургский (ум. 1388)⁶³, сын старшей дочери короля Вальдемара IV, Ингеборг и герцога Генриха Мекленбургского. После смерти Вальдемара, Альбрехт пытался утвердиться на датском престоле, но тщетно. Датский государственный совет предпочел избрать королем Олафа Фолькунга, сына младшей дочери короля Вальдемара Маргреты и короля Норвегии Хокона VI. Однако Альбрехт продолжал претендовать на престол Дании до конца жизни и титуловался королем.

Впрочем, названные претенденты на датский престол жили уже тогда, когда гербы западноевропейских королев и князей стали превращаться в родовые гербы. Действительно, во второй половине XIII в., например, в семье Вельфов, потомков Вильгельма Люнебургского, утверждается обычай, согласно которому сыновья герцогов Брауншвейгских и Люнебургских носили гербы сво-

---

⁶⁰ Ibid. N 35.

⁶¹ Ibid. N 35.

⁶² Ibid. N 44.

⁶³ Ibid. N 51–52.

их отцов. К концу XIII в. этот обычай укоренился и на скандинавской почве. Так, король Швеции Биргер Магнуссон (1290–1318) и его младшие братья, герцоги Эрик и Вальдемар (нач. XIV в.)⁶⁴, изображали на своих печатях одинаковый герб, который стал гербом шведского короля при их отце, короле Магнусе Биргерссоне. Королевский герб носил также младший брат короля Норвегии Эрика Магнуссона (1280–1299), герцог Хокон (кон. XIII в.)⁶⁵. При этом следует отметить, что упомянутые сыновья и братья государей обозначались титулом, в котором присутствовало имя их отечества (Брауншвейга, Швеции и Норвегии). А мы видели, что и сыновья датских королей, претендовавшие на отцовский престол и одновременно носившие королевский герб, также в своем титуле указывали имя Дании. Отсюда можно заключить, что понятие родового герба у государей и Германии, и скандинавских стран утверждалось на почве признания за законными сыновьями королей и князей права на использование в их титуле имени отцовского королевства или княжества. В свою очередь, это означало, что в течение XIII в. постепенно развилось представление о том, что герб государя являлся и гербом его государства. Причины же возникновения такого представления, несомненно, следует искать в воззрениях раннего и высокого средневековья, согласно которым король и князь определяли юридическое лицо королевства и княжества, или, другими словами, правовой статус государства являлся следствием, отражением правового статуса его государя.

Стало быть, герб королей Дании в XIV в. мог толковаться уже как эмблема законных королевских сыновей и тем самым как родовый герб дома Эстридсенов, или, во всяком случае, начинал утверждаться в таком значении. Однако последние законные мужские представители этого дома отошли в мир иной еще в XIV в., а именно в 1375 г., и в дальнейшем при королях из других династий,

---

⁶⁴ Fleetwood H. Svenska medeltida kungasigill. Stockholm, 1947. Bd. III. N 21, 27.

⁶⁵ Brinchman Chr. Norske konge-sigiller og andre fyrste-sigiller fra middelalderen. Kristiania, 1924. N 1–2.

вплоть до 1660 г. право на ношение датского герба имели только царствовавшие короли Дании. Причиной тому являлось то, что до 1660 г. королевское достоинство в Датском королевстве не передавалось по наследству, и сыновья королей в этот период, даже если они объявлялись престолонаследниками, не имели права обозначаться титулом с именем Дании.

Что касается гербов с двумя львами, то в Дании их носили только те лица, которые получили от короля княжеский (знаменный) лен. Таких случаев нам известно два. Первый связан с именем племянника короля Вальдемара II по сестре, графа Альберта (Альбрехта) фон Орламюнде (ок. 1182–1245). Альберт воспитывался в Дании, при дворе герцога Вальдемара Шлезвигского и его старшего брата короля Кнута VI. Проживал он в основном в Дании и в годы правления Вальдемара II. От короля Вальдемара, вероятно, Альберт и получил свой герб с двумя львами⁶⁶. Это могло произойти или в 1202 г., при посвящении молодого Альберта в рыцари⁶⁷, или в 1203 г., после того как Вальдемар II

1 Печать Альберта Орламюндского

предал ему в ленное владение графство Гольштейн и область Нордальбингию, ранее отвоеванные у шауэнбургских графов. Впоследствии, с 1227 г., Альберт держал от датской короны остров Альс, который обыкновенно входил в состав владений герцогов Шлезвигских. О высоком положении, которое Альберт занимал в Датском королевстве, свидетельствует хотя бы то, что, когда король Вальдемар пребывал в плену у графа Шверинского

⁶⁶ Герб известен по изображению на печатях Альберта, уцелевших под документами 1203–1223 гг. (См.: Seyler G. A. Op. cit. S. 192, 251).

⁶⁷ В «Анналах Вальдемаров» («Annales Valdemarii») под 1202 г. записано: «Граф Альберт стал рыцарем» («Comes Albertus miles factus est») (Danmarks middelalderlige annaler (далее — DMA) / Udg. ved E. Krogan. København, 1980. P. 77).

(1223–1224 г.), именно граф Орламяндский являлся правителем, или, как сказано в грамоте папы Гонория III, датируемой 31 июля 1224 г., «хранителем» Дании («*tutela regni*»)⁶⁸. Датское происхождение герба Альберта подтверждается тем, что его отец, граф Зигфрида III фон Орламянде (1160–1206), как вассал императоров из династии Штауфенов, изображал на своих печатях орла. На печати же брата Альбрехта, графа Германа II фон Орламянде (ум. 1247), и в гербе потомков Германа находился только один лев⁶⁹.

Таким образом, мы вправе предположить, что те два льва, которые граф Альбрехт фон Орламянде приказал изобразить на своей печати 1203 г., были его личной эмблемой как владельца знаменного лена и второго после короля Вальдемара II лица в феодальной иерархии Датского королевства.

В этом же ключе следует рассматривать и вопрос о происхождении герба герцогов Шлезвигских. История герцогства Шлезвиг (в источниках XII–XIV вв. оно обычно называется Южной Ютландией или просто Ютландией) берет свое начало с первой половины XII в. Его первым герцогом был св. Кнут Лавард (ум. 1131), сын короля Эрика I (1093–1103) и отец короля Вальдемара I. Со времени последнего вошло в обычай передавать герцогство Шлезвигское в управление второму сыну короля,

---

⁶⁸ DD. 1979. R. I. Bd. 6. N 23. Биографию Альберта см.: La Cour V. Albert // Dansk biografisk leksikon. København, 1979. Bd. 1. S. 103–104.

⁶⁹ О цветах, в которые окрашивались гербы братьев, сведений не сохранилось. Однако герб потомков Германа представлял собой черного льва и многочисленные красные сердца в золотом поле. Многочисленные сердца представлены и на печати Альберта 1223 г., но здесь они окружают щит с двумя львами. Эти сердца, как и львы, могли происходить от сердец датского королевского герба. Цвет поля в гербе потомков Германа также, вероятно, обязан своим происхождением цвету поля герба королей Дании. Что же касается льва в гербе графов Орламянде, то нельзя сказать, что он шивался в синий цвет. Следовательно, Печать герцога Эрика Абельсена графа Германа и его потомков брал начало от герба графа Альберта, который, в свою очередь, происходил от герба короля Дании. Различное число львов в гербах братьев, вероятно, свидетельствовало о различном положении Альбрехт и Германа в феодальной и семейной иерархии.

который, затем становился королем (Вальдемар II, Абель). Окончательное выделение герцогства как знаменного лена датской короны произошло в 1253 г., когда король Кристофер I (1252–1259) передал его своему племяннику, сыну короля Абеля (1250–1252), герцогу Вальдемару III (1253–1257). Род Абеля владел Шлезвигом до своего пресечения в 1375 г.

Самое древнее полностью сохранившееся изображение герба шлезвигских герцогов находится на печати герцога Эрика Абельсена (1257–1272), употреблявшейся в 1260–1272 гг.⁷⁰ На одной ее стороне изображен щит с двумя коронованными львами и с многочисленными сердцами, на другой — скачущий рыцарь, держащий в левой руке щит, обращенный тыльной стороной, а в правой — трехконечное знамя, бывшее знаком владельца знаменного лена. Такое же знамя держит в руке и св. герцог Кнут Лавард на фреске XIII в., представленной в церкви св. Бенедикта Рингстедского монастыря. Двух львов, видимо, имел на своем щите и отец герцога Эрика, Абель, в то время, когда он являлся герцогом Шлезвига (1232–1250). Сохранились остатки его печати под документом 1245 г. На одной стороне представлен скачущий рыцарь, на другой — сохранившаяся верхняя часть щита с изображением одного льва, над спиной которого просматривается очертание сердца. Размер льва допускает наличие в нижней, несохранившейся части щита еще одного льва⁷¹. В 1250–1252 гг., когда Абель был королем Дании, он употреблял печать с тремя львами и многочисленными сердцами⁷².

Печать короля Эрика IV
Плугпеннинга (1241 г.)

⁷⁰ DKS. N 126 b.

⁷¹ Ibid. N 125 b.

⁷² Ibid. N 12 b.

Вальдемар II, младший брат короля Кнута VI, стал носить еще в конце XII в., одновременно или вскоре после того, как возник королевский герб. Эмблема владельца Шлезвигского поначалу имела значение личного знака, указывала на то, что ее носитель занимал второе место в феодальной иерархии Датского королевства. Этим объясняется то, что после вступления на королевский престол Вальдемар II стал носить герб короля Дании. А свою прежнюю эмблему с двумя львами он передал графу Альберту фон Орламюнде, который изображал ее на своих печатах 1203–1223 гг. К сожалению, по источникам невозможно установить носил ли Альберт эту эмблему до конца дней своих. Его печати, восходящие ко времени после 1223 г., не сохранились. Но как бы то ни было, именно в год смерти Альберта (1245 г.) эмблема с двумя львами обнаруживается на печати герцога Абеля, который в годы царствования его брата, короля Эрика IV (1241–1250), занимал на феодальной лестнице Датского королевства такое же положение, какое отводилось Альберту при Вальдемаре II. Впоследствии у потомков Абеля этот герб превратился в родовую эмблему⁷³.

Таким образом, как щит с тремя львами стал неотъемлемым знаком королевского достоинства, а в результате чего и гербом королевства Дании, так и щит с двумя львами стал определять княжеское достоинство герцогов Шлезвигских, а вместе с тем приобрел значение герба самого герцогства.

Но у короля Эрика IV и герцога Абеля был еще младший брат Кристофер. И на его печати, употреблявшейся в 1245 г., представлен только один лев. В то время Кристофер именовался «государем» («dominus») Лол-

---

⁷³ С конца XIII в., по примеру немецких князей, сыновья герцогов Шлезвигских носили отцовский титул и герб. Поначалу гербы наследников шлезвигских владетелей включали родовой герб матери: этим гербом наполовину прикрывался герб герцога Шлезвига (см. печати герцогов Вальдемара IV (1286–1287 гг.) и Эрика II (1309–1313 гг.) (DKS. N 130, 132)). В дальнейшем они носили только герб отца (см. печати герцога Хенрика I (1360 г.) и Вальдемара (VI) Вальдемарсена (1357) (Ibid. N 144, 147)).

ланна и Фальстера⁷⁴. Правда, эта печать не сохранилась полностью: на ней видна лишь половина идущего льва. Однако он расположен по центру печати, что не допускает возможности присутствия на ней еще одного льва. Эта эмблема с одним львом была личной эмблемой Кристофера, отражала его положение на феодальной и родовой лестнице. Когда же он наследовал Абелю в качестве короля Дании, то стал носить королевский герб⁷⁵.

Младший брат был и у герцога Вальдемара IV Эриксона — Эрик Длинная Нога (ум. 1310), владетель острова Лангеланн («dominus Langlandie»), являвшегося частью герцогства Шлезвигского. На его печати, употреблявшейся в 1296 г.⁷⁶, представлен идущий лев. Этим, надо полагать, указывалось на то, что Эрик занимал более низкую ступень на родовой и феодальной лестнице, нежели его брат-герцог.

Итак, три сына Вальдемара II в середине XIII в. занимали три первых места в феодальной иерархии Дании. И как у Плантагенетов и Вельфов, их иерархический статус отражался в количестве львов в их гербах: старший брат носил эмблему с тремя львами, средний — с двумя, младший — с одним львом. Аналогичную картину видим и в иконографии печатей герцога Шлезвигского и его младшего брата.

На следующей ступени феодальной и родовой иерархии в Дании XIII в. стояли те представители королевского рода, которые являлись бастардами Вальдемара II и их потомки. Речь идет о Нильсе (ум. 1218) и Кнуте (ум. 1260), их сыновьях и внуках. Нильс был графом Халландским, а его сын Нильс II (ум. 1251) и внук Якоб (ум. 1308) — графами Нёррехалландскими (Северный Халланд). Кнут получил во владение вначале Эстонию, а затем Блекинге и Лолланн; он носил титул герцога. Его сын Эрик (ум. 1304) являлся герцогом Сённерхалландским (Южный Халланд). Хотя все они и были вассалами

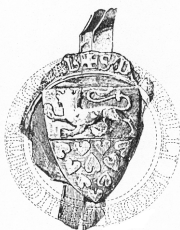
---

⁷⁴ Ibid. N 14.

⁷⁵ Ibid. N 15 b.

⁷⁶ Ibid. N 128.

королей Дании, но в отличие от герцогов Шлезвигских держали свои лены без знамени. Ни в одном их сохранившихся документов, в которых определяются их отношения к королю, мы не находим термина «*cum vexillo*», а следовательно, их правовой статус был ниже, чем у герцогов Шлезвигских.

Печать юнкера Якоба Нильсена (кон. XIII в.)

Это, на наш взгляд, предопределило и характер изображений на их гербах. До нас не дошли печати графа Нильса и герцога Кнута. Не сохранилась и печать графа Нильса II. Однако гербы двух последних известны. Герб графа Нильса II изображен в соборе Сорёского монастыря (о. ландия)⁷⁷, но его подлинность могла пострадать в результате неоднократных поновлений. Он представляет собой треугольный щит, разделенный по горизонтали на две части. В верхней части изображен идущий коронованный лев, в нижней представлены десять сердец. Рядом с гербом Нильса II изображен точно такой же герб его сына, графа Якоба Нильсена⁷⁸. Подлинность этого герба подтверждается его присутствием на печатях Якоба: в верхней части — лев, в нижней — многочисленные сердца⁷⁹. Правда, на более ранней печати Якоба Нильсена, которую он употреблял еще как «*domicellus*» в 1278–1280 гг., насчитывается десять сердец, а на его графской печати число сердец обнаруживается в количестве двадцати. Из последнего факта, однако, вряд ли следует делать вывод о том, что причиной увеличения числа сердец явилось изменение политического статуса Якоба Нильсена. Ибо известно, что в XIII–XIV вв. количеству сердец в гербах королей Дании и герцогов Шлезвигских не придавалось значения. Им отводилась роль заполнения пустующего пространства щита, который мог быть разного размера.

⁷⁷ Ranvig S. Sorø kroniken. København, 1986. Bd. 2. N 61.

⁷⁸ Ibid. N 62.

⁷⁹ DKS. N 160–161.

Такую же эмблему, какая была у Якоба Нильсена, на своих печатях имели герцог Эрик Сённерхалландский и Свантеполк (ум. 1310)⁸⁰, сыновья герцога Кнута Эстонского и Блекингеского. Только в гербе Эрика насчитывается десять сердец, а в гербе его брата — девять, чему, вероятно, была та же причина, которая сказалась на количестве сердец в гербе Якоба Нильсена. Однако гербом их отца был восстающий лев. Этот герб, в сопровождении надписи: «Кнут, герцог Эстонии» изображен в церкви св. Бенедикта Рингстедского монастыря, ставшей местом упокоения герцога⁸¹. Это была личная эмблема Кнута, но его сыновья уже имели герб, который стал родовым у потомков герцога Эрика Сённерхалландского. Его сын «domicellus» Барнум (упом. 1320-е гг.), внук Эрик Барнумсен (ум. ок. 1367) и правнуки Барнум (ум. ок. 1393) и Эрик Эриксены, не будучи ни герцогами, ни графами, являлись такими же землевладельцами, как и прочие датские дворяне, хотя и входили в круг аристократии Дании. Сохранились печати Эрика Барнумсена и

Печать Свантеполка
Кнутсена (1253–1288 гг.)

Барнума Эриксена. Они свидетельствуют, что в гербе первого, помимо льва, изображено три сердца, в гербе второго — восемь сердец⁸². Очевидно, что в этих гербах, равно как и в гербах других представителей королевского дома, количеству сердец значения не придавалось.

В то же время герб герцога Кнута показывает, что традиция использования эмблем с одним львом в верхнем поле и сердцами в нижнем представителями королевского рода Дании, вероятно, установилась не ранее второй половины XIII столетия. Можно также отметить, что герб с одним львом и сердцами не соотносился с титулом

⁸⁰ Ibid. N 158, 159.

⁸¹ Ibid. P. 103.

⁸² Petersen H. Danske adelige Sigiller fra det 13. og 14. Aarhundrede (далее — DAS). København, 1897. N 447, 804; Ranvig S. Op.cit. N 145.

его владельца. Однако все его носители являлись владельцами Халланда или их потомками. Похожий герб представлен на надгробии сына короля Вальдемара IV, герцога Кристофера Лолланнского (ум. 1363), находящемся в кафедральном соборе Роскилле. В его верхней части изображен идущий коронованный лев, а в нижней — многочисленные сердца. Вероятно, это был герб Кристофера как герцога Халландского. По свидетельству «Зеландской хроники» (1363 г.), этот титул он носил в конце жизни — «dux Lalandie et Hallandie»⁸³. Как герцог Лолланнский Кристофер использовал герб, в котором присутствовал дракон. Этот герб, созданный в конце 1350-х гг., когда Кристофер получил от отца во владение остров Лолланн, представлен на одной из его печатей⁸⁴ и на надгробии (в том числе на доспехах скульптурного образа Кристофера). Но в качестве наследника королевского престола, как уже отмечалось, Кристофер использовал герб короля Дании.

Наконец, следует остановиться на гербах еще одной категории представителей королевского рода Дании. Речь идет о гербах бастардов, появившихся на свет во второй половине XIII–XIV вв. Если до середины XII в. датское право признавало за такими королевскими детьми возможность получения королевского престола⁸⁵, то в кон. XII – нач. XIII вв., как мы выше видели, бастарды могли рассчитывать лишь на ленное владение с титулом. Во второй же половине XIII в. установилось правило, по которому лица, рожденные королями Дании и герцогами Шлезвигскими вне церковного брака, могли рассчитывать самое большее на то, что со временем они будут возведены в рыцарское достоинство, каковым обычно обладали представители датской аристократии. Однако в гербах бастардов находило свое отражение их происхождение. Так, род Лёвенбалк (Løvenbalk) вел свое происхождение от короля Кристофера II (1320–1332). Самое

---

⁸³ Chronica Sialandie // DMA. S. 144.

⁸⁴ DKS. N 45 (легенда: «s' cristofori dvcis lalandie»).

⁸⁵ Jørgensen P.J. Dansk Retshistorie. 2. Udg. København, 1947. S. 262.

раннее изображение герба этого рода находится на печати Йенса Эриксона, которой скреплен документ, датированный 1343 г.⁸⁶ На ней изображен щит, в нижней части которого видны две балки, а в верхней — идущий лев. Такой же герб имеется на печати племянника Йенса рыцаря Йенса Нильсена из Аунсбьерга под документами, относящимися к 1397 и 1408 гг.⁸⁷

К началу нового времени восходит запись предания, исходившего из среды датской аристократии, согласно которому к королевскому роду принадлежал также и рыцарь Эрик Зеландский (Sjællandsfar) (упом. 1358–1365). Считается, что его отцом был король Вальдемар IV (по другим менее достоверным данным — король Эрик VI). На гербе рыцаря Эрика, известном по его печати 1364 г., изображен лев с двух головах. Его сыном был рыцарь Кристофер Эриксен (ум. 1369), который свое имя, вероятно, получил в честь деда, короля Кристофера II. Вероятно, именно ему принадлежал герб — в золотом поле белый лев с двух головах, увенчанный одной короной, — который представлен в стеновой росписи кафедрального собора Роскилле.⁸⁸

От XIV в. известен также один род бастардов, ведущий свое происхождение от герцога Шлезвигского Вальдемара IV (1283–1312). Его внебрачным сыном был рыцарь Абель Вальдемарсен, упоминающийся в 1320-е гг. среди советников герцога Вальдемара V (1325–1364). Ни его самого, ни его сына Эрика Абельсена печатей не сохранилось. Зато уцелели печати Вальдемара Эриксона

---

⁸⁶ DAS. N 229; Danmarks Adels Aarbog (*далее* — ДАА). 1903. S. 289. Об отце Йенса Эриксона, Эрике, предполагаемом сыне короля Кристофера, сведений не сохранилось. Свое имя, которое по обыкновению носили представители королевского дома Эстридсенов, он мог получить в честь почившего Эрика VI, брата короля Кристофера.

⁸⁷ DAS. N 1085.

⁸⁸ Ibid. N 578; Ulsig E. En ukendt gren af det danske kongehus i det 14. århundrede // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 3–10. Впрочем, лев поначалу мог иметь синюю окраску, как в королевском гербе. Изображение герба Кристофера Эриксона в Роскиллекском соборе датируется второй половиной XIV в., и с течением времени синяя краска могла выцвести.

Саппи (Sappi) (ум. ок. 1370) и Абеля и Вальдемара Эрик-сенов, внука и правнуков рыцаря Абеля. На одной печати Вальдемара Саппи (1354 г.) изображен щит с семью сердцами, а на другой (1364 г.) — с восемью. Его племянники Абель и Вальдемар имеют на своих печатях (1389 г.) щиты с восемью сердцами.⁸⁹

Круг незаконнорожденных отпрысков королевского рода Дании в XIII–XIV вв., вероятно, не ограничивался только теми лицами, о которых речь шла выше. Гербы ряда датских магнатов, живших в последней четверти XIII – первой половине XIV вв., и их потомков содержат элементы, характерные для гербов королевского рода — львы или сердца. При этом следует заметить, что генеалогия этих магнатов, входивших в число ближайших советников короля и игравших весьма заметную роль в политической жизни Дании, остается для историков загадкой. В лучшем случае известны имена их отцов. Так, в гербе магнатов из области Халланд, носивших прозвища Порсе (Porse) и Риббинг (Ribbing), находим изображения трех сердец. Порсе вели свое происхождение от рыцаря Нильса Кнутсена (упом. 1279–1305) и его брата рыцаря Педера (упом. 1277–1287), носившего прозвище Порсе (возможно, от дат. *rog* – багульник). Вероятно, их братом был Сигвид (Севид) Кнутсен (упом. 1295–1302), от которого берут свое начало Риббинги.⁹⁰ Судя по отчеству братьев, их отца звали Кнутом. В XI – первой половине XIII вв. все лица с таким именем в Дании принадлежали к королевскому роду. Не был ли и этот Кнут королевского происхождения? Например, он мог быть внебрачным сыном графа Нильса I Халландского. Ведь именно в

---

⁸⁹ DAS. N 430, 579, 915, 916; DAA. 1914. S. 396. На происхождение рода Саппи от герцога Шлезвигского указывают также имена, характерные для шлезвигской ветви Эстридсенов: Абель, Вальдемар, Эрик.

⁹⁰ DAS. N 100, 150, 174, 266; DAA. 1901. S. 220–227. Согласно свидетельствам нового времени, герб рода Порсе представлял собой «три красных сердца в золотом поле» (Тгу rödhe hiertan i golt fiäld) или «три красные морские листа в золотом поле» (3 röda Sjöblad i gult felt). (Mohlin A. Porsesläktan tre sjöblad // Personhistorisk Tidskrift. 55. årgång. 1957. Stockholm, 1957–1958. S. 56–58.). С такими же цветами со средних веков предстают сердца и поле в гербе королей Дании.

Халланде главным образом находились земельные владения Порсе и Риббингов. Косвенным подтверждением происхождения этих родов от представителей королевского дома, помимо их герба, может служить и то обстоятельство, что сын рыцаря Нильса Кнутсена, рыцарь Кнут Порсе (ум. 1330), в 1326 г. был возведен королем Вальдемаром III в достоинство герцога Халландского и Самсёского. В 1329 г. от короля Кристофера II он получил в качестве наследственного лена также герцогство Эстонию. К этому следует добавить, что в 1327 г. герцог Кнут женился на дочери короля Норвегии Хокона V (1299–1319) Ингеборг (1301–ок. 1360), бывшей в первом браке замужем за шведским герцогом Эриком Магнуссоном (ум. 1318), сыном короля Швеции Магнуса Биргерсона. Оба сына Кнута Порсе и Ингеборг, Хокон и Кнут, именовались герцогами Халландскими вплоть до своей смерти в 1350 г. во время эпидемии чумы⁹¹.

Целый ряд вельмож, современников Кнута Порсе, а именно: Магнус Скониинг (1285 г.), маршал Лаве Огесен (1320 г.), дрост (лат. *dapifer*) — высшее должностное лицо короля Дании в XIII–XIV вв. — Лауридс Йенсен (1326, 1331 гг.), братья Хенрик и Уффе Нильсены (1326, 1344 гг.)⁹² и их потомки, жившие в XIV–XV вв., имели на своих печатях щиты с одним восстающим львом. Кроме того, изображение половины льва над двумя балками мы находим в гербе рыцаря Мадса (Матеуса) Фальстера (1360, 1364 гг.), его сына Йенса Фальстера из Бьелькерупа (1395 г.)⁹³ и их потомков. Еще раз отметим,

---

⁹¹ DAA. S. 222.

⁹² DAS. N 63, 146, 175, 188, 189, 233.

⁹³ *Ibid.* N 529, 1030. Примечательно, что прозвища некоторых известных (Эрик Зеландский) или предполагаемых (Магнус Скониинг, Мадс Фальстер) потомков представителей датского королевского дома происходят от названий областей и островов Дании: Зеландия, Сконе, Фальстер. Быть может, посредством этих прозвищ указывалось на королевское происхождение упомянутых лиц? Ведь известно, что обычай давать прозвище бастардам по названиям областей или феодальных владений в средние века и в начале нового времени существовал в странах Западной Европы (например, Антуан Бургундский, Хуан Австрийский).

что генеалогия всех этих магнатов покрыта пеленой неизвестности. Нельзя, впрочем, исключить того, что они являлись потомками не короля Вальдемара I, а его родственников, других представителей королевского рода Эстридсенов, живших в XII в.

Из-за скудости сведений выдвигать какие-либо предположения в отношении того, на каких началах создавались гербы бастардов королевского рода Дании во втор. пол. XIII–XIV вв. трудно. И все же можно подметить следующую особенность: во вновь создаваемом гербе незаконнорожденного отпрыска королевского рода обязательно присутствует только один из элементов герба их отцов — либо лев, либо сердца. Этим подчеркивалось их более низкое положение на феодальной и родовой лестнице по сравнению с королем, герцогом Шлезвигским, владетелями Халланда и их потомками.

Таким образом, можем заключить, что гербы представителей королевского дома Дании зародились не ранее второй половины XII в., первоначально в виде образа льва — типического знака, отражавшего религиозно-символическое миросозерцание эпохи. В кон. XII–XIII вв. она пережила период, когда характер эмблемы потомка Вальдемара I предопределялся его личным положением на феодальной и родовой лестнице. Впоследствии, с конца XIII в., гербы одних отпрысков королевского рода, которые не имели титула, стали превращаться в родовые гербы, гербы других же — королей, герцогов Шлезвигских и владетелей Халландских — получили также признание эмблем титула короля Дании, герцога Шлезвига и герцога или графа Халланда. Но в гербах всех потомков Вальдемара I присутствовали элементы герба короля Дании, дополняясь иногда другими элементами. Кроме того, в XIV в. была создана эмблема, которая обозначала титул герцога Лолланнского, — дракон. Она не была обязана своим происхождением гербам представителей королевского рода. Следовательно, ее создатели руководствовались иной целью, нежели та, которая преследовалась при создании гербов потомков Вальдемара I.

В 1375 г., со смертью короля Вальдемара IV и герцога Шлезвигского Хенрика I Вальдемарсена (1364–1375), не оставивших потомков мужского пола, пресеклись две ветви законных представителей королевского рода Эстридсенов, правившего в Дании с середины XI столетия. В начале XV в. та же участь постигла ветвь, которая вела происхождение от королевского бастарда, герцога Кнута Эстонского и Блекингского. Тогда же перестают упоминаться в источниках потомки внебрачного сына шлезвигского герцога Вальдемара IV Абея. В XV–XVI вв. из мужского потомства короля Вальдемара I продолжали жить только представители рода Лёвенбалк. Однако история ряда гербов потомков Вальдемара I не прекратилась. Королевская эмблема с тремя львами превратилась в герб королевства Дании, а эмблема шлезвигских герцогов с двумя львами — в герб герцогства Шлезвиг. В таком своем качестве эти гербы и продолжили дальнейшее существование: два льва оказались в составном гербе графов Гольштейна (рядом с их родовым гербом – крапивным листом), ставших после 1375 г. герцогами Шлезвига, а три льва с сердцами остались гербом у преемников короля Вальдемара IV на датском престоле. Кроме того, в середине XV столетия в составной королевский герб были внесены эмблемы герцога Лолланнского и герцогов и графов Халландских, но как эмблемы, обозначающие другие титулы. Первая стала гербом «короля славян», каковой титул короли Дании носили с конца XII в., вторая — гербом «короля готов», принятый Вальдемаром IV в начале 1360-х гг.

М.Ю.Медведев

Немой девиз как геральдическое отражение социокультурных процессов.

Одним из самых ярких и проблемных явлений в геральдике (и шире — в эмблематике) осени Средневековья были так называемые немые или изобразительные девизы¹: розы поздних Плантагенетов, ярмо и стрелы Католических королей, бургундское огниво и т.д. Расцвет жанра немых девизов относится к XV столетию; на протяжении XVI в. культура их употребления в основном угасла. Относительно небольшому количеству немых девизов удалось интегрироваться в геральдическую культуру Нового времени. В «писаной геральдике» они часто упоминались — и упоминаются — вскользь. Оба классически-ложных определения немых девизов — «герб» и «неофициальная эмблема» — не только бытуют в популярной литературе, но и обозначают два полюса суждений, две крайности, между которыми колеблются оценки исследователей.

Был ли немой девиз альтернативен, или соприроден гербу? Следует ли видеть в немых девизах плод проникновения негеральдических эмблем в гербовую традицию или, напротив, результат упорядочивающего влияния гербов на эмблематическую практику в целом? Эти вопросы остаются открытыми. Между тем невыясненность геральдической природы, жанровой специфики немых девизов затрудняет их изучение специалистами по социальной, культурной, политической истории. Эмблематическая проблема, значимая сама по себе, предстает здесь также ключом к проблеме общеисторической. Немой

---

¹ Термин введен Ю.В.Арсеньевым (Арсеньев Ю.В. Геральдика. М., 1908. С. 245); соответствует английскому *badge*, итальянскому *impresa*, немецкому *Bildevisse* и т.д.

девиз сопоставляется с гербом не по принципу типологического единства, а по той центральной, «эталонной» позиции, которую герб занимал в эмблематике позднего Средневековья. Это сопоставление в контексте общесторического поиска намечено еще у Й.Хейзинги². Исследование природы немых девизов не может не опираться на исследование природы гербов, на обращение к истокам геральдической традиции.

Одна из общепризнанных особенностей ранней геральдики XII–XIII вв. — преобладание эмблематического над символическим³. Другой важной особенностью мы, вероятно, вправе считать почти полный отказ ранней геральдики запечатлять социальные горизонталы при относительно частом отражении в гербах социальных связей и разделений, пролежавших по вертикали⁴.

Ранние бризуры (знаки ветвления рода), употреблявшиеся нечасто и неупорядоченно, скорее указывали на существование родовой иерархии, чем обозначали ее⁵; в свою очередь внутривидовая иерархия могла существенно разойтись с социальными реалиями. Заимствование гербовладельцем каких-либо форм из герба государя достаточно часто свидетельствовало о занятии этим гербовладельцем некоего места в имперской или местной иерархии, но отнюдь не указывало на определенный уро-

---

² Описывая практику употребления немых девизов, Хейзинга обращается к феномену герба как к своего рода эталону. См.: Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 258.

³ Pastoureau M. L'origine des armoiries...// Genealogica et Heraldica. Copenhagen, 1982. P. 244 et passim.

⁴ Приводимые О.Нойбеккером (Neubecker O. Le grand livre de l'Héraldique. Bruxelles, 1993. P. 137) «типовые» гербы вассалов курфюрста Трирского указывают, скорее всего, на территориальную близость, а не на декларируемую общность равных.

⁵ Характерен знаменитый пример — гербы различных линий рода фон Рюдесхайм: Wappenfibel. Neustadt an der Aisch, 1981. Taf. XXXIX, S. 161. Нет никаких оснований усматривать во внутривидовых гербовых различиях отражение неких знаковых иерархий.

вень этой иерархии⁶. Неоднократно предпринимавшиеся попытки выделить отличительные черты, характерные исключительно для гербов высшей знати⁷ или, напротив, людей незнатных, не увенчались успехом; выявленные «закономерности» могут быть отнесены лишь к отдельным конкретным гербам или узким, замкнутым комплексам взаимосвязанных гербов⁸.

Информация, заложенная в ранних гербах — относительно скупая, преимущественно генеалогическая или феодальная, в *наименьшей* степени — событийная⁹; почти неизменно информативность отступает перед специфической стихией несколько нивелированной геральдической образности или подчиняется этой стихии. Вероятно, «похожесть» гербов, неоднократно отмечавшаяся исследователями как приближающаяся к парадоксальной¹⁰, должна рассматриваться именно как инструмент интеграции гербовладельца в ряд себе подобных.

Интегрированность в общество; кровные и феодальные связи; событийный план — все это суть выстроившиеся в иерархический ряд факторы социального статуса гербовладельца. Их проявление в геральдике характеризует изначальное значение герба как *личного* знака.

Социальная модель определила модель геральдическую, в силу чего ранняя геральдика, лишенная письмен-

---

⁶ На примере имперского орла, воспроизводившегося с изменениями в гербах князей, и на множестве других примеров эта норма прослежена Pastoureaux M. *Figures et couleurs*. Paris, 1986.

⁷ Впервые подобные попытки были предприняты еще в пределах Средневековья. См., в частности, труд Иоанна де Бадю: Jones E.J. *Medieval Heraldry*. Cardiff, 1943.

⁸ Это относится и к бризурам. Средневековые системы бризур выделяли главу рода, его отдельные линии, но, как правило, на старшинство линий не указывали.

⁹ Поскольку события влияли на изменение статуса гербовладельца, постольку велико искушение преувеличить непосредственно событийные мотивы динамики развития ранних гербов.

¹⁰ Это суждение уже высказывалось в отечественной литературе (Черных А.П. Новые книги по геральдике // Средние века. М., 1990. Вып. 53. С. 258) с опорой на работу П. Гуинн-Джонса. См.: *A New Dictionary of Heraldry*. London, 1987. P. 26.

ной теории¹¹, с кажущейся спонтанностью проявляла себя как цельное, систематическое явление. Подчеркиваемая рядом авторов иррациональность геральдического мышления, пренебрежение смыслом в ущерб форме и т.д.¹² могли лишь способствовать более точному, нескажанному отражению социального в геральдическом. В специфике гербовой информативности отразилось еще одно изначальное предназначение герба – служить атрибутом рыцарства; идея общности рыцарства, скорее всего, определяет только что упомянутый пафос интеграции, присущий гербовой образности. «Эталонность» социальной позиции знатного воина, в свою очередь, выразилась в освоении геральдической практики и образности женщинами¹³, клириками¹⁴, людьми неблагородными¹⁵, корпорациями и т.д.

Объединяющий, собирающий характер геральдики зачастую делал герб выразителем образной самоидентификации, личной или групповой — именно это в современной научной геральдике порой определяют как геральдический тотемизм¹⁶. Основной смысловой контекст раннего герба — это другие гербы, его окружающие, с ним связанные¹⁷: наглядное отражение «обобществленной» личности самого хозяина герба.

---

¹¹ Первый геральдический трактат был составлен на рубеже XIII и XIV вв. В более ранний период единственным видом письменной фиксации геральдических форм было блазонирование.

¹² См., например, Menéndes Pidal de Navascués F. Comment étaient comprises les armoiries // *Genealogica...* P. 314–320.

¹³ Pastoureau M. *Traité d'héraldique*. Paris, 1979. P. 46–49.

¹⁴ Idem. P. 49; Galbreath D. L., Jéquier L. *Handbuch der Heraldik*. München, 1989. S. 23 et passim; Heim B. B. *Heraldry in the Catholic Church*. Gerrards Cross, 1981. P. 23–25.

¹⁵ Pastoureau M. *Op. cit.* P. 51 et infra. Galbreath D.L., Jéquier L. *Op. cit.* P. 41–52.

¹⁶ Хейзинга Й. Указ. соч.; Pastoureau M. *Op. cit.* P. 62; London H.S. *Royal Beasts*. London, 1956 etc. Характерен и прямолинейный подход в таких публикациях, как например: McCabe H.M. *Some Reflections on Totemism and Heraldry*//*The Coat of Arms*. N 41. P. 31–34.

¹⁷ См. Vajay Sz. de. *L'héraldique: image de la psychologie sociale*. Napoli, 1967.

На рубеже XIII и XIV вв. зарождается жанр ученых гербоведческих сочинений. Современный исследователь испытывает соблазн воспринять данные этих сочинений как итоги, добросовестной фиксации, достоверные свидетельства очевидцев. Между тем, подобно большинству своих сегодняшних последователей, первые гербоведы вторгались в геральдику как действующие; фиксируя, они систематизировали, ориентировались на то, как должно быть. Автор трактата *De Heraudie* не только обрисовывает нереалистически жесткую схему изображения фигур согласно их натуральным цветам, хотя и допустимо, что эта схема могла быть локально действенной и «объективной» для автора, но он также критикует герб королевства Иерусалимского как неправильный¹⁸. В середине XIV столетия дон Хуан Мануэль, внук короля Кастилии, описывает, как родился его отец и как ему сочинили герб; благочестивый символизм рассказа переплетен с недостоверностью деталей, дошедших до рассказчика, возможно, в пересказе, духовных лиц¹⁹. Гербы в это время еще не нуждаются в писаном теоретическом подкреплении; они лишь попадают в поле зрения людей пишущих. Так появился труд Бартоло ди Сассоферрато, гербовладельца в первом поколении, озиравшего геральдику несколько извне, с точки зрения норм права и с точки зрения собственного видения нормы²⁰. Особенно показательна выстроенная Бартоло иерархия цветов. Труды Бонэ²¹ и Кристины Пизанской²² вторили трактату Бартоло. Вероятно, не дошедший до нас труд Франциска Фо-

---

¹⁸ Dennys R. *The Heraldic Imagination*. London, 1975. P. 61.

¹⁹ Menéndes Pidal F. *Ibid.* P. 314; Медведев М. Ю. Кастильская династия: нерешенные геральдические проблемы // *Вспомогательные исторические дисциплины: Тезисы докладов и сообщений...* М., 1994. С. 100–101.

²⁰ Jones E.J. *Op. cit.* P. 221–252; Черных А. П. Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» // *Средние века*. М., 1989. Вып. 52. С. 309, и др.

²¹ Dennys R. *Op. cit.* P. 64–66.

²² *Idem.*

вейского²³ также являлся откликом на труд Бартоло, но на этот раз отклик был полемичным. Ученик Франциска Иоанн Бадонский²⁴ проявляет большую близость к геральдической традиции, чем Бартоло, однако и он выступает не столько фиксатором, сколько активным разработчиком гербовой теории. В его трудах геральдика обнаруживает свою умозрительную логичность, упорядоченность, свою символическую насыщенность; одним словом, это до известной степени мнимая геральдика. Гораздо более реалистичен в своих построениях современник Иоанна Клеман Принсо²⁵; обширный гербовник *en blason*, завершающий его труд, наводит на мысль о том, что теоретические построения для Принсо были лишь придатком геральдической практики. Однако и у Принсо мы встречаем суждения о символике цветов в духе «мнимой геральдики»²⁶.

Известно уничижительное суждение О.Баррона об авторах геральдических трактатов как о некомпетентных людях, чуждых живой геральдической традиции²⁷. Остроумные наблюдения Баррона в большей степени характеризуют ранние трактаты, нежели их сочинителей. Автор *De Heraudie*, пересказывающий профессиональные споры герольдов, Куртуа-Сицилия²⁸ или Принсо были, вероятно, людьми «изнутри традиции». Вне традиции лежал сам жанр трактата, побуждавший авторов отражать предмет со специфической неадекватностью — возможно, осознанной самими авторами.

Эпоха герольдов заявляет о себе профессиональным гербоведением и герботворчеством: символизм тракта-

---

²³ Ibid. P. 67.

²⁴ Jones E.J. Op. cit. P. 95–212; см.: Dennys R. Op. cit. P. 67–71.

²⁵ Douët d'Arcq. Un Traité de blason // *Revue archéologique*. Paris, 1858. XV année. I partie. P. 321–342. См. также Dennys R. Op. cit. P. 74–76.

²⁶ Douët d'Arcq. Op. cit. P. 322–327.

²⁷ Dennys R. Op. cit. P. 19–18, 59.

²⁸ Имеется в виду Жан Куртуа, герольд Сицилийский, автор знаменитого трактата о цветовой символике: *Sicile. Le blason des couleurs...* Paris, 1860. О труде Куртуа и о данном издании см.: Хейзинга Й. Указ. соч. С. 303, 380.

тов, стремление к упорядоченности вторгаются в гербовую практику, обнаруживая авторские почерки специалистов, получивших возможность заняться реальными гербами. В этом отношении особенно замечателен труд Аптона²⁹, повествовавшего о том, как граф Солсбери, по его, Аптона, совету, пожаловал два герба, при помощи символов намекавшие на интимные свойства жалуемых: в одном случае — на склонность к содомии, в другом — на приобретенную в результате ранения импотенцию. По предположению Р.Денниса, «жертвы» пожалований могли и не предполагать подобных толкований; символические сообщения адресовались Аптоном и опиравшимся на его консультации графом — через головы гербовладельцев — другим адептам ученого гербоведения.

Относительность и условность многих теоретических построений, содержащихся в геральдических трактатах, бросается в глаза. Еще И.Д.Келер в начале XVIII в. язвительно замечал, что Бартоло поставил во главе иерархии цветов расцветку собственного герба³⁰. Это наблюдение действительно остроумно, и оно касается не одного Бартоло. У Франциска Фовейского и Иоанна иерархию цветов венчают серебро и черный цвет; но, будучи англичанином³¹, Иоанн уделяет особое внимание золоту и червлени (цветам английского королевского герба), подчеркивая, что это — цвета, специфичные для гербов государей. Сообщение Иоанна, что узурпация червлени простым гербовладельцем карается смертью, не находит никакого подтверждения в событийной истории. Английская версия труда Иоанна ставит во главе птиц орла (герб императора), валлийская версия³² — дракона, и т.д.

---

²⁹ Dennys R. Op. cit. P. 76–82.

³⁰ См. Seyler G.A. Geschichte der Heraldik. Nürnberg. 1980. S. 562–563.

³¹ По мнению Э.Джонса, Иоанн (de Bado Aureo, т.е. Гиллфорд?) и епископ Иоанн Тревор, епископ одного из уэльских диоцезов – это одно и то же лицо. Эта гипотеза подкрепляется существованием современной валлийской версии трактата. См. Jones E.J. Op. cit.

³² Ibid. P. 35.

Позднее собственная социальная позиция геральдиста дает о себе знать все ярче. Аптон в своих ранних сочинениях вслед за Иоанном пренебрежительно отзывался о зеленом цвете и его значении в геральдике; впоследствии, поступив на службу к графу Солсбери, в гербе которого присутствовал зеленый орел Монтремеров, Аптон горячо и услужливо раскаивался в своей юношеской опрометчивости³³. Разграничить Аптона-ученого и Аптона-челядинца здесь невозможно.

В риторических целях герольды усложняли описание гербов, внося в них пышные формулировки и символические отступления³⁴. Культура гербового баснословия³⁵ бурно развивалась, наполняя старые гербы конкретными событиями, содержанием,

Иоанн Люксембургский, граф де Линьи («Гербовник Золотого

отражая в них героические деяния прошлого, большей частью мысленные. Мнимая геральдика вторгалась в практику.

Происходившее раскрытие символического потенциала геральдического знака соединилось в профессиональном герботворчестве герольдов с обостренным вниманием к персоне обладателя герба. Личные качества, репутация гербовладельцев, почти совершенно игнорировавшиеся ранней геральдикой, тем не менее неизмен-

---

³³ Dennys R. Op. cit. P. 78.

³⁴ Подобные усложненные тексты см. в кн.: Seyler G.A. Op. cit. P. 140–150 et passim.

³⁵ Термины «гербовая басня», «гербовое баснословие», восходящие к немецкому «Wappensage», бытовали в отечественной практике уже при бароне Кене (см. «Записки и рапорты Б.В.Кене», РГИА, Ф.1493, оп.1, д.№7, л. 30об-31, и др.) и были закреплены Ю.В.Арсеньевым (Указ. соч. С. 8 и ниже).

но должны были находиться в поле зрения герольдов³⁶. Именно это было необходимо, чтобы удовлетворить новые поколения гербовладельцев с их героическим менталитетом, воспитанным на литературных образных, на античных рассказах о личной доблести и т.д. Деятельность герольдов явилась для осени Средневековья мощным орудием самоутверждения.

Герб в наиболее узком смысле (*escudo*, *Unterwappen*) не позволял в полной мере воплотить идею знака, полного личного символизма. Символическую дискретность можно было смягчить при помощи «гербовых басен», но личное с неизбежностью отступало перед родовым и (или земельным). Новые гербы – хотя бы и составленные с неким подтекстом, как это делал Аптон – в основном воспроизводили общие формы раннегеральдической традиции и прочитывались большинством в духе общей интегрирующей образности. И в любом случае подтекст терял характер актуально-личного в следующем поколении. В своей основе герб был слишком стабильным.

Однако у нового поколения гербовладельцев и их советчиков не было нужды ограничиваться пределами гербового щита; существовали другие, менее «жесткие» элементы геральдического убранства.

Большая или меньшая вариабельность была присуща ранним нашлемникам. Если геральдика к востоку от Рейна с ее большей «коллективностью»³⁷ достаточно часто закрепляла определенный «верхний герб» как атрибут рода или его ветви, следуя в этом щиту и порой подменяя его, то на западе Европы такая стабильность нашлемника была характерна в основном для наиболее значительных семейств. Наконец, члены этих семейств в ряде случаев употребляли личный, а не фамильный нашлемник³⁸. Описывая специфику западноевропейских

---

³⁶ Bedingfeld H., Gwynn-Jones P. *Heraldry*. London, 1993. P. 24; см. также: Wagner A.R. *Heralds and Heraldry in Middle Ages*. London, 1956; Dennys R. *Heraldry and the Herald*. London, 1982; и др.

³⁷ Pastoureaux M. *L'origine des armoiries...* P. 244.

³⁸ В свою очередь, однако, личные нашлемники могли наследоваться; возможно, таково происхождение нашлемников бургундской и валуа-

нашлемников, М.Пастуро приходит к выводу о том, что это были в основном личные эмблемы, по преимуществу чисто декоративного характера³⁹. Безоговорочно согласившись с этим взглядом, мы признали бы возможность и, более того, огромное значение чистой декоративности в ранней геральдике — этот тезис представляются достаточно спорным⁴⁰. Скорее имеет смысл говорить о сверхдискретности символизма, присущего как нашлемникам, так и щитам. Изобилие стереотипных элементов и приемов оформления сближало нашлемники со щитами. Композиции на шлеме и в щите с равным успехом могли быть гласными⁴¹, обозначать родовые и феодальные отношения⁴², или не говорить о них ничего.

Однако образность «верхнего герба» была несколько свободнее — об этом позволяют судить примеры сим-

---

алансонской линией французского королевского дома. В конечном счете остается неясным, не лежат ли в основе наших суждений о феномене личных нашлемников, употреблявшихся параллельно обычным, всего лишь неудачные, незакрепившиеся попытки сменить старый нашлемник. С другой стороны, фигурирующие в ряде гербовников «неожиданные» нашлемники могут не только являться плодом фантазии или небрежности художников, но и восходить к малоизвестным личным версиям. Конкретные формы, в которых проявлялась изменчивость нашлемных фигур, недостаточно исследованы.

³⁹ Pastoureau M. *Traité d'héraldique...* P. 205–208.

⁴⁰ Отказ от поиска символического значения в ранних гербах, характерный для современных научно-геральдических исследований, является естественной реакцией на обширную, неумиряющую, и не вполне академическую по сути, традицию раскрытия геральдики как герметического, эзотерического искусства. См. выдержанную в этом духе полную чрезвычайно широких обобщений работу Р.Вьеля: Viel R. *Les origines symboliques du Blason*. Paris, 1972. Однако исследование символической природы ранних гербов мы находим и в таких безупречно серьезных исследованиях, как работы барона Э.Пиното, посвященные капетингской геральдической традиции: Pinoteau H. *La création des armes de France au XII siècle // Bulletin de la Société nationale des antiquaires de France*, 1980. Paris, 1982.

⁴¹ Любопытны примеры гласных нашлемников, компенсирующих отсутствие этого качества у фигур щита. См. Pastoureau M. *Op. cit.* Pl. VI.

⁴² Так, в середине XIV в. старшая ветвь Нассауского дома приняла несколько измененный нашлемник палатинов Рейнских, отвергнув более ранний, собственно нассауский «лёт» (крылья).

волических портретов исторических персонажей⁴³, откровенный комизм некоторых композиций⁴⁴ и ряд других геральдических курьезов, проявившихся в культуре нашлемника раньше и ярче, нежели в культуре оформления гербового щита.

Многие нашлемники, по мнению ряда авторов, присутствовали в геральдическом обиходе их хозяев, но никогда не украшали их шлемы, будучи лишь декоративным или декоративно-эмблематическим дополнением к изображению щита на печати, в гербовнике и т.д. Так или иначе, не приходится сомневаться в дистанции, отделявшей нашлемник в его условно-геральдической проекции от реального шлемового украшения, даже при наличии последнего. Ярким примером могут служить нашлемники английских королей и принцев. С точки зрения гербоведа, в их основе — геральдический леопард (лев насто-роже), воспроизводящий изображение в щите; но с точки зрения историка средневекового оружия речь идет об обычном стоящем льве, голова и тело которого повернуты в одном и том же направлении⁴⁵.

Изменчивая природа нашлемников обусловила их восприимчивость к веяниям моды, увенчавшуюся прида-

---

⁴³ Например, серебряный дракон в «кадке» — ранний нашлемник Люксембургского дома — это, несомненно, прародительница Лузиньянов, Мелюзина (изобр. см.: Galbreath D.L., Jéquier L. *Op. cit.* P. 124). Под влиянием моды на любование наготой потомки Мелюзины уже в XIV в. изображают ее также в виде очаровательной сирены, а позднее в качестве девиза (короли Кипрские, см. *ibid.* P. 53), в нашлемниках (де Ларошфуко). Подобные фигуры в щитах — например, дитя со змеей в гербах валлийцев, происходящих от Мориддига Уорвина (Bedingfeld H., Gwynn-Jones P. *Op. cit.* P. 59–60), — имеют, скорее всего, более позднее происхождение, нежели родословные нашлемные сюжеты.

⁴⁴ Классический, хотя и достаточно поздно фиксированный пример нач. XV в. — проигравшийся в кости оборванец на гербовом шлеме рода Шпехт фон Бубенхайм: Fox-Davies A.C. *The Art of Heraldry*. Pl. LXXXIV; P. 416. Более ранними примерами могут служить «маски» Клевского герцогства, Грассауэров и др.

⁴⁵ В последнем со всей очевидностью убеждает шлем Черного Принца, сохраняемый в Кентербери.

нием старым гербам шлемовых украшений в античном духе (пегас и гидра Цезаря Борджа и т.д.⁴⁶).

Итак, нашлемники глубоко соприродны «нижним гербам» и вместе с тем чрезвычайно своеобразны; один из факторов этого своеобразия — изменчивость, с которой в свою очередь связана непринужденность в выборе форм. Это же можно сказать и о многих других традиционных элементах раннегеральдических композиций — о «щитодержателях» (этот термин лишь условно применим к памятникам доренессансной геральдики⁴⁷), ранних должностных знаках⁴⁸, а также о других фигурах, обрамляющих щит или заполняющих пространство вокруг него — в той мере, в какой этим фигурам можно приписать хоть какое-то эмблематическое значение⁴⁹.

В гербоведческой литературе часто декларируется прямая преемственность геральдического декора, не включаемого в щит или в нашлемник, по отношению к специфическим протогеральдическим эмблемам, украшавшим печати, монеты, знамена в основном до середины XII столетия. Речь идет чуть ли не о протогеральдических знаках, продолжающих свое существование в геральдическую эпоху⁵⁰. Анализ источников — прежде всего сфрагистического материала — позволяет говорить о том, что геральдические «малые Формы» глубоко близки гербам и восходят к протогеральдическим эмблемам постольку, поскольку к ним восходит гербовая традиция

---

⁴⁶ Galbreath D.L., Jéquier L. *Op. cit.* P. 149. Ср. также упомянутое выше «обнажение», Мелюзины в нашлемнике де Ларошфуко и т.д.

⁴⁷ Щитодержателями как таковыми без кавычек в настоящей работе называются лишь фигуры, входящие в состав герба, а не обрамляющие его. См.: A New Dictionary of Heraldry. P. 330–333 и др.

⁴⁸ Galbreath D.L., Jéquier L. *Op. cit.* P. 201–202.

⁴⁹ Так, полумесяцы, окружающие щит с полумесяцем на печати сеньора де Люнея 1254 г. (см.: Pastoureau M. *Op. cit.* P. 90), едва ли имели значение самостоятельных эмблем. Скорее, они повторяли фигуру в щите, усиливая ее гласное значение, и при этом попросту заполняли пространство, подобно звездам на печатях того же времени.

⁵⁰ «Классическое» изложение этой точки зрения находим у Фокс-Дэвиса: Fox-Davies A.C. *Op. cit.* P. 329 et infra. С этим вполне согласен и М.Пастуро (Pastoureau M. *Op. cit.* P. 218).

вообще. Средневековые «щитодержатели» то врывались в щит, как это случилось со знаменитым гербом рода Тразеньи⁵¹, то вырывались из пределов щита, как у потомков Ричарда, короля Римского⁵². Подобным образом вели себя атрибуты духовного сана⁵³. Именно связь с гербом или подчиненность гербу позволяет выделять подлинно эмблематические изображения из множества украшений, окружающих гербы на печатях XIV в.

Так, на относящейся к 1318 г. печати Изабеллы Шалонской, сеньоры де Во⁵⁴, щит окружен четырьмя сиренами, из которых две музицируют, двумя сидящими львами и двумя орлами. Чисто типологический подход не позволяет выделить разницу в жанровой специфике этих фигур. Между тем сирены, судя по всему, играют декоративную и символическую (как тема услаждающего музицирования в честь хозяйки герба⁵⁵) роль, тогда как орлам и львам присуще ральдическое значение как бестиарным эмблемам ского дома и его ветви, владевшей Во. При этом орел ходит непосредственно к гербовой фигуре, тогда как роль льва как савойской эмблемы проявляется в постоянстве, с которым этот зверь следует за

Печать Изабеллы Шалонской (1318)

⁵¹ London H.S. The Ghost or Shadow as a Charge in Heraldry // *Archaeologia*. 1949. Vol. 93. P. 130–135; Galbreath D.L., Jéquier L. Op. cit. P. 100, 195 etc.

⁵² Humphery-Smith C.R., Heenan M.G. The Royal Heraldry of England // *The Coat of Arms*. N 49. P. 20–21.

⁵³ Многочисленные примеры см. в кн.: Heim. Op. cit.; Galbreath D.L., Jéquier L. Op. cit. P. 102, 113, 115, 120, 190–201 и др.; впечатляют илл. 575 и особенно 574 с посохом, «негеральдично» положенным поверх щита.

⁵⁴ *Ibid.* P. 199; ср. сходную печать на С. 220, также связанную с Во (Ваадтом); места, занятые львами и орлами у Изабеллы Шалонской, на этот раз заполнены изображениями герба ваадтской линии Савойского дома.

⁵⁵ Ср. *ibid.* P. 131, и мн. др.

савойским гербом с печати на печать. Впрочем, не исключена и опосредованная – через нашлемник – связь савойского льва с венецианским; в этом случае лев также восходит к элементу герба.

Безусловно, нашлемники, «щитодержатели» и подобные им элементы гербового декора играли вспомогательную роль. Впрочем, шлемы с нашлемниками часто употреблялись в качестве самостоятельной эмблемы; эта практика характерна прежде всего для Германии с ее стабильными «верхними гербами». Для запада Европы были вполне обычными композиции, в которых доминировал огромный, тяжеловесный шлем с украшением, а щит оказывался в подчиненном положении⁵⁶, но это соотношение объяснению реальными пропорциями шлема и маленького наплечного щита, за которым тем не менее остается смысловое первенство. Некоторые более или менее спорные примеры могут быть истолкованы как свидетельствующие об употреблении «щитодержателей» как отдельных эмблем: таковы, например, раннегеральдические печати сенешалей Фландрии⁵⁷. Гербовые знаки сана, достоинства (короны, тиары, жезлы и т.д.) являлись геральдическими проекциями реально существовавших предметов, наделенных «собственным» бытием. Однако в большинстве случаев в нашлемники и вспомогательные фигуры были несамостоятельны по отношению к щиту; в той мере, в какой они были связаны с конкретным гербовладельцем, они могли придать гербу личный акцент, но при этом не были достаточно эффективны как персональные эмблемы.

В «эпоху герольдов» зависимость от герба перестает быть тотальной для геральдики. Турнирные убранства, порой несходные с гербами или несводимые к ним⁵⁸, проявили свою способность к эмблематической само-

---

⁵⁶ Ibid. P. 178; ср.: Ines of Learney. Scots Heraldry. Edinburg, London, 1956. Pl. VII.

⁵⁷ Galbreath D.L., Jéquier L. Op. cit. P. 33–34.

⁵⁸ Яркие примеры находим в «Кодексе Манессе»: так, в снаряжении Генриха IV Вроцлавского повторяющиеся изображения герба соединены с разрозненными буквами слова «AMOR» и т.д.

стоятельности. В XIV столетии складывается жанр турнирного псевдогерба - «щита для мира», т.е. для мирного времени⁵⁹. Однако развитие турнирного псевдогерба как личной широко употребляемой эмблемы сдерживалось, скорее всего, его типологической близостью к «настоящему» гербу. Не будучи равным гербу по значению, по статусу, «мирный щит» слишком прямо воспроизводил общие гербовые формы.

Среди особенностей турнирных псевдогербов следует выделить пристрастие к риторическим надписям (буквенным или словесным включениям в композицию⁶⁰), а также частое, если не преобладающее, воспроизведение ливрейных цветов.

Сами по себе ливрейные цвета чрезвычайно примечательны как наделенные ярко выраженным персонально-эмблематическим значением и при этом зачастую независимые от герба. В некоторых случаях ливрейные униформы могли дополняться или подменяться отличительными эмблемами, которые являлись, как и ливрея, не некими корпоративными обозначениями войска или челяди (как их иногда трактуют), а собственными знаками господина. «Общим» отличительный знак ливрейного типа оказывался лишь в корпорациях: например, в светских орде-

Печать графа Амадея VI
Савойского (1375)

⁵⁹ Общеизвестен ранний пример — «мирный щит» Черного Принца, (Newton S.M. *Fashion in the Age of the Black Prince*. London, 1980). Блестящие исследования Дюэрлоо, посвященные поздним континентальным образцам позволяют убедиться в наличии общих характерных черт «мирных щитов». Однако в целом сюжет остается малоизученным.

⁶⁰ Возможно, эти текстуальные включения были призваны компенсировать конкретно-символическую немоту ранних гербов, отчасти передающуюся ливрейным и турнирным эмблемам.

нах или братствах, знаки которых вторглись в геральдику с середины XIV в. С точки зрения образности ранние орденские и особенно ливрейные знаки были, судя по всему, прямо преемственны по отношению к геральдической традиции, хотя прямые заимствования фигур из гербов были достаточно редки.

Ливреи были наглядными индикаторами социального положения раздающего их хозяина как почтенного человека, обладающего свитой, собравшего отряд и т.д. Но, как и гербы, ливреи ничего не говорили об относительном старшинстве их хозяев.

Турнирные псевдогербы, ливрейные цвета и эмблемы, знаки орденов и братств – все они обладали эмблематической самостоятельностью, независимостью от гербов; все они имели собственный реально-предметный фон, отличный от аналогичного фона герба; в то же время все они могли соседствовать с гербом, «подключаться» к геральдике. Ливрейная и корпоративная эмблематика могла совмещаться с гербом и дополняющим его декором в цельный знаковый комплекс. И, наконец, нестабильность нашлемника и «щитодержателей» позволяла заменять или дополнять их турнирными эмблемами и ливрейными знаками – и наоборот⁶¹.

Все это обнаруживает «маргинальную геральдичность» турнирных, ливрейных, орденских эмблем; не подчиненные миру гербов, они образовывали с ним единое органическое целое. И неудивительно: развитие новых геральдических форм шло по уже проторенным путям. От ливрейной эмблематики требовалось создать более низкую по статусу параллель гербовой эмблематике, и вполне естественно, что ливреи и ливрейные знаки оформлялись подобно тому, как задолго до них под сильным влиянием расцветки одежд, тканей⁶² оформля-

---

⁶¹ Примером могут служить перья потомков Эдуарда III, зачастую обрамлявшие гербовый щит и в этом качестве вошедшие в позднейшую традицию. См.: Humphery-Smith C.R. Feathers // *Genealogica et Heraldica*. Copenhagen, 1982. P. 299–306; Fox-Davies A.C. *Op. cit.*, etc.

⁶² Pastoureau M. *Op. cit.* P. 28 et passim; раскрытие идеи влияния тканей на гербы находим еще у Дю Канжа, у Ле Лабурера, трактовавшего тему со своей обычной прямолинейностью.

лись сами гербы. Естественно и то, что ливрейные знаки в основном не проходили этот путь до конца, не достигали такого же строгого иконографического упорядочивания, как гербы. В некоторых случаях турнирный псевдо-герб как раз и являлся «высшей формой» ливрейной эмблемы⁶³. Через посредство турниров, торжественных церемоний, парадных убранств ливрейный обиход был связан с атмосферой придворной начитанности, в частности, с искусством аллегорий.

При содействии и под наблюдениям герольдов - профессиональных систематизаторов - ливрейная эмблематика развивалась, тесно взаимодействуя с гербовой. Вариабельность и открытость для экспериментов в сфере образности были в разной мере присущи элементам окружения герба и ливрейного декора; их возможности ожидали соединения, но этому препятствовали устоявшиеся жанровые барьеры. Новации не заставили себя ждать. К концу XIV в. окончательно синтезировался тип эмблемы, легко соединяемой и с гербом, и с ливреей, но в принципе самостоятельной, лишенной жесткой зависимости и от герба, в отличие от более раннего декора «при гербе», и от ливреи, в отличие от раннего ливрейного знака, и от предметного мира, в отличие от атрибутов сана, должности и т.д. В то же время в качестве личной эмблемы такой знак был принципиально отличен от абстрактного религиозного или куртуазного символа. Такая эмблема часто выступала в паре со словесной риторической формулой — писаным девизом⁶⁴, могла соединяться с другими подобными эмблемами⁶⁵ и т.д.

Это и есть геральдический феномен изобразительного или «немомого» девиза. Жизненный цикл немомого девиза как бы пародировал жизненный цикл герба: возникая в качестве личного знака, девиз мог быть отвергнут

---

⁶³ По крайней мере, в случае с мирным щитом Черного Принца это несомненно так.

⁶⁴ Отсюда традиционное определение изображения как «тела», сопровождающей надписи как «души».

⁶⁵ См. например: Smith C.J. The Bear and the Ragged Staff // The Coat of Arms. N 54. P. 224–227.

преемниками или же унаследован (правила наследования таких знаков были чрезвычайно свободными), оставлен без изменения, изменен или переосмыслен; его иконографическая природа также была подобна гербовой, но менее стабильна. На рубеже XIV и XV вв. употребление немых девизов было распространено от Ирландии до Чехии⁶⁶, хотя в качестве «классических» регионов бытования немых девизов обычно упоминают Британию и Италию⁶⁷. Обычным стало и противопоставление английских немых девизов (*badges*) итальянским (*impreses*): первые рассматриваются как более простые, более функциональные отличительные знаки — «тотемы»⁶⁸, вторые — как в большей мере наделенные аллегоризмом, символизмом и, наконец, эзотеризмом⁶⁹. Речь будто бы идет о жанровых различиях между *badges* и *impreses*. В действительности же налицо единство жанра при различии культурного и социального фона. Мир английских немых девизов представляется более архаичным, более средневековым: как и в гербовой практике, здесь избилуют гласные эмблемы, бестиарные формы⁷⁰; символизм *badges* вплоть до времени последних Плантагенетов относительно беден⁷¹. Продолжая служить в качестве ливрейных эмблем, *badges* успешно справлялись с ролью объектов массовой самоидентификации, не утрачивая

---

⁶⁶ Наиболее яркие чешские примеры – зимородок короля Вячеслава Люксембургского и его же полотенце в сочетании с мотивами бани, омовения вообще, раскрывающими символику девиза.

⁶⁷ Neubecker O. *Op. cit.* P. 212; Galbreath D.L., Jéquier L. *Op. cit.* P. 21, etc.

⁶⁸ London H.S. *Op.cit.*

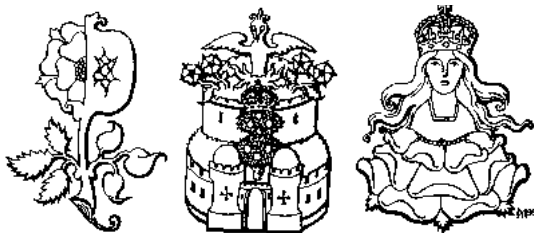
⁶⁹ Neubecker O. *Idem.*

⁷⁰ Пример проявления обеих тенденций – знаменитый белый вепрь Ричарда III, в качестве гласной эмблемы указывавший на биографию Ричарда, но не на его феодальную или титульную позицию. Bedingfeld H., Gwynn-Jones P. *Op. cit.* P. 130–131.

⁷¹ Яркий конкретно-политический символизм оленя как девиза Ричарда II (см.: Veauve C. *Coutume et pouvoir en France...// Revue des sciences humaines.* Paris, 1981. Vol. LV. N 183. P. 143) в общегеральдических традициях раскрывается через внутрижанровый контекст; это лишь заимствование мотива чужого девиза, а не составление оригинального символического знака.

при этом своей специфики «хозяйской» эмблемы, и именно это обстоятельство, а не мифическая древность жанра позволяет современным исследователям говорить о геральдическом тотемизме.

В XVI столетии ситуация изменилась, о чем наглядно свидетельствуют девизы жен Генриха VIII. Наряду с традиционными, незамысловато скомбинированными композициями (тюдоровская роза и гранадский гранат Екатерины Арагонской, часто соединяемые в один фантастический полуцветок-полуплод; девичья голова — родовой badge Парров⁷² — выходящая из тюдоровской розы как эмблема Екатерины Парр) появились и такие сложные, пышные эмблемы, насыщенные причудливым династическим и «личным» символизмом, как сокол на

Илл.4 Немые девизы Екатерины Арагонской, И.Сеймур,Е.Парр

обрубке ствола, процветшем тюдоровскими розами у Анны Болейн, или феникс в огороженном саду на горе у Иоанны Сеймур⁷³. В случае с девизом Екатерины Парр также есть все основания усмотреть прихотливую символику. Генрих VIII был третьим мужем Екатерины, и девичья голова (Maiden Head), ассоциирующаяся с девст-

⁷² Whithead J.G.O. The Royal Maiden Head // The Coat of Arms. N 95. P. 195–202. Интерес представляют фактографические выкладки Дж.Уайтхеда, достоинства самой статьи достаточно спорны. Описанные ниже попытки раскрыть символику девиза Екатерины Парр никак не связаны с концепцией Уайтхеда.

⁷³ Некоторые из badges жен Генриха VIII приведены Нойбеккером: Neubecker O. Op. cit. P. 210–211.

вом, оказывалась на этот раз знаком духовного целомудрия – возможно, по контрасту с «коварной» предшественницей. На смену идее *возрождения* (*династии, семьи, благополучия и т. д.*), запечатленной более ранними девизами, пришла идея неутраченной добродетели.

В *badges* королей невластительного происхождения включается королевская корона как символ конкретного социального статуса. В немых девизах знати проявляются те же тенденции: например, геральдический бабуин, *badge* Рэтклиффов был увенчан «владельческой шапкой»; сложная цепь с эмблемами на шее зверя также, вероятно, конкретизировала социальный статус.

Немые девизы во Франции и Нидерландах, развившиеся вместе с ливрейной практикой под прямым влиянием британских⁷⁴, представляются в то же время более декларативными, политизированными, а иногда куртуазными или наделенными благочестивым смыслом. Они могли иметь полемический характер, диалогизировать, как это описывает Й.Хейзинга⁷⁵. В ход идут как образы из рыцарских романов, так и бытовые или фольклорные мотивы. Все это подчеркивается надписями-*душами* девизов, объясняющими, а иногда просто сосуществующими с *телами*. Парность «душ» и «тел», существование изобразительно-писаного девиза в качестве дуалистической эмблемы, с большей яркостью проявлялось на континенте, нежели в Британии. Знаменитые *impresa* Висконти и Сфорца в большинстве своем тоже откровенно символичны, что подчеркивается многозначительными

Илл.5 Немые девизы Иоанна Доброго – парус (с «душой девиза») и орел.

⁷⁴ Vaune C. Op. cit. P. 142.

⁷⁵ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 258. Об этом же пишет и Нойбеккер (Neubecker O. Op.cit.).

надписями—»душами» и имеют политический или «личный» характер. Некоторые imprese выходят за пределы обычного лаконизма и имеют вид сложных аллегорических композиций. Не всегда ясно, какие из этих композиций действительно были эмблемами рода или его членов, а какие являлись скорее литературно-символическими построениями, сочиненными в честь Висконти⁷⁶. Цветовая нестабильность фонов, на которых помещались imprese, позволяет усомниться в их происхождении от ливрейных знаков. Скорее можно предположить, что частое помещение imprese в геральдическом щите, и даже в щите под шлемом с нашлемником⁷⁷ говорит о решающей роли турниров в оформлении жанра. В то же время присутствует и ливрейная тема: вероятно, именно в качестве свитского знака миланским герцогам достался «императорский девиз» — полотенце короля Вячеслава Люксембургского⁷⁸.

Ярмо и стрелы Католических королей указывают на их имена, характеризуют их союз⁷⁹, и в то же время имеют литературное происхождение; в частности, стрелы — это и фасция как символ единства, и оружие древних скифов⁸⁰. Еще один немой девиз — «щитодержатель»

---

⁷⁶ Характерна «загадочность», неясность некоторых девизов, изобличают их происхождение как объектов интеллектуальной игры. Рука, пытающаяся на морозе вымыться при помощи куска льда, с припиской TU LAVIS IN DARNIO (см.: Ibid. P. 213), может служить символом современных исследовательских попыток. «Академический», гуманистически-игровой характер таких девизов еще в XVI веке комментировал Паоло Джовио. Не только типологический разрыв, но и подавление эмблематизма символизмом в поздних гуманистических девизах побуждает М.Пастуро определять их как негеральдические и терминологически отграничивать их от немых девизов вообще.

⁷⁷ Многочисленные примеры приведены в кн.: Bascapé G., Piazza M. del. *Insegne e simboli...* Roma, 1983. P. 79, 150–151 et passim; также Galbreath D.L., Jéquier L. Op. cit. P. 213; Gelli J. *Divise, motti e imprese...* Milano, 1928.

⁷⁸ Idem. О присутствии ливрейных мотивов говорит, вероятно, и специфическая раскраска наметов.

⁷⁹ Neubecker O. Op. cit. P. 210.

⁸⁰ Recueil du septième Congrès International des Sciences généalogiques et héraldiques. La Haye, 1964.

Католических королей, орел св. Иоанна, также связан множеством аллюзий с хозяевами эмблемы, их политикой, с историей Испании и т.д. Подобное переходящее в игру сочинение намеренно неоднозначной геральдической эмблемы описано еще в XIV в. доном Хуаном Мануэлем⁸¹. При Карле I (императоре Карле V) появляются девизы с коронами достоинства, усложненные комбина-

Вверху: бабуин «мастера Рэтклиффа» (предположительно сына графа Сассекского).
I-я пол. XVI в.

Внизу: «Imperialis divixia dni dni Filipi Marie tertii ducis Mediolani» (немой девиз в шлите под гербовым шлемом с нашлемником).

рованные композиции, в которых встречаются эмблемы, связанные с разными странами и династиями⁸². Все это отчасти (но лишь отчасти) сходно с развитием поздних badges в Англии.

Бестиарная символика французских немых девизов: опасный дикобраз, сияющие чистотой лебедь и горноста́й, гласный беррийский медведь⁸³ — ярка и наглядна. Итальянские примеры (горящий лев в шлеме Джангалезцо Висконти, хамелеон и дельфин Павла VI Фарнезе)

⁸¹ О самом описании и степени его исторической достоверности см. литературу, указанную в прим. 19.

⁸² Galbreath D.L., Jéquier L. Op. cit. P. 214; Neubecker O. Op. cit. P. 211–212.

⁸³ Относящийся, согласно традиции, к некоей даме Урсине, медведь в то же время мог — через немецкий корень — гласить и само герцогство Беррийское. Многоязычные девизы достаточно обычны; ср.: Ibid. P. 210–211.

более загадочны, тогда как британские badges наводят на мысль о характерном для ранних гербов торжестве эмблематического над символическим⁸⁴. К тому же причудливость, курьезность некоторых английских тварей (борейна, калопуса и т.д.⁸⁵) позволяет подозревать, что декоративный экзотизм мог в этих случаях попросту подменять некий скрытый, конкретный смысл.

Вне зависимости от своего смыслового политического, куртуазного, религиозного содержания немой девиз указывал на персону своего обладателя и через эту персону, в полноте ее социальной значимости, на действующие в обществе силы. В этом случае дает о себе знать ливрейная специфика немого девиза. Вероятно, чисто социальные причины объясняют широкое, «демократичное» употребление немых девизов в Британии притом, что на континенте их употребление было типично для высшей знати.

Приведенные примеры говорят о локальных различиях, Однако с чисто геральдической точки зрения, то есть в системе взаимоотношений геральдических знаков, жанр немых девизов обнаруживает свою цельность, раскрывающуюся во множестве аналогий. Так, для Британии было достаточно характерно превращение немого девиза в нашлемник; в то же время нашлемник зачастую подменял девиз, выступал в качестве ливрейной эмблемы, помещался на вымпеле и т.д. Эта взаимозаменяемость девиза и нашлемника сохранилась вплоть до наших дней — в Шотландии узаконено использование нашлемников в качестве badges⁸⁶; в Англии налицо та же практика, несмотря на жесткую критику пуристов⁸⁷. Подобное смешение девиза и нашлемника, напоминающее о соприродности девиза и герба, мы можем найти и в континентальной практике. Так, одной из *imprese* Филиппа-Марии Висконти, а затем и Сфорца, была золотая корона

---

⁸⁴ См.: Fox-Davies A.C. *Heraldic Badges*. London, 1907.

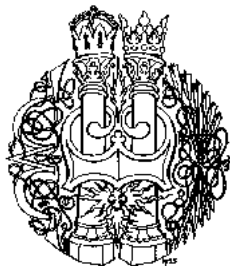
⁸⁵ Dennys R. *The Heraldic Imagination*. P. 145 et infra.

⁸⁶ Innes of Learney. *Op. cit.* P. 37, 45–46, 167, 177–180 etc.

⁸⁷ *A New Dictionary of Heraldry*. P. 116 etc.

с продетыми сквозь нее лавровой и пальмовой ветвями. Эта же корона с ветвями порой венчала герцогский щит вместо обычной короны или родовых нашлемников. И наоборот, нашлемники Висконти использовались как элементы сложных девизов. Вопреки наблюдению О.Нойбеккера, в этой роли регулярно выступали как нашлемник с деревом, так и более известный нашлемник со змеем⁸⁸. У некоторых итальянских владетельных семейств поздние, постренессансные нашлемники включали в себя надпись и, вероятно, происходили от более ранних двойных текстуально-изобразительных девизов, часто выдержанных в гуманистическом, антикизирующем духе: таковы гора с алтарем и надписью «FIDES» (толкуемая как Олимп) государей Мантуи, сокол с перстнем тосканских Медичи, урбинские ворота храма и т.д.

На протяжении XVI в. в ходе оформления постмедиовального типа полного герба некоторые девизы окончательно включились в состав герба в качестве нововведенных элементов, прежде всего «настоящих» щитодержателей⁸⁹ или аналогичных им предметных изображений

Ранняя версия девиза Карла I Испанского, будущего императора Карла V

— *soutiens*. Яркие примеры такого оформления герба мы находим и в Британии и на континенте; ярмо графов Эрролских, коннетаблей ландии⁹⁰, и ланкастерские перья прямо перекликаются с геркулесовыми столпами Карла V и армиллярной сферой

Мануэла Счастливого. Девизы в виде животных со шлемами на головах — уже упоминавшийся лев в огне

⁸⁸ См.: Neubecker O. Op. cit. P. 212–213.

⁸⁹ Innes of Learney. Op. cit. P. 38, 129, 132; Dennys R. Op. cit. P. 128, 152 et passim.

⁹⁰ Fox-Davies A.C. The Art of Heraldry. P. 304–305; Innes of Learney. Op. cit. Pl.XL. В современном гербе графа Эррола щит подвешен к ярму, щитодержатели (дикари) поддерживают это ярмо и при этом несут каждый по ярму на плече. См. Innes-Smith R. An Outline of Heraldry... Derby, 1990. P. 21.

Джангалеаццо Висконти, леопард Бернабо Висконти⁹¹ и др. — также являют собой параллель позднейшей континентальной практике увенчания щитодержателей шлемом с нашлемником. В обоих случаях тип изображения прямо восходит к сфрагистической традиции⁹².

Наконец, в своем собственном качестве, как отдельные эмблемы, девизы искали себе место на периферии полного герба. Эмблематическая самостоятельность девизов выражалась также в их способности комбинироваться, обрастать декоративными дополнениями, оформляться в виде сюжетных композиций.

Подобные сверхдевизы составлялись еще в конце XIV в.; так, олень Ричарда II, мог дополняться стрелком, поражающим зверя из-за дерева⁹³, а в лапах пылающего льва Джангалеаццо Висконти оказывался другой девиз этого государя – знаменитая жердь с ведрами на веревке. Впоследствии это направление в искусстве немого девиза в основном отдалилось от геральдики; отчасти теряя эмблематичность и все реже указывая на социальную мощь конкретного персонажа, оно растворилось в гуманистической и постгуманистической игре аллегориями. Показательно, что запоздалые рецидивы жанра также, как правило, оказывались сложными и сюжетными — таковы орел и солнце Фридриха-Вильгельма I Прусского (инвертированный мифологический мотив), Пигмалион и Галатея Петра Великого и т.п.

Вернемся, однако, к XVI веку. Именно к этому периоду относится характерное для нового

Орлеанские дикобразы в роли «щитодержателей» (герб и девиз Людовика XII).

⁹¹ Neubecker O. Op. cit., P. 213.

⁹² Ср.: Galbreath D.L., Jéquier L. Op. cit. P. 197–198.

⁹³ Bedingfeld H., Gwynn-Jones P. Op. cit. P. 126.

времени замыкание локальных геральдических традиций, акцентировка местной специфики. Интеграция девизного наследия в региональные геральдические системы XVI–XVII вв. протекала действительно по-разному. Однако это говорит скорее об определенном дроблении геральдики, нежели о дробности жанра немого девиза.

Завершая рассказ о немых девизах в своем «Геральдическом трактате», М.Пастуро говорит об угасании искусства немого девиза как о загадке в истории эмблематики⁹⁴. Каким образом стареющая геральдика, несмотря на определенный кризис гербового художества и на острейший кризис традиционной гербовой образности, сохранила свои позиции «во главе эмблематики» перед лицом молодого, богатого формами, модного, искусства девизов⁹⁵? Можно попытаться ответить на вопрос, поставленный Пастуро, с нескольких точек зрения. В контексте истории общества ключ к адекватному объяснению феномена предложен К.Бон, заявившей о немом девизе как знаке власти и связавшей кризис искусства девизов во Франции с изменением механизмов, «природы» власти⁹⁶. Следование суждению К.Бон позволяет полнее раскрыть персонально-публичный характер девиза-знака, заявлявшего о личности, как о средоточии власти. Действительно, юридические и экономические механизмы управления обществом к XVII в. слишком ярко проявили себя, чтобы подобные знаки сохраняли свою роль. Абсолютизм превращал геральдику в сферу документирования, а сам герб в документ, тогда как полный личного значения и менее стойкий по форме девиз обычно ускользал от рук и внимания казенных систематизаторов, или, интегрируясь в герб, терял свою девизную специфику. В культурном плане это выразилось как кризис литературно-героического менталитета, характеризовавшего осень Средневековья и бывшего естественной средой существования для жанра немых девизов.

---

⁹⁴ Pastoureau M. Op. cit. P. 219.

⁹⁵ См. также: Pastoureau M. Arma senescunt, insignia florescunt // Mélanges Leopoldo Sandvi. Roma, 1981.

⁹⁶ Beaune C. Op.cit. P. 143–145.

В свою очередь с чисто гербоведческой точки зрения неспособность девизов подменить гербы была предопределена прежде всего вспомогательностью девизного жанра. Бытование изменчивого характеризующего девиза неизменно было ориентировано на существование стабильного обозначающего герба. В то же время девизы сыграли роль буфера, предотвратившего прямое столкновение гербов с внегеральдическими символами и аллегориями, приобретающими к концу Средневековья все большее значение. Открытые самым разнообразным культурным и изобразительным влияниям, девизы обеспечивали подчинение этих влияний геральдическому иконографизму; на примерах девизов отрабатывались приемы соединения негербовых элементов с гербовыми и т.д. Со складыванием постсредневекового полного герба в XVI–XVII веках богатство форм и смыслов, накопленное девизами, было в основном усвоено гербовой практикой, и девиз утратил свою былую актуальность. Само по себе складывание нового типа герба явилось переломным моментом в истории геральдической практики. Эмблематический жанр герба пережил этот перелом благодаря своей высокой организованности, формализованности, за счет резкого форсирования этой формализованности; более свободный жанр немого девиза переродился на рубеже эпох гораздо радикальнее, дав повод к разногласиям о времени своего угасания⁹⁷.

В свое время гербы, обозначавшие своих обладателей в их непреходящем качестве людей знатных, обрели характер наследственных знаков; природа герба как личного знака оказалась отчасти скрыта, а отчасти и изменена этой наследуемостью. Немые девизы, вызванные к жизни обостренным вниманием к личному и обозначающие его в общезначимых категориях, также наследовались достаточно часто. Это не мешало сопровождать передачу старых девизов изобретением новых, относившихся уже к персонам новых обладателей. Новые девизы также могли быть унаследованы, уподобляясь гербам по степени надличности. В качестве знаков действительно

---

⁹⁷ Pastoureaux M. Traité d'héraldique. P. 219.

личного характера девизы были недолговечны; в качестве родовых и территориальных обозначений, «вторых гербов», они уступали гербам по степени исторической укорененности и формальной упорядоченности. Последнее качество стало едва ли не решающим к XVII в., но, несомненно, оценивалось по достоинству уже герольдами XIV–XV вв. Тезис о позднем Средневековье как об эпохе старевших гербов и процветавших девизов, провозглашаемый М.Пастуро, безусловно справедлив, но с одной оговоркой: девизы старели быстрее, чем гербы.

В развитии жанра немого девиза, в его взаимодействии с гербовым жанром ярко проявилась воля общества к самовоспроизведению, к увековечению своих форм. Немой девиз был не просто откликом эмблематической традиции на перемену социальной и культурной ситуации; он являлся также маргинальным элементом геральдической культуры, ее стражем, принимавшим на себя «удары» новых влияний и требований. Это обеспечивало геральдике целостность и открытость — и, как следствие, практическую эффективность и социальную состоятельность. Аккультурация гербовых искусства и науки к XVII веку естественным образом отразилась в кризисе искусства немых девизов: так распускают стражу.

А.П. Черных

**Королевская хартия 1476 г.
в португальской геральдике**

Геральдическая традиция в Португалии, насколько можно судить по немногочисленным памятникам, преимущественно нумизматическим и сигиллографическим, была относительно устойчивой уже во времена правления последнего короля из Бургундской династии Фернанду (1367–1383)¹. Фернан Лопеш отмечал существование утраченного впоследствии памятника, представлявшего собой собрание гербов, своего рода вторичный гербовник. Это было покрывало или ковер для предполагавшегося брака королевской дочери Д.Беатриш и Эдуарда, сына графа Кембриджа: на черном фоне в центре были изображены фигуры короля и королевы; по краю шли изображения, олицетворявшие линияжи всех фидалгу Португалии с их гербами². Даже при известной скудости португальских источников, касающихся геральдики, очевидно, что, речь идет о несовпадении геральдической практики с геральдической кодификацией, состоянии которых, конечно, не тождественно ситуации в английской и французской геральдике.

В отличие от системы геральдики институт герольдии, действительно, сформировался, вероятно, уже при королях Ависской династии³, и, возможно, по английскому образцу. В принципе нет ничего невероятного во

---

¹ Abrantes, marquês de. *Introdução ao estudo da Heráldica*. Lisboa, 1992. P. 36.

² «...brolladas das linhageens de todollos fidallgos de Portugal, com suas armas açerca dessi». Lopes, F. *Crónica do senhor rei Dom Fernando*. Porto, 1989. P. 364. Cap. CXXX.

³ São Roque, barão de. *Subsídios para a heráldica portuguesa // XV Congresso internacional de las ciencias genealogía y heraldica*, Madrid, 19–25 septiembre 1982. Madrid: Instituto Salazar y Castro, 1983. Vol. 3. P. 440.

введении при Жоане I (1385–1433) португальских должностных гербовых лиц по примеру английских, хотя прямыми документальными свидетельствами это не подтверждается. Тем не менее, известно, что первым гербовым королем в его правление был некто Арриет, вероятно англичанин⁴, хотя систематические подтверждения существования герольдии обнаруживаются лишь во времена наследников Жоана I, в 1437 г. Надо полагать именно с этим первым герольдом связаны и некоторые элементы английского происхождения в португальской геральдике, в первую очередь королевской.

Свидетельством сформированного геральдического пространства в ависской Португалии является пример диффамации герба поселения Фигейра де Каштелу Родригу за выступление на стороне противников Ависского магистра. Это единственный известный пример наказания муниципального герба в Португалии⁵, но это далеко не единственный населенный пункт, выступавший против магистра.

В 1482 г. на кортесах обсуждался вопрос о реформе герба Португалии по правилам геральдики. С этого времени наблюдается сравнительно высокая активность геральдической деятельности в Португалии. Таким образом для середины XV в., периода, малообеспеченного источниками, королевская хартия от 21 мая 1476 г. представляет большой интерес. В доступной мне публикации хартия датируется 1466 г., но ряд португальских историков настаивает на датировке ее 1476 годом⁶.

Небольшой по объему документ свидетельствует о ряде примечательных фактов. Во-первых, он косвенным образом фиксирует наличие вполне сложившейся структуры герольдии и наличие всех трех уровней герольдов – королей гербов, герольдов и персевантов, а также их об-

---

⁴ Abrantes, marquês de. Op. cit. P. 38.

⁵ São Roque, barão de. Op. cit. P. 446–448.

⁶ Abrantes, marquês de. Op. cit. P. 41; Norton M.A. A heráldica em Portugal. Raízes, simbologias e expressões histórico-culturais // NEPS (Núcleo de Estudos de População e Sociedade). Boletim Informativo. Guimarães, 2002. N 28. P. 8.

щие функции в отношении гербов⁷. Это подтверждается и ссылкой на существование гербовых королей и ранее 1466 г.⁸ О том же свидетельствует и другой, более ранний документ 1437 г., расписывающий придворный штат ависских принцев, инфантов Д.Педру и Д.Фернанду, который упоминает королей гербов, герольдов и персевантов⁹, всего шесть человек.

Окончательно структура португальской герольдии была сформирована в начале XVI в. и отличалась известным своеобразием. Гербовые короли носили имена трех королевств, подвластных королю Португалии: Португал, Алгарви и Индия. Главным из них был гербовый король Португал. Следующая за ними категория, герольды, именовались по трем главным городам этих королевств: Лижбоа (Лиссабон), Силвеш и Гоа. Младшая категория, персеванты, воспроизводила ту же схему, и они именовались по городам следующего значения в каждом из этих королевств: Сантарен, Лагуш и Кохим¹⁰.

На наличие специфической для Португалии структуры герольдии указывает упоминание в тексте других королей гербов¹¹.

В качестве одной из основных функций на короля гербов возлагалась обязанность фиксировать новоутвержденные по королевскому повелению гербы¹², и подтверждать старые, уже имеющиеся гербы различного происхождения¹³. Наряду с этим он обязан хранить и

---

⁷ «...que nenhum rei d'armas, arauto, nem passavante... possa ordenar nenhumas armas». São Payo, conde de. Do Direito Heráldico Portuguez // Archivo do Conselho Nobiliarchico de Portugal. Lisboa, 1928. Vol. 3. P. 85.

⁸ «...assim como haviam os outros reis d'armas, que acontecendo antes dele foram». Idem. P. 86.

⁹ «Reis darmas e arauos e ponsavantes,bj». Livro dos conselhos de El-rei D.Duarte (Livro de Cartuxa). Lisboa, 1982. N 49. P. 179.

¹⁰ Mello de Matos G. de, Bandeira L. Stubbs Saldanha Monteiro. Heráldica. Lisboa, 1969. P. 188.

¹¹ «...outros reis d'armas...». São Payo, conde de. Op. cit. P. 86.

¹² «...ordenar... armas por mim novamente dadas...». Idem. P. 85.

¹³ «...por outra maneira alguma confirmadas...». Idem. P. 85–86.

вести книгу гербовой регистрации¹⁴. Несмотря на то, что она не сохранилась, можно предположить, что книга, видимо, представляла собой гербовник, поскольку текст хартии свидетельствует, что гербы в книге гербового короля должны были быть не только отмечены, но «и внесены в нее, и нарисованы»¹⁵.

Сумма платы за регистрацию равнялась одной марке серебра, и это было традиционным размером оплаты¹⁶.

Гербовая хартия сама по себе, даже с изображением герба, по мысли короля, пытавшегося официализировать гербовую практику, не была юридически полноценным документом и для придания ей законной силы требовалось наличие печати, как на любом средневековом акте. На декларируемо жесткий порядок гербовой регистрации указывает требование считать неправомочным документ, фиксирующий гербы, не утвержденные гербовым королем¹⁷. Частично эта жесткость направлена в адрес желающих обойти подобную, в полном смысле слова «королевскую» регистрацию, частично она связана с обеспечением дохода короля гербов. Предполагать, что практика установления новых гербов и выдачи свидетельств на право обладания ими была прерогативой королевской канцелярии и сходных с нею ведомств, оснований нет, несмотря на упоминание их в тексте хартии. Скорее это было дополнительным доходом королевских и других чиновников. По весьма активным предупреждениям, отразившимся в тексте хартии, можно предположить, что они не приветствовали сосредоточение этого процесса в руках герольдии и, вероятно, выдача гербовых грамот

---

¹⁴ «...e assim tenha como ora tem o livro de registo e tombo das ditras armas...». Idem. P. 86.

¹⁵ «...em seu livro registadas, e assentadas e pintadas...» Idem.

¹⁶ «...um marco de prata de seu foro...». Idem. «Foro» — это некое содержание или сумма, уплачиваемая ежегодно эфитевтом своему прямому сеньору, а также обычай или привилегия, гарантированные временем или законом.

¹⁷ Idem. P. 86.

была небезвыгодным делом. Во всяком случае, возможности сделать гербовую хартию у них были¹⁸.

И, наконец, хартия запрещает простолюдинам и вообще всем, кто не является представителем знати, носить герб с использованием геральдических металлов, т.е. золота и серебра. По сути, это право резервируется за фидалгу гербовой котты, одной из самых низких ступеней знати¹⁹. При том, что это весьма любопытно как одна из самых ранних в Европе попыток правовой регламентации геральдической практики, нельзя не отметить два обстоятельства. Во-первых, нет санкции на изъятие герба, запрещение его, или нечто подобное. Только штраф, причем равный регистрации. И, во-вторых, практически это свидетельство наличия гербов не-знати, поскольку речь не идет о гербах вообще, а только о социальном ограничении использования в гербах металлов. На это можно было бы с позиций геральдики возразить, что в этом случае трудно соблюсти одно из основных правил геральдики и это существенно ограничивает число дозволенных гербов, но мне это собственное возражение не представляется существенным для реального геральдического пространства.

Персонально в чью пользу король дарует эти привилегии? Согласно некоторым гербовым хартиям времени правления короля Афонсу V (1432–1481, на престоле с 1438 г.) существовал некий гербовый король, француз²⁰. Вполне допустимо, что речь идет именно о нем. В то же время хартию вполне можно причислить к общекоролевскому законодательству, поскольку ареал ее действия подразумевает все пространство владений португальской короны, все три королевства, входившие в титул²¹.

---

¹⁸ «...assim mando a todos os escrivães da minha côrte e fazenda, e quaisquer outros... que nenhuma carta d'armas... faça nem manda fazer...». Idem.

¹⁹ «e por este mando, e defendo que nehum plebeu nem outra alguma pessoa traga nenhuma armas com metal em seu escudo, salvo se for fidalgo de cota d'armas». Idem.

²⁰ Idem. P. 62.

²¹ Idem. P. 86.

Появление этого памятника свидетельствует об изменениях в обществе, которые отражены геральдически инновациями. Текст хартии свидетельствует и о множественности источников обладания гербом. Роспись санкций за нарушения и фиксация таксы говорят о наличии притязаний на герб и, таким образом, о высоком статусе института герба. Попытка сословной регламентации гербовых изображений свидетельствует в пользу обладания гербами лиц неблагородного статуса и, в связи с этим, о наличии достаточно широкой в социальном смысле эмблематической среды.

Социальная ситуация в Португалии, связанная с обстоятельствами прихода Ависской династии к власти, своего рода средневековый демократизм, вероятно, давал себя знать и в структуре, и социальном положении знати, и, это соответственно, находило отклик в эмблематическом пространстве королевства. Видимо, существовали достаточно многочисленные притязавшие на равное со знатью визуальное выражение. То, что в обществе всегда присутствует слой потенциальных узурпаторов обычая ношения герба (подчеркиваю, еще не прав, а обычая), я уже писал.²²

Нельзя сказать, чтобы идея иерархизации гербов была неизвестна на Пиренейском полуострове. Популярность имени Бартоло ди Сассоферрато как юриста, его позиция в отношении правоспособности гербов и декларируемые им в «Трактате о знаках и гербах» принципы их иерархии вызывали во втор. пол. XV в. и интерес, и активную полемику с ним, выразившуюся, например, в трактате Феррана Мехии «Nobiliario Vero» (1492 г). Но в данном случае речь идет об идее иерархизирующего структурирования общества по визуальным признакам – гербам. В Португалии идеи Бартоло пользовались популярностью и поддержкой королевской власти. Очевидно, что социальный престиж герба при достаточно распространенной практике пользования гербами привлек вни-

---

²² См. подробнее: Черных А.П. Роль герба в обозначении сословных границ в португальском обществе XVI века // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 129–150.

мание новой королевской власти с точки зрения возможности использования его в своих интересах.

В этом направлении изменялась и отношение к геральдике. Роль коллегии герольдов в изменении геральдической практики во втор. пол. XV в. состояла в утверждении приоритета короны в качестве источника подтверждения социального статуса. Прерогатива контроля за гербами, судя по хартии, должна была, по мысли короны, принадлежать исключительно португальскому королю гербов. Корона претендовала на прерогативу дарования новых гербов. В отношении старых гербов она более чем на контроль претендовать не могла. Направленность совокупности этих перемен может быть обозначена как движение от свободы в обретении герба ко все большей регламентации короной этого обретения. Внимание к гербу как к визуальному социально-политическому признаку подтверждают и изменения в королевском гербе в конце XV в., и впоследствии статьи законов, относящиеся к гербовой практике начала XVI в.

К сожалению, нет возможности проверить, насколько старательно исполнялось это узаконение. Во всяком случае, спустя полвека, в начале XVI в. ряд геральдических проблем еще оставался и волновал законодателя.

В заключение я прилагаю перевод хартии, который выполнен по изданию: *Archivo do Conselho nobiliarchico de Portugal*. Lisboa, 1928. Vol. 3. P. 85–86.

Приложение

Дон Афонсу etc. Тем, кто увидят эту мою хартию, да будет известно, что мне, подвигаемому некоторыми справедливыми соображениями, угодно: чтобы никакой король гербов, герольд или персевант, ни какое-либо другое лицо не могли устанавливать никаких гербов, [ни] впервые мною дарованных, ни каким-либо

другим образом утвержденных, кроме Португал, моего короля гербов.

Мне угодно и я желаю, чтобы в [течение] его жизни эту должность занимал он и никто другой, пусть даже в некое время каким бы то ни было образом будет изменено имя "Португал". И также пусть хранит, как хранит в настоящее время, книгу записей и регистраций (*livro do registo e tombo*) упомянутых гербов, впервые мною дарованных и им утвержденных, и гербов всех старинных фидалгу, и [фидалгу] по прямой линии. И желаю, чтобы он имел от каждого, кому упомянутые гербы также утверждены по моему повелению, и любым другим образом, одну марку серебра, ему полагающуюся (*de seu fogo*), так же как имели другие короли гербов, что были до него.

И вместе с тем повелеваю моим канцлерам и секретарям моей канцелярии, и любым другим королям гербов: буде случится так, что некая [гербовая] хартия попадет им в руки, не будучи заверена, что [гербы в ней] были установлены им, упомянутым [гербовым королем] Португалия, и в его книге отмечены, и внесены, и нарицаны, то на подобную хартию не ставить печать, не пропускать никоим образом. И в случае, когда ее пропустят — не помня об этой моей хартии, или любым другим образом, — желаю, чтобы таковые хартии не считались подлинными (*valiosos*), а может их узаконить упомянутый король гербов, или любой другой, кому я снова дарую [право давать] гербы. Также приказываю всем секретарям моего двора и владения, и любым другим, кто там имеется: никто из них да не будет столь дерзостен, и никакую хартию [дарования] гербов (*carta d'armas*), мною впервые дарованных или подтвержденных, да не сделает или не прикажет сделать, кроме как по указанию упомянутого короля гербов.

И для этого приказываю и запрещаю, чтобы ни какой-либо простолюдин, ни какое-либо другое лицо не носили никаких гербов (*armas*) с металлом в своем щите (*escudo*), за исключением тех, кто является фидалгу гербовой котты (*fidalgo de cota d'armas*) под [страхом] наказания уплатить одну марку серебра королю гербов, пото-

му что таково мое вознаграждение и возмещение его службы, и повелеваю всем моим судам всех моих королевств и сеньорий, чтобы [это] исполняли и сохраняли, и повелеваем исполнение содержания этой моей хартии без какого либо ограничения.

Дана в Тору в 21 день месяца мая, делал ее Энрике Рибейру, год 66 (Livro 1 de Extravagantes, fol. 152).

П. Ю. Уваров

**Эмблематика и топография
городского пространства
(Париж XVI века)**

Всем известно, что в средневековом городе на домах помещались эмблемы. Обычно их считают чем-то вроде торговой вывески, сразу вспоминается золоченый крендель на доме булочника. Можно также вспомнить, что в захваченном городе крестоносцы спешили прибить на воротах дома свой щит, подтверждая исключительное право на добычу. Итак, личный знак владельца или же вывеска? Если не ошибаюсь, вопрос этот редко интересовал историков. Возможно потому, что казался слишком простым. Работая с парижскими нотариальными актами, я часто встречал указания на подобные эмблемы (*enseignes*). Пример Парижа – одного из тех центров, что определили наш идеальный тип средневекового города, представляется заслуживающим внимания.

Принято считать, что знаки на домах появляются в Париже в XIII в. в виде расположенных в нишах барельефов или круглых скульптур, изображавших святых. В XIV появляются кованые или деревянные изображения. Ими отмечались, например, гостиницы и таверны. Полагают, что к концу XV в. эмблемы имелись у большинства домов¹. Однако налоговые описи, ведущиеся с конца XIII, уточняя место жительства того или иного плательщика не используют домовых знаков. До нашего времени дошли лишь несколько подобных древних знаков хранящихся в парижском музее Карнавале и свидетельства парижских поэтов XV в., воспевающих, как и Франсуа Вийон, вывески парижских таверн и винных погребков.

Только появление массового нотариального материала (а это в Париже – рубеж XV и XVI вв.) позволяет

---

¹ Hillart J. Histoire des rues de Paris: Dictionnaire. Paris, 1985. Vol. 1.

нам на основании эмпирических данных говорить о повсеместном распространении практики использования домовых знаков. Однако официальные свидетельства о ней появляются лишь в эпоху так называемой административной монархии. Бюрократически-полицейское регулирование затронуло и эту сторону городской жизни. В 1667 г. генеральный лейтенант парижской полиции Ля Рени жаловался, что гигантские домовые знаки затрудняют уличное движение, особенно для верховых. Предписывалось сократить размер эмблем до 80 см в ширину и вешать их не ниже, чем на высоте 4,5 м над мостовой. Но домовые знаки продолжали создавать массу неудобств. И в XV и в XVIII вв. парижане жаловались на то, что вывески в ветреную погоду нестерпимо грохочут, а ночью сводят на нет слабый свет фонарей. Лишь в 1761 г. генеральному лейтенанту Сартину удалось полностью запретить употребление висячих домовых знаков. Парижский бытописатель Жан Мерсье с восторгом воспевал этот очередной успех просвещения: «В настоящее время город не щетинится более всеми этими грубыми отростками и являет взорам, если можно так выразиться, гладкое, вымытое, выбритое лицо... В настоящее время вывески прибывают на стены домов и лавок, тогда как прежде их вешали на длинных железных крюках и всякий раз когда дул сильный ветер, вывески вместе с крюками грозили свалиться и задавить прохожих... Большинство вывесок бывало громадных размеров, с выпуклыми надписями и изображениями, обычно на них красовались какие-то великаны... На одной вывеске красовался эфес шпаги, величиною в шесть футов, сапог с бочку величиною, шпора с экипажное колесо, перчатка такого размера, что в каждом ее пальце поместилась бы по трехлетнем ребенку; чудовищные головы и руки, держащие рапиры, заполняли улицу во всю ширину»². Но это – пристрастная картина, к тому же схватывающая лишь последнюю стадию в развитии явления.

Как на практике осуществлялась интеграция эмблем в городское пространство? Для того, чтобы наметить пу-

---

² Мерсье Ж. Картины Парижа. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 170–171, 179.

ти дальнейших изысканий, был, выражаясь языком археологов, заложен пробный шурф в толще богатейших парижских хранилищ нотариальных актов. Были взяты десять серий дарственных актов (серии Y 86 – Y 96), хранящихся в Национальном архиве и занесенных в регистрационную книгу парижского Шатле³ между 1533 и 1543 гг.⁴ Из 1700 актов в 304 речь шла о городских домах. Из этих трех сотен дарственных более, чем в двух третях актов в той или иной связи упоминаются домовые знаки. В большинстве случаев передается дом или несколько домов под теми или иными знаками, но иногда также указываются в качестве ориентиров эмблемы соседских домов. Вот пример такого документа: 4 января 1541 г. Жанна Лемэр, вдова Пьера Ожье, мэтра-ювелира дарит Жану Жюфрето-старшему, купцу, парижскому буржуа, и его жене Жаклине Лемэр, часть дома в Париже на улице Пти-Лион *под знаком образа святого Михаила* (Ymage Saint-Michel, IRI, 292). Иногда упоминаются несколько домов — то, как объекты передачи, то в качестве ориентиров — дом на улице Моконсей, «где в качестве знака на портале указанного особняка помещена *голова святого Иоанна*, примыкающий сзади к дому *Фонтана Юности* (Fontaine de la Juvence), расположенного по улице Трюандери» — передает вдова прокурора счетной палаты в приданое своей дочери, дабы ее будущий супруг «был бы более склонен хорошо с ней обходиться и достойно ее содержать» (IRI, 948).

Мне удалось выявить 142 сюжета эмблем, упомянутых в 222 случаях. Конечно, знаки были не на всех домах, или, по крайней мере, не все дарители указывали их

---

³ С 1539 г. согласно здикту Виллер–Коттре, вводилась обязательная регистрация дарений в специальных регистрах ординарных судов (Recueil general des anciens lois français (Ed. par L. Isambert et al. Paris, 1828. Т. 12. Art. 132). Для парижан таким ординарным судом был Шатле. Инвентарь регистров парижского Шатле был опубликован в начале нашего века Э. Кампардоном и Е.Тюетейем. Campardon E., Tuetey A. Inventaire des registres des imsinuations du Chatelet de Paris: Regnes de Francois I et Henri II. Paris, 1906. (Далее — IRI).

⁴ При этом надо иметь в виду, что порой регистрация акта могла производиться спустя несколько лет после его составления.

в своих актах. Так, наша выборка представляет 72 случая подобной практики. Дома просто обозначались именем владельца, указывалось их местоположение «на пересечении улиц», близ какой-нибудь церкви или иного приметного объекта. Скорее всего, никакой закономерности в этом не было. На передаваемом доме и на соседних домах могло не оказаться никаких эмблем, или же почему даритель не счел нужным их отметить в своем акте, выбрав иной способ локализации дома. Многое зависело от индивидуального стиля нотариального поведения. Вот, например Гастон Оливье, сеньор де Манси, великий архидьякон и каноник Амьенского собора так описывает свой дом на улице Жуйи: «по одну сторону имеет большой особняк (hostel) с садом, что ранее принадлежал мэтру Этьену де Новьяру, а после некоему (a ung homme) Рибакину и в настоящее время — Клоду Гийо, контролеру Канцелярии Франции, с другой стороны спереди — проулочек без названия. Примерно в середине другой стороны — сад, который долгое время держали Фавары, и до сей поры еще его занимает Мари Фавар в просторечии называемая клирикессой (vulggaiement appellee la Clergesse), сзади же — сады, принадлежавшие ранее мэтру Жану Лепиту и которые держит ныне мэтр Жан Эннекен, королевский советник в его парламентской курии в Париже, и еще один особняк, что ныне держит мэтр Тюркуэн, парижский сборщик. С одного конца его ограничивает вышеуказанная улица Жуйи, с другого — маленькие сады, принадлежащие разным владельцам... (IRI, 1312). Ясно, что для престарелого сеньора де Манси дом — это прежде всего владелец. Но он — в явном меньшинстве среди прочих дарителей⁵.

---

⁵ Нотариальные ценны именно тем, что дают редкую возможность соединить статистический и индивидуальный подходы. Нам удалось создать некий ряд, в данном случае — ряд описаний парижских домов. И мы сразу же, обратив внимание на столь подробное описание дома (настоящий исторический экскурс), заинтересуемся этим дарителем и его актом. И не ошибемся. Высокопарные, отнюдь не нотариальные фразы призваны передать торжественность ситуации. «Гастон Оливье передает родовое гнездо (la maison paternelle dont est sortie toute la famille des Oliviers). Не имея ни братьев, ни иных наследников мужского пола носящих, фамилию Оливье, благодаря которым род Оливье

Однако, если в Париже соотношение» домов «под знаком» и без него составляет примерно 3:2, то в провинциальных городах наша выборка дает совершенно иное соотношение 1:7. Из того, что в провинции лишь в 17 актах отмечены эмблемы домов еще рано делать какие-то выводы об отличиях парижского городского пространства от провинциального. Вполне возможно, что парижских нотариусов просто не интересовали подробности о домах, расположенных где-то в провинции. Впрочем, акты лишь регистрировались в парижском Шатле, а составляться могли и на местах. Думается, что практика указания на эмблему связана с размером агломерации. Чем меньше город, тем легче было опознать тот или иной дом, для этого не нужны были сведения о том, под каким знаком его искать. Косвенное подтверждение этому предоставляют парижские предместья Сен-Жемен-де-Пре, Сен-Марсель, Нотр-дам-де-Шан, Сен-Мартен и другие. Они мало отличались от основной части города, в них зачастую проживали парижские буржуа. В рамках нашей выборки эти бумаги представлены 43 домами. Из них на 22-х упомянута эмблема. Почти равное соотношение между двумя типами указаний представляет собой, таким образом, нечто среднее между провинциальной и парижской практиками.

Можно ли говорить о некоей социальной окраске этих различий? Попробуем свести сведения о социальном составе домовладельцев, использующих оба типа описания домов в таблицу.

То, что «чиновники» и «буржуа» чаще прочих выступают в роли домовладельцев — неудивительно. И имеющихся у нас данных недостаточно, чтобы делать выводы о различии в практике описания дома при составлении дарственных актов у этих двух групп. Слиш-

---

мог бы быть продолжен, великий архидьякон Анжера передает дом своему троюродному брату. Франсуа Оливье, советник тайного совета короля, президент Парламента и канцлер Алансона, остался единственным носителем родового имени, кто имел бы здоровых детей, произведенных в законном браке, которыми могла бы быть надолго продолжена вышесказанная фамилия, Божьим благоволением уважаемая и ценимая в этом королевстве своими добрыми нравами, учностью и добродетелями».

СТАТУС ДОМОВЛАДЕЛЬЦА ⁶	Указание на эмблему дома %	
	Есть	Нет
1. Дворяне, сеньоры	6,8	12,5
2. Священники	13,5	19,4
3. Чиновники	18,6	29,1
4. «Буржуа»	35,6	23,6
5. Торговцы	10,2	6,9
6. Ремесленники	5,1	4,1
7. Крестьяне	4,2	1,4
8. Подмастерья, по- денщики	5,1	—
9. Не установлен	0,8	2,9

ком уж мала наша выборка. Однако одна тенденция представляется вполне убедительной. Первая колонка выглядит «демократичнее» второй. Низших слоев среди тех, кто дарит дома немного. Но они чаще склонны указывать эмблемы домов, чем обходиться без них. Возможно, это лишь случайное совпадение. Но наблюдения над нотариальными актами показывают, что чем выше был статус парижанина, тем реже он оказывался склонен подробно указывать свой адрес при составлении документа⁷. Возможно полагая, что он и так достаточно известен. Таким образом, указание на эмблему дома может в какой-то мере считаться дополнительным средством локализации дарения.

Впрочем, знак, под которым следует искать дом, указывался главным образом при составлении дарствен-

---

⁶ Предлагаемая классификация весьма спорна. Так, например, в группу «чиновников» объединены и владельцы престижных должностей и «практики» — стряпчие, прокуроры и пр. Но при всех своих недостатках она достаточно удобна и опробована на практике. Практика же показала, что среди горожан те купцы и ремесленники, которые именovali себя «буржуа», разительно отличались купцов и ремесленников, лишенных этого «титула». Подробнее см.: Уваров П.Ю. Французы XVI века: Взгляд из Латинского квартала. М., 1993.

⁷ См.: Diefendorf V. Paris city councillors in the sixteenth century: The politics of patrimony. Princeton, 1983.

ной. Свой собственный адрес участники сделки указывали очень редко, и еще реже упоминали при этом об эмблемах — всего в 22 случаях. Из них четверо отмечают, что прибыли в Париж временно: «Указанная дама в настоящее время поселилась в Париже, в отеле [особняке], где *в качестве знака висит Борзая*» («Ladicte dame a present loge a Paris, rue de la Herpe, en l'ostel ou pend pour enseigne la Lievrierie», IRI, 510), или купец, проживающий в Труа в Шампани, в настоящее время поселившийся в Париже за [монастырем] Сен-Жак, *под знаком Черного поросенка* (momentalement loge a paris, derriere Saint-Jacques, a l'enseigne de Pourcelet noir, IRI, 73).

Что же представлял из себя знак-enseigne? Более чем в половине случаев дарители используют обтекаемые формулировки, не дающие возможности представить себе внешний вид изображения (a l'enseigne, ou est pour enseigne portant pour enseigne... и т.д.). Но достаточно часто упоминается о том, что знак висит (ou pend pour enseigne). Речь о тех самых «вывесках», высмеиваемых Мерсье, висящих перпендикулярно к фасаду дома. Иная же формулировка встречается всего трижды и говорит о знаке, помещенном на плоскость дома (en Laquelle est contre le mur pour enseigne, les Momaretz, IRI, 684; ...en l'une desquelles est pour enseigne contre la muraille l'Image Saint-Martin, IRI, 1375; a l'enseigne de la Galle, appliquee a taverne, IRI, 94). И, наконец, есть отдельные упоминания о том, где и как помещено изображение. Оно может быть вылеплено (ou est insculpte le Soleil d'or, IRI, 1327) помещено на портале, как в уже цитировавшемся примере с головой святого Иоанна (en laquelle est pour enseigne, sur le portal dudict hostel le chef de Saint Jean, IRI, 948) или на щипце крыши (sur le pignon de laquelle maison souloyt avoir une croix de Saint-Jehan de Latran, IRI, 1309). В действительности скульптурные изображения были, видимо, более распространены, просто способ их расположения не требовал особого описания.

Изображения святых (Ymage) и иные библейские сюжеты составляли самую большую группу из всех упомянутых в нашей выборке сюжетов. 30 подобного рода изображений упоминают 60 дарителей, т.е. — свыше

четверти от общего числа. Наиболее часто встречается домовый знак с изображением Богоматери (Notre Dame) — 8 упоминаний, святой Иаков — 7, святой Мартин — 6, святой Антоний — 5, трижды указан Иоанн Креститель и еще трижды — его голова. Вспомним к тому же крест святого Иоанна на шпиге дома. Святые Николай и Екатерина названы трижды, святые Варвара, Клод, Себастьян — дважды. Остальные святые встречаются в нашей выборке однократно — Леонард, Иоанн Евангелист, Михаил, Христофор, Людовик, Этьен, Петр, Лаврентий, Магдалина. Имеются также изображения *Царя Давида*, *Трех Марий*, *Ангела*, *Трех царей* [волхвов], *Белого креста*, *Агнца* (Angeau Pascal). Вполне возможен библейский характер символики и других, домовых знаков: *Три девы* (Trois pucelles), *Звезда*, *Роза* и проч.

Могут ли данные выборки как-то иллюстрировать особенности благочестия парижан? Пристрастия, выказанные парижанами, выглядят вполне закономерными. Мариологический культ, конечно, был распространен в городе, главный собор которого носил имя Богоматери. Популярен был и святой Иаков, давший имя одной из самых оживленных артерий города. Улица Святого Иакова (Сен-Жак) получила свое имя, наложившись в XIII в. на старый тракт, по которому шли на юг паломники, спешившие ко второй по значению святыне западного христианства — могиле Святого Якова Компостельского. Позже за воротами города вдоль тракта протянулся пригород Сен-Жак. Святой Антоний и Мартин, бывший некогда основным патроном королевства, также имели в Париже свои монастыри, давшие имена важнейшим улицам городским воротам и предместьям Правого берега⁸. То же можно сказать о святом Николае и святой Екатерине, которые считались, помимо прочего, покровителями могущественного Парижского университета и изображались на старой университетской печати. Вспомним, что именно святая Екатерина внушила Жанне д'Арк идею

---

⁸ Следует, однако, отметить, что никаких топографических закономерностей распределения изображений святых, равно как и иных домовых знаков в рамках нашей выборки проследить не удастся.

спасения страны. Но вот ее спутник в видениях Жанны — святой Михаил, столь популярный в годы Столетней войны⁹ почему-то отсутствует в нашей выборке. Ни разу не встретился среди домовых знаков святой Дионисий — патрон королевской династии. Но более всего удивляет отсутствие святой Женевиевы — покровительницы Парижа. В XVI столетии ее древний культ переживает бурный расцвет, устраиваются постоянные процессии в ее честь, она защищала город от врага, пожаров, эпидемий и стихийных бедствий¹⁰. Явное предпочтение одних популярных святых другим, не менее популярным трудно объяснить. Это означает, что мир домовых знаков не просто отражал массовые представления парижан, но и обладал значительной автономией в своем развитии.

Столь же популярен, как и образ Богородицы, оказывается в рамках нашей выборки и знак «герба Франции» (*escu de France*) — 8 упоминаний. Еще в четырех случаях в качестве эмблемы названы геральдические лилии (*fleur de lys*), и еще один раз «знамя Франции» (*banniere de France*). Но всего же геральдических домовых знаков немного — по два раза названы гербы Орлеана и Бургундии, по разу — гербы Авиньона и Бретани. Есть также несколько спорных случаев. Дом называется, например «отель Анжу» (*appele l'hotel d'Anjou* IRI, 1331), проживала же в нем *Madame la baillifve Robertet, a cause de son fief de Nagen*. Порой же имя дома напрямую было связано с его владельцем: пфальцграф Иоанн, герцог Баварский упоминает дом в Париже, «каковой ныне называется «Баварский дом» (IRI, 552) и непонятно, был ли на нем соответствующий герб. Отметим, что в нашей выборке отсутствуют упоминания о личных гербах домовладельцев.

---

⁹ См. Beaune C.. *Naissance de la nation France*. Paris, 1985. О культе св. Мартина см.: Chevalier B. *Tours, ville royale, 1356–1520*. Louvain, 1975; Farmer S. *Communities of Saint Martin*. Ithaca. London, 1991. P. 299–300.

¹⁰ Sluhovsky M. *The Sexual Ambiguity of Sainte Genevieve*. CALTECH, oct., 1992.

Зато геральдические и негеральдические звери встречались в изобилии. Особо популярны у парижан были такие геральдические элементы: рога оленя и лани (6 упоминаний), единорог, зеленый олень, золотой и серебряный львы, красный конь, борзая, дельфин. Встречались и экзотические звери — дромадер, слон, павлин, попугай. Среди зверей, имевших скорее фольклорное происхождение, были петух (3 упоминания), лис (и отдельно — лисий хвост), собака-крысолов (*ratiere*), черный поросенок, перепелка, «два барана», крыса, рак, шмель, коготь (*herse*). Обильным было также использование изображений как геральдических, так и негеральдических растений: геральдическая лилия, красная роза и «белая коронованная роза», (*rose blanche couronnee*), яблоко золотое и яблоко серебряное, апельсин, раковина, сосновая шишка, чернильный орешек (*petite Gallee*).

Парижане любили изображать тройные фигуры на своих, домовых знаках — мы уже встречали «трех королей» и «трех Марий», «трех дев», сюда же можно добавить «трех голубей», «три кошелька», «трех дочерей Дамы Симоны» («*trois filles Dame Simon*»), «трех мавров» (*trois mores*), «три соусницы»(?) (*trois saulcieres*).

Из других сказочных сюжетов представлены «Четыре Сына Аймона», «Мармузеть» («*Marmosetz*» — маленькие гротескные человечки, по-видимому, ведущие свое происхождение от языческой низовой мифологии¹¹, Сирена, Свинья в чепце (*Tuie coiffée*), черная голова, деревянная голова. Или же аллегорические фигуры — Фонтан юности, Отшельник, Писец, Колесо Фортуны, непонятные мне по значению символы «За горами» («*De-la-les monts*»), *monde*. *Monde* — настолько многозначное понятие, что может трактоваться как мир, нечто общее, целое, общество, свет, в выражении *bout du monde* — край света, может иметь значение — чистый в стиле св.

---

¹¹ «Мармузетами» называли одну из «партий»-участниц политической борьбы конца XIV в. Она состояла из высокопоставленных чиновников, спаянных узами родства и профессиональной солидарности, но пытавшихся обойтись без поддержки аристократических кланов. Именно это, в глазах современников лишало их всякой силы, превращало в смешных карапузиков.

Писания (les animaux mondes et immondes). Встречались и изображения небесных светил — солнца, полумесяца, звезды. Во французском языке, кстати, сохранилась поговорка «проживать под знаком красивой звезды» (Loger a l'enseigne de la belle etoile) — то есть быть бездомным.

Но самым частым было использование изображений отдельных предметов. Каждый из них мог быть носителем некоего тайного смысла, недоступного нам, но вполне явного для современников. Неожиданно много упоминается оловянных и золотых блюд (соответственно 4 и 2 упоминания), на четырех домах домовым знаком была шахматная доска, на трех — мечи. Па два раза названы золотые кубки, арбалеты, красные шапки, кресла. Остальные предметы упоминаются лишь однажды: замок, монастырь (moustier), белый дом, красный дом, красный колодец, золотая повозка, бутылка, бочонок, белый хлеб, зеленая корзина, котел, садок, молот, кузнечная ванночка (coffin), решетка (treil — особая подставка под виноградные лозы), топорик, колотушка, борона, овчарня, перчатка, посох, шпоры, некое «тяжелое оружие» (La Grosse armee), колокольчик, вертушка, цепь, колыбель, зеркало, глиняная труба (Boisseau), сабо. Именно эти предметы, казалось бы, дают основание видеть в домовых знаках нечто вроде вывески, указание на занятия владельца дома или его съемщика. Поэтому важно подчеркнуть что в нашей выборке н и р а з у не отмечено прямого совпадения сюжета домового знака с профессией владельца. Тогда, может быть, домовый знак указывал на личность владельца, был чем-то вроде тамги? Исторически такая связь вполне возможна. Более того, даже наша скромная выборка демонстрирует примеры подобной связи: Жан Эстас, кюре Лааса в Орлеанском диоцезе, передает своему младшему брату по случаю его свадьбы права на дом в Париже на ул. Таннери (Кожевнической), «где на стене в качестве знака помещен *образ Святого Себастьяна*, примыкающий к дому братства кожевников» и на дом в Вожираре, «на главной улице, где висит в качестве знака *Образ Святого Себастьяна*» (IRI, 579). Это совпадение можно было бы счесть простой случайностью, но у нас имеется и еще два таких акта. Филиппа Лоран, вдова Же-

рома де Марля, экойе, сеньора Люзанси, упоминает о трех домах в Париже на улице Сен-Дени, «под знаком *Большого и Малого Чернильных орешков*» (Grand et petite Gall) и дом на улице д'Авиньон «под знаком *Чернильного орешка*» (IRI, 94). И еще в одном акте говорится о двух домах — один на улице Бут-ан-Бри, а другой на улице Паршименри, на которых висит знак *Черной головы* (IRI, 692). Очевидно, что здесь эмблема призвана указать на принадлежность домов одному владельцу. Вполне возможно, она и не изобреталась владельцем. Просто тот распространял на вновь приобретенные дома знак, имевшийся на его первом доме. Это — одна из функций домового знака, но далеко не главная. Ибо помимо трех вышеназванных примеров у нас имеется еще 32 случая указания нескольких домов одним владельцем, где домовые знаки не повторяются.

Домовый знак активен и самодостаточен. Мы пока не знаем, как и когда он впервые появляется на доме. Но, появившись, он дает дому имя. И хотя наша выборка представляет картину стоп-кадром, мы можем уловить динамику этого процесса. Реньо Рене, подмастерье торговца ношенными вещами, передает «треть дома на улице Гран Трюандери, под знаком Решетки (Treil), издавна зовущегося Решеткой» (d'enseignement appelee la Treil, IRI, 538).

Братья Кардон, парижские купцы, передают права на дом, «где в качестве знака висит *Дромадер*, на улице Вьей Барилери перед парижскими стенами», а также на дом, соседний с указанным домом Дромадера (A jointe a ladicte maison de Dromadere) и углом выходящий на спуск, что ведет к Сене, «и на другой дом, также примыкающий к указанному дому Дромадера, со стороны, как идти от моста Сен-Мишель к воротам Дворца» (IRI, 1173). Дом под знаком «Дромадера» тут же становится домом Дромадера, подобно тому, как особняк, принадлежавший герцогам Баварским, превратился в «Баварский дом». И таких домов, наделенных настолько привычными именами и обходящихся без слова «знак», довольно много. Сплошь и рядом встречаются «дом красной розы», «дом Царя Давида», Отель герба Франции и т. д.

Домовладелец мог сменить знак, но сменить имя дома было не так просто. Знак вообще непостоянен — отсюда частый термин *soulayt pendre* — «имеет обыкновение висеть». В настоящий момент его может и не быть, поэтому часто оговаривалось, что знак висел раньше, в прежние времена (*soulloit pendre anciennement; portant autrefois l'enseigne de l'Image Saint-Etienne; en laquelle a par cy devant pendu pour enseigne le Flascon...*). Даже если вывешен новый знак, дом продолжает некоторое время жить под двойным именем как дом на улице Амьер, где висит знак «*la Grosse armee*» (тяжелого оружия?), на оговорено, что раньше здесь висел знак *Золотой звезды*.

Сюжет домового знака оказывается взаимосвязан с названиями улиц. Именно запоминающимся эмблемам домов Париж обязан романтическими названиями улиц: улица Четырех сыновей Аймона, улица Арфы, улица Павлина, улица Арбалета, улица Сабо и др. Дом, где обыкновенно висел знак *Посоха*, находился, оказывается, в цениве *Посоха*. (IRI, 984).

Вообще же, вопреки ожиданиям, не знак указывал на занятия владельца, но напротив, заведение владельца перенимало имя домового знака. Дом под знаком *Кресла* примыкает к двум залам для игры в мяч, именуемых Зал Большого Кресла и Малый зал Кресла. В нашей выборке представлены бани Золотого льва, Отель Сосновой шишки, отель Борзой. Именно от домовых знаков ведут свое происхождения многие типографские марки парижских книгоиздателей. Так, Иоаланда Боном, вдова Тильмана Керве, хозяйка крупнейшей издательской фирмы Парижа упоминает в своем акте о домах под знаком *Единорога* и *Белой коронованной Розы*. Но единорог украшал титульные листы изданий дома Керве вплоть до конца 60-х гг. XVI в.

Итак, проделанный нами предварительный зондаж позволяет утверждать, что домовый знак служил, прежде всего, для идентификации дома, был его именем. Можно сравнить домовые знаки с позднейшей нумерацией домов. Но эта не вполне верно — в отличие от номеров, знаки имели далеко не все дома, да и не способствовали они ни унификации, ни упорядочению городского пространства, и не были единственным средством локализа-

ции дома. Описывая местонахождение дома, указывали не только знак, но и соседние приметные объекты, соседние улицы, имена соседей. Порой (но довольно редко) домовладелец использовал домовый знак как знак своей собственности, распространяя одну и ту же эмблему на разные свои дома. Но очевидно, что домовые знаки были достаточно активным элементом городской семантики. Именно они давали имя дому, прилегающей территории, улицам, коммерческим заведениям. Они образовывали особую вполне структурированную знаковую систему, смысл которой нам пока недоступен. Думается, основным итогом нашего небольшого исследования можно считать доказательство необходимости углубленного изучения городской эмблематики, привлечения новых источников. Благо парижский нотариальный материал поистине неисчерпаем. Для будущей работы необходимо будет использовать данные исследований по средневековой иконографии и геральдику, по истории благочестия и материальной культуры, нужно просмотреть множество сочинений средневековых авторов — бестиариев, городской поэзии, описаний праздничных церемоний... Тогда, возможно, улица средневекового или ренессансного города заговорит с нами.

Д.Г.Федосов

Гербы российских шотландцев

На древней стене их наследственный щит

М.Ю.Лермонтов

Между 1506 и 1527 гг. шотландец Дэвид Корран часто и поочередно ездил послом датской короны в союзные державы: на свою родину (Король Скоттов Джеймс IV был племянником Ханса Датского) и к великому Князю Московскому Василию III. Корран поражал русский двор диковинным облачением, подобающим его сану Гербового короля Дании. Личный его герб неизвестен, но другой шотландский уроженец, Питер Дэвидсон, отправленный с миссией из Копенгагена в Москву еще в 1495 г.¹, вероятно, имел на своем щите золотого оленя, которого позже использовали его собратья по клану — дворяне Речи Посполитой и Виленской губернии Российской Империи Давидсоны, выехавшие из Британии в середине XVII в.²

Будучи самой молодой в Европе, русская геральдика сложилась под определяющим западным воздействием, прежде всего польским, но также и других стран. Непосредственным путем передачи и восприятия этих традиций было сохранение служилыми иноземцами своих родовых гербов в России. Шотландцы шли в первых рядах этой когорты: уже при Иване Грозном десятки «немцев шкоцкия земли» состояли в царском войске под началом

---

¹ Riis T. Should Auld Acquaintance Be Forgots. Odense, 1988. Vol. 1. P. 22, 113; Vol. 2. P. 57–58, 187.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 20. Д 346. Я признателен сотрудникам РГИА за любезное разрешение пользоваться «Гербовником» и другими уникальными материалами Департамента герольдии.

капитанов Лингетта и Элфинстона³. Последний принадлежал к именной фамилии, представленной в России и позднее, чья старшая ветвь носила в серебряном поле черное стропило между тремя червлеными кабаньими головами.

Шотландия справедливо гордится своей старинной и стройной геральдической системой; в силу особенностей исторического развития Королевства Скоттов гербами обладали (и обладают) больше его жителей, чем где-либо еще, по крайней мере, относительно численности населения⁴. Отправляясь искать счастья за море, многие брали с собой «свидетельствованные листы о породе своей» для признания в благородном сословии, что нередко подкреплялось и гербом, предъявленным новому государю. Посмотрим, как это происходило в своеобразных условиях России — не только с точки зрения формальной геральдической науки, но и общественного положения и самосознания «гербоносцев» (*armigeri*) в сложный период смены ими подданства и национальности. Особенно примечательны ранние примеры использования гербов в стране, где дворянская геральдика как таковая складывалась лишь с начала XVIII в.

Речь пойдет только о лицах, состоявших, хотя бы недолго, на русской службе, или совершенно обрусевших, исключая британских подданных, которые посещали Россию с иными целями (дипломаты, путешественники, коммерсанты и др.), и роды, притязавшие на шотландские корни без достаточных оснований, как графы де Рец-Шанкло или Ферзены.

Хотя многие доказательства (на портретах, документах, печатях, предметах быта) утрачены, есть все основания полагать, что некоторые фамильные гербы, во всяком случае, в своей основе, восходят к первым представителям шотландских родов в России кон. XVI — нач. XVIII вв., а не «воскрешены» или вымышлены после-

---

³ Горсей Дж. Записки о России. М., 1990. С. 70, 107.

⁴ Подробнее см.: Sir T. Innes of Learney. *Scots Heraldry*. London; Edinburgh, 1978; Федосов Д.Г. Геральдика в Шотландии // Средние века. М., 1992. Вып. 54. С. 144–150.

дующими поколениями. Поэтому старейшим из русско-шотландских, возможно, является герб московских, тульских и ярославских помещиков Хомутовых.

Дело об их потомственном дворянстве начинается с утверждения, что их предок, Томас Гамильтон, прибыл в Россию «из Шотландии в 1542 г. с сыном Петром и дочерью Авдотьею»; Григорий Петрович Хомутов в 1611 г. состоял в новгородских дворянах и был верстан поместным окладом, затем его семья породнилась с Матвеевыми и Нарышкиными⁵. Трансформация фамилии Хэмилтон не выглядит невероятной: встречаются и куда более причудливые искажения. Герб же ясно указывает, где корни этого рода. Вот описание из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (далее: «Общий гербовник») ч. VII, Л. 37: щит четверочастный, посредине щиток пурпуровый, на нем между тремя серебряными розами золотое сердце, окруженное золотыми чертами (т.е. каймой); в 1-й и 4-й части в золотом поле дуб натурального цвета с желудями, во 2-й и 3-й в голубом поле два льва, имеющие верхний в правой, а нижний в левой лапе булаву; щит увенчан дворянским шлемом и короной с тремя страусовыми перьями; намет голубой, подложенный золотом. Если значение фигур в четвертях предстоит выяснить, то розы с пятью лепестками на щитке весьма походят на три горностаевых пятилистника в червленом поле у герцогов Хэмилтон; сердце же, по видимому, объясняется тесными связями последних с Дугласами, чьим символом оно являлось. Упомянутый герб был Высочайше утвержден в 1803 г., но по словам генерал-лейтенанта Г.А.Хомутова, «оной издревле употреблялся в роде моем».

Правда, не все члены этого рода приняли русское имя. В 1670 г. подполковник царской армии Александр Хэмилтон заручился грамотой о своем происхождении от Тайного Совета Шотландии, а в 1719 г. по обвинению в убийстве своего ребенка в Петербурге была обезглавлена

---

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 2852. Л. 23 — изображение герба. Были и другие русские дворяне Хомутовы, не связанные с Гамильтонами и имевшие иные гербы (Общий гербовник. VII, 117; VIII, 64).

фрейлина Гамильтон, которой поэт Георгий Чулков посвятил такие строки:

Три розы серебристо-белых
И золотое сердце. Так
Судьбы начертаны пределы,
Судьбы твоей. И вещей знак
В веках волнует мир подлунный.
Твой герб, Мария Гамильтон,
Певцы поют⁶.

Герб другого русского поэта, Михаила Лермонтова, кстати, служившего в лейб-гвардии Гусарском полку под командой М.Г.Хомутова, также вошел в «Общий гербовник» (IV, 102) и хорошо известен: в золотом поле черное стропило с тремя золотыми сквозными ромбами, под стропилом «черный цвет»; девиз — «Sors mea Jesus». Однако наши исследователи вряд ли знают, что «наследственный щит» клана Лермонтов из Дэрси и Бэлкоми в графстве Файф содержится еще в шотландском геральдическом манускрипте начала XVI в.; там отсутствует только черный шестилистник⁷.

Семья эта явила достойный пример верности традициям и геральдической преемственности. В 1613 г. прапорщик Джордж (Юрий) Лермонт «вышел на государево имя» из польского гарнизона крепости Белой, а в 1688 г. его внуки, стольники Евтихий и Петр, давно обрусев и приняв православие, представили в Разрядный приказ поколенную роспись своего рода, удостоверенную генералом Патриком Гордоном, со времен Короля Скоттов Малколма III в XI в.! К документу был приложен и герб, который может считаться одним из первых официально признанных в России; в старейшем из наших дворянских гербовников А.Т.Князев называет Лермонтовых в числе

---

⁶ Чулков Г.И. Мария Гамильтон: Поэма. Пг., 1922.

⁷ National Library of Scotland, Edinburgh. Armorial of Sir David Lindsay of the Mount. MS 31.4.3, ff. 58v, 59v. Есть два факсимильных издания этого труда 1822 и 1878 г.

всего девятнадцати фамилий, подавших свои гербы в государственное учреждение до начала XVIII в.⁸

Почти одновременно с Лермонтовыми в России обосновались их еще более знатные современники, которые соседствуют с ними и в «Общем гербовнике». В начале правления царя Михаила Федоровича к его двору прибыли один за другим братья Джон, Томас и Роберт Кары (Carr, Ker), причем последний с рекомендательным письмом от короля Джеймса VI (I Британского); потомки Томаса владели вотчинами под Нижним Новгородом, Калугой, Москвой и Ярославлем. В 1766 г. княгиня Е.А.Голицына (рожд. Кар) получила, правда, почему-то из английской герольдии, копию своей родословной, которая производит русскую ветвь от основной линии рода Кер от Сессфорд, графов и герцогов Роксборо⁹. Об этом как будто говорит и герб русских Каров («Общий гербовник», IV, 76), также употреблявшийся «издревле» и утвержденный в 1799 г., хотя родословная вызывает определенные сомнения: в зеленом поле на серебряном стропиле три червлёные шестиконечные звезды, в оконечности щита серебряная голова единорога; щитодержатели — справа, дикарь с палицей на плече, слева, единорог; девиз: «Pro Christo et Patria dulce periculum». У герцогов Роксборо то же, только в щите три головы единорога, а звезды пятиконечные¹⁰.

Столь же бережно относились к своей семейной истории смоленские дворяне Лесли. Рыцарь Александр (в православном крещении Авраам) Лесли с 1630 г. набирал по царскому указу первые полки «иноземного строя», первым в России удостоился звания генерала и умер воеводой в Смоленске ок. 1662 г. Под своей командой он имел немало однофамильцев и оставил многочисленное

---

⁸ Сторожев В.Н. Георг Лермонт — родоначальник русской ветви Лермонтовых. М., 1894; Гербовник А.Т.Князева 1785 г. / Изд. С.Н.Тройницкий. СПб., 1912. С. V, 83.

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2047. Л. 11 — рисунок герба. См. также дело 1858.

¹⁰ Debrett J. The Peerage of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. London, 1814. Vol. 1. Plate 39.

потомство. Едва ли не каждый из них слышал красивую легенду о том, как основатель их клана, Бартольф, сопровождавший шотландскую королеву Маргарет (супругу Малколма III, победителя Макбета), однажды на охоте спас ей жизнь; при переправе через горный поток она оступилась, но успела схватить протянутый ей Бартольфом пояс и крикнула: «Держи крепко!». С тех пор Лесли носили на серебряном щите лазоревую перевязь с тремя золотыми пряжками и девиз «Grip fast». Генерал Лесли завещал этот герб своим преемникам. Именно так он изображен на портрете кавалерийского офицера Г.Ю.Лесли, датированном 1749 г., и на принадлежавшем тому же лицу чеканном серебряном блюде из собрания Государственного исторического музея¹¹.

Однако со временем цвета поля и фигур либо забылись, либо были намеренно изменены для отличия от старшей ветви. В 1850-е гг. штабс-капитан М.М.Лесли и его родственники прислали в Департамент герольдии Сената следующий рисунок: «В голубом поле оранжевая перевязь или шарф, коим в прежние времена отличались рыцари..., посреди перевязи три золотые пряжки или застежки, означающие нужду и крепость. О вершине же короны серый Грейф знаменует силу и смелость, украшение же коричневые перья с золотым подбоем». Чтобы избежать наложения цветов, по предложению Герольдии в утвержденном варианте перевязь стала золотой, а пряжки червлеными; в нащлемнике лазоревый возникающий грифон с червлеными глазами и языком, золотым клювом и когтями; намет лазоревый с золотом¹². Девиз не был предусмотрен.

В течение XVII в. русскому престолу служили еще несколько именитых шотландцев; в 40–50-е годы это были роялисты, вынужденные покинуть Британию и вер-

---

¹¹ Портрет хранится в Русском музее в Петербурге. См.: Русский военный костюм XVIII – начала XX в. Л., 1988. № 6; Постникова-Лосева М.М. Серебряное блюдо с шотландским гербом // Памятники культуры: Новые открытия. М., 1980. С. 488–492.

¹² РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1739; Оп. 49. Д. 975; Ф. 1411. Оп. 1. Д. 73. Л. 88–90.

нувшиеся туда после реставрации Стюартов. Среди них выделялись генералы Томас Дальелл оф Биннс и Уильям Драммонд оф Кромликс — лорд Мэддерти и виконт Стрэтэллан; «генералиссимус» Чарлз Ситон — граф Данфермлин, лорд Архарт и Файви, и, чуть позднее, «граф» Дэвид Уильям Грэм — «барон Морфийский»¹³. Все они, бесспорно, пользовались знаками своего достоинства, несмотря на непривычность к тому русского слуха и взора. Зловещий герб Дальелла, один из самых странных в Европе, вырезан на серебряной ложке, привезенной им из Московии и поныне хранящейся в замке Биннс: в черном поле обнаженная мужская фигура с вытянутыми руками, в серебряной вольной части скрещенные шпага и пистолет¹⁴ — атрибуты, вполне подобавшие отважному солдату, герою войн против поляков и татар и, наконец, главнокомандующему королевской армией в Шотландии.

В 1661 г. «Каледонскую фалангу» в России пополнили, в числе многих офицеров, Пол Мензис (Павел Менезий) и Патрик Гордон; один стал первым иностранным воспитателем Петра Великого, другой — главным наставником молодого царя в ратном деле. В 1672 г. Менезий был внезапно назначен царским послом в Германию, Австрию и Италию, где выказал незаурядные дипломатические способности. На переговорах с государственными сановниками, в частности с имперским вице-канцлером графом Кёнигзеком в Вене, он использовал гербовую печать своего древнего рода. Историк Н.В.Чарыков, автор подробного труда о деятельности Менезия, опубликовал оттиск его печати, и в ответ на запрос об этом шотландский Король Гербов сообщил Чарыкову, что горностаевый щит с червленной главой и возникающим орлом в нашлемнике действительно при-

---

¹³ Права Грэма на титул графа неясны, но он был первым в России признан таковым верховной властью. Умер генерал-поручиком в Белгороде в 1693 г.

¹⁴ Fox-Davies A.C. The Art of Heraldry. N.Y., 1976. P. 113, 305. На некоторых ранних образцах герба Дальеллов нагое тело даже будто бы болталось на виселице! Уникальны и «неодушевленные» щитодержатели — два шатровых шеста.

надлежал отрасли Мензис оф Питфоделс¹⁵. Этот щит сопровождал Менезию до могилы: когда он скончался в Москве в 1694 г., Гордон заплатил два рубля за изготовление его герба для торжественного погребения, на котором присутствовал царь Петр¹⁶.

Патрик Гордон также происходил из знаменитого клана и не уронил его славы, достигнув в России ранга генерала и контр-адмирала. Как именно выглядел его герб, мне неизвестно, но в личном дневнике Гордона есть запись о получении из Риги в марте 1696 г. «камня с моим гербом», что обошлось в три рейхсталера¹⁷. Скорее всего, подразумевалась некая форма основного щита Гордонов: в лазоревом поле три золотые кабаньи головы. Так он передан (в зеркальном отражении) на эскизе надгробия русского адмирала Томаса Гордона, который приходился Патрику кузеном или племянником и умер в Кронштадте в 1741 г. в возрасте 79 лет; но цвета определить невозможно из-за отсутствия штриховки.

Несмотря на многочисленную родню Патрика, его линия угасла в середине XVIII в., хотя эмблему Гордонов в Российской империи сохранили одноименные дворяне Царства Польского и Подольской губернии (*Gordonowie*), у которых к кабаньим головам добавился шахматный серебряно-лазоревый пояс¹⁸. Их герб был внесен в Польский Гербовник и именовался «Быданд» по шотландскому девизу Гордонов из Хантли — «*Bydand*», что можно перевести как «Мы пребываем».

---

¹⁵ Чарыков Н.В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб., 1906. С. 21 (гербовая печать Менезия помещена также на титульном листе), 30, 666.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries*. Vol. V, f. 418v.

¹⁷ *Ibid.* VI, f. 13v.

¹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 32476, 3248; Ф. 1411. Оп. 2. Д. 600. Другая отрасль польских Гордонов носила в серебряном поле лазоревый щиток с золотой каймой, на нем идущий черный лев, смотрящий назад. Представитель еврейской фамилии Гордон, получивший дворянство и герб в начале XX в., не имеет отношения к Шотландии.

Гербовое надгробие адмирала Томаса Гордона.

Переселенцы из Шотландии дополнили польскую, а через нее и российскую геральдику рядом новых образов. Кроме «Быданда» и упомянутого выше «Золотого оленя» Давидсонов можно указать на герб «Мортон» гродненских шляхтичей Стюартов-Галибуртон («стрела в красном поле, на ней широкая голубая лента, горизонтально положенная, а на ней три золотые звезды») и на «Балкаррас» виленских дворян Линдсаев¹⁹, названный по поместью и графству *Balcarres*, которым владел глава рода. В первой и четвертой частях он представлял собой на червлени «шашечницу голубого и пепеловидного [серебряного] цвета», т.е. в точности исходный герб клана

¹⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7513 (Стюарт-Галибуртон). Л. 31–32; Оп. 24. Д. 2019 (Линдсаи). Л. 5–5об.

Lindsay. В коллекции В.К.Лукомского находилась стальная гербовая печать Линдсаев с девизом «Endure fort».

В качестве примера обратного польского влияния приведу герб Фамицыных, потомков шотландца Кристофера Томсона, чей правнук Иван, выехав в Россию из Польши до 1681 г., был жалован вотчиной и изменил фамилию на русский лад. Как заметил А.Б.Лакиер, нижняя половина герба Фамицыных («Общий гербовник», II, 129) имеет сходство со знаменем «Муржа-Домброва»²⁰. Впрочем, в этом случае композиция получилась довольно громоздкой.

В XVII в. в России прозвучало еще одно громкое шотландское имя, которое нельзя обойти вниманием. В 1647 г. царю Алексею Михайловичу присягнул прапорщик Уильям Брюс из отрасли Клэкмэннан, ведший род от графа Кэррик и короля Ирландии Эдуарда Брюса (†1318), брата короля скоттов Роберта I. Уильям дослужился до полковника и оставил двух сыновей, ближайших соратников Петра I: Романа (1668–1720) — генерал-лейтенанта и первого обер-коменданта Петербурга, и Якова (1669–1735) — фельдмаршала, сенатора, президента Берг- и Мануфактур-коллегии и выдающегося ученого.

На одном из писем Романа к брату за 1708 г. уцелела красная сургучная печать, где щит покоится на воинской арматуре и покрыт шлемом, наметом и короной с согнутой рукой, держащей жезл, в нашлемнике; на щите хорошо различимы контуры герба Брюсов из Клэкмэннана, который приводится в средневековых источниках: в золотом поле червлёные Андреевский крест и глава, в вольной части серебряная звезда²¹. Роман Брюс похоронен в Петропавловской крепости, которую он возводил и оборонял от шведов; под его эпитафией, на кованой плите изысканной работы, лежащий единорог словно обнимает щит Брюсов. В нашей стране это одно из старейших

---

²⁰ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 267, 322.

²¹ Архив Артиллерийского Музея (ААМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 585об. Диаметр печати ок. 25 мм; Armorial of Sir David Lindsay of the Mount. Fol. 61.

и лучших геральдических надгробий из оставшихся от послереволюционного разгрома.

Российские Брюсы поддерживали отношения с однофамильцами в Британии. В 1720 г. Хенри оф Клэкмэннан отправил своего сына в Петербург под покровительство Якова Вилимовича, уже получившего европейскую известность как военачальник, дипломат и государственный деятель²². Из Шотландии ему была доставлена грамота, датированная 19 мая в Эдинбурге, за подписью графа Кинкардин и Александра Эрскина — лорда Лайона (Короля Гербов Шотландии), с полным изложением родословной и герба Брюсов из Клэкмэннана вместе с их русской ветвью.

Сведения, отчасти уже знакомые «просвещеннейшему из сподвижников Петра», в столь официальной форме поступили вовремя и вошли в диплом на графский титул, данный Я.В.Брюсу 18 февраля 1721 г. Цитирую этот документ подробно как ранний памятник русского геральдического языка: «Гербы его родовые, последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалуюм и позволяем, то есть на поле златом крест св. Андрея и верх щитовый краснорожовья, над шлемом тогожде степени приличным, плащем красным серебром раскрашенным и венцем от тех же цветов украшенным, вместо перья напишется плечо вооруженное, булаву в руке держащее; [щит] поддержат от десныя страны лев краснорожовый, от левые же единорожец природнаго цвета с щитовым сим надписанием: «Быхом» (Fuimus); а к тому прежнему его гербу в прибавку, за его к нам верные и прилежные службы, как при добывании неприятельских городов, так и при баталиях по нашей милости ему наданныя и назнаменующия, соизволяем ему имети сичевым образом: новый щит на четверо разделенный, в его же средине иметь ему прежний его гербовой щит, яко же выше описан, в первом и в третьем [четвертом] разделении щита в синем поле часть белой городской стены, справа наось налево стоящую, над оною ядро огненное с тремя пламенами натурального цвета, да за ево верную к

---

²² Scottish Record Office, Edinburgh, Airth Writs, GD 37 (328–329).

нам службу во время бытности ево нашим первейшим полномочным министром на Аландском конгрессе, определяем ему во второе и четвертое [третье] разделение щита в белом поле с боков две темнозеленые дуги, едина против другия стоящая, между ими черная орловая глава с короною, якоже в гербе изображено, над сим щитом сверх его прежняго шлема и украшения еще два шлема откровенные, а имянно с правой стороны, имея корону баронскую, над оною часть городовая стены, какова в первом и третьем [четвертом] разделении щита изображена, с левой стороны шлем, имея графскую корону, над оною глава черного орла с короною против изображенной во втором и четвертом [третьем] разделении щита, и плащ; также, щитодержавцы и подпись употребляти ему при сем гербе таковым образом, как в его прежнем гербе изображена и цветом расписана»²³. Без каких-либо изменений герб графов Брюс внесен в «Общий гербовник» (II, 11). Таким образом, основной герб клана, как и в ряде других случаев, был помещен в центре в окружении почетных эмблем, дарованных за отличия по службе.

Автором описанного герба русских Брюсов был, по видимому, сам Яков Вилимович, который вовсе не ограничивался разработкой собственных эмблем. Одной из его многочисленных заслуг надо признать значительный вклад в отечественную геральдику в ранний и решающий период ее развития.

Увлеченность Брюса историей, генеалогией, эмблематикой определялась не только его происхождением, но и обширными научными интересами (здесь ему не было равных в петровской России) и разнообразными поручениями, возложенными на него царем. В 1697–1698 гг., да и позднее, он совершенствовал свои познания в Британии и других странах, где изучал среди прочего медальерное искусство. Ведая петербургским монетным двором, Брюс обладал большим собранием медалей и печатей; среди

---

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 567. Л. 9–11; латинская копия грамоты Я.В.Брюсу на графство — Библиотека Академии наук. РО, F № 20.

них находился «столбик костяной с вырезанным релье-
ем»²⁴, т.е. цветком чертополоха, эмблемой Шотландии.

Герб русских графов Брюс.

В богатой (до двух тысяч томов) библиотеке Брюса имелся геральдический материал, например, труд «Theatrum Scotiae», где наряду с гравюрами шотландских городов и замков приводятся гербы местных вельмож, в том числе Уильяма Драммонда — виконта Стрэтэллан и бывшего царского генерала, а также вождей клана Брюс — графов Элгин и Кинкардин; соответствующие листы

---

²⁴ Забелин Е.И. Библиотека и кабинет гр. Я.В.Брюса // Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 56–62.

отмечены и заложены владельцем книги²⁵. Брюса интересовал и юридический аспект. В 1699 г., приехав из заграницы, он составил для Петра «краткое описание законов или правил шкотских, агленских и французских о наследниках или первых сынах»²⁶. В Шотландии, в отличие от Англии, геральдика стала особой отраслью гражданского и наследственного права, что отражено в трудах правоведа и геральдиста Дж.Маккензи, тоже представленных в Брюсовой библиотеке.

Кроме того существуют твердые указания на деятельность Брюса в области зарождавшейся русской геральдики. В мае 1708 г. он исправил и послал Петру проект герба адмирала Ф.М.Апраксина²⁷. Согласно В.Н.Татищеву, хорошо знавшему Брюса, царь, «видя, что те гербы [старые русские территориальные эмблемы] сочинены весьма неисправны и со обстоятельства истории несогласны, повелел графу Брюсу исправить; о которых же на упоминаемые в титуле не сделано, вновь согласные со историею сочинить, а потом чтоб и всем градом сделать»²⁸. При учреждении в 1722 г. Герольдмейстерской конторы не кто иной, как Брюс, рекомендовал на должность составителя гербов графа Франческо Санти, который, приступив к своим обязанностям, советовался с ним, в частности, по поводу лапландского герба: «в красном поле дикий человек телесного цвета несет дубинку на правом плече, на голове венок»²⁹. Надо полагать, что Брюс «приложил руку» и к другим дворянским и областным гербам и, быть может, не только к ним.

Петровское царствование было важнейшим этапом в истории русской государственной символики. О данном

---

²⁵ Slezer J. *Theatrum Scotiae*. London, 1693. P. 47, 54, 57; Библиотека Я.В.Брюса: Каталог. Л., 1989. № 650. См. также № 198, 571, 735, 753.

²⁶ Пекарский П.П. *Наука и литература в России при Петре Великом*. СПб., 1862. Т. 1. С. 292.

²⁷ ААМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 580.

²⁸ Татищев В. Н. *История Российская*. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 370.

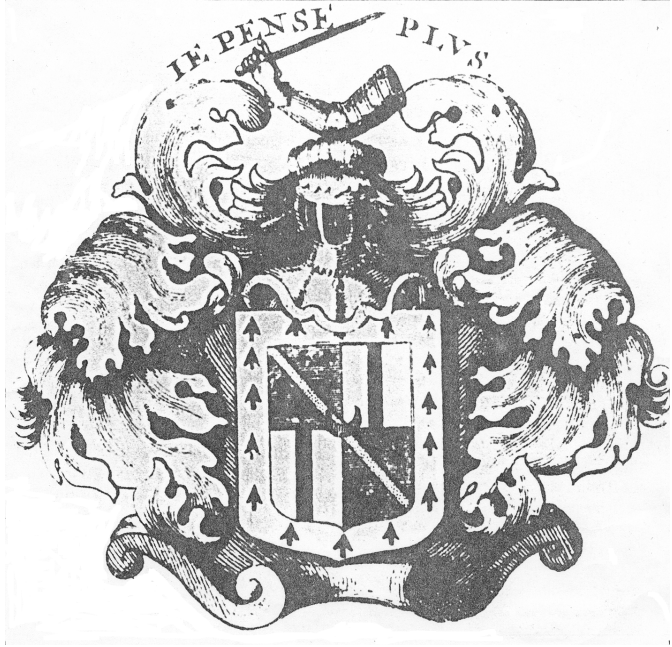
²⁹ Сборник Императорского Русского исторического Общества. СПб., 1873. Т. XI. С. 463–464; Соболева Н. А. *Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв.* М., 1981. С. 31, 45.

предмете много написано, но ряд вопросов, касающихся, скажем, появления нашего военно-морского флага или ордена св. Андрея Первозванного пока не нашли ответа. Не вдаваясь в детали, я лишь хотел бы привлечь внимание, во-первых, к их явной символической и хронологической связи между собой и, во-вторых, к разительному (но как будто незамеченному исследователями) сходству с более древними шотландскими аналогами. Ведь русский Андреевский стяг (голубой крест на белом поле) — это в обратном сочетании национальный флаг Шотландии (белый крест на синем). Равным образом Андреевский орден очень напоминает орден Чертополоха и в выборе небесного покровителя, и в символике, и в одеянии (зеленая мантия на белой подкладке, черная шляпа с белым плюмажем), и в первоначальном числе кавалеров по уставу (12). Не случайно первый проект Андреевского устава прямо ссылается на «шкотский Ордин св. Андрея»!³⁰ Так ли неожиданны подобные совпадения при том влиянии, которым располагала тогда «шотландская партия» — Менезий, Гордон, братья Брюс, глава Математической и Навигацкой школы А.Д. Фарварсон, командир Семеновского полка И.И. Чамберс? Во всяком случае, в основании первого и высшего русского ордена представляется более вероятным участие Я.В. Брюса, чем немца Гюйсена, прибывшего в Россию через пять лет после этого события. Брюс же вернулся в Москву как раз в конце 1698 г., да и крест св. Андрея был ему близок как главная фигура собственного герба. Впоследствии он был удостоен пяти русских и иностранных орденов, включая Андреевский (за Полтаву), и изображен на уникальном, насколько я знаю, для эпохи Петра портрете Андреевского кавалера в *полном* орденском облачении, как бы подчеркивая свое особое отношение к этой награде. Знаменательно, что единст-

---

³⁰ РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1. Л. 6 об. Издание первого Андреевского устава (1720, но, скорее всего, восходит к основанию ордена в 1698 г.) подготовлено мною для 1-го тома «Российского историко-архивного собрания».

венная дошедшая до нас орденская звезда петровского времени извлечена из гробницы Брюса.

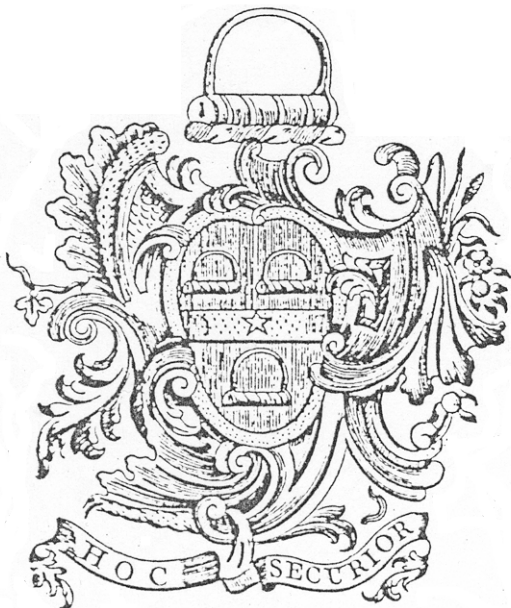

Гербовый экслибрис Роберта Эрскина (Арескина).

Как начальник московской типографии, издатель, переводчик и автор, Брюс не жалел усилий для развития книжного дела. Вполне естественно, что ему принадлежит один из первых русских экслибрисов. На нем запечатлен его графский герб, описанный выше, с добавлением, по западному обычаю, кавалерской цепи св. Андрея вокруг щита; правда, по недосмотру гравера во 2-й и 3-й четверти одна из двух зеленых дуг опущена.

Среди современников и знакомых Брюса был человек, соперничавший с ним по научным дарованиям и обладавший еще более внушительной библиотекой. Шотландец Роберт Арескин (Эрскин) — лейб-медик Петра I, президент Аптекарского приказа, реформатор русской медицины — работал в России с 1704 г. Он был младшим из многочисленных сыновей сэра Чарльза Эрскина оф

Элва и состоял в родстве с вождем своего клана — графом Маром. Гербовый экслибрис Арескина (на несколько лет старше, чем у Брюса) определяет его положение в родословной в строгом соответствии с канонами шотландской геральдики. Основной герб графов Мар дополнен червлёным полумесяцем и горностаевой каймой; по шотландской системе старшинства это означает девятого сына второго сына кланового вождя³¹.

Герб Джеймса Грива.

---

³¹ Sir T. Innes. Op. cit. P. 54–56.

Арескин умер бездетным, но в XVIII в. число его соотечественников в России все возрастало.

Герб доктора Джона Кука.

Джеймс Грив (Греве) и Джон Кук при императрицах Анне и Елизавете занимались врачебной практикой в Петербурге и провинции, оба состояли на видных медицинских постах, оба способствовали лучшему знакомству Запада с русскими владениями: Грив перевел на английский «Описание земли Камчатки» С.П.Крашенинникова, а Кук издал двухтомный труд о своих странствиях (*Voyages and Travels through the Russian Empires*. Edinburgh, 1770) — один из самых увлекательных для этого времени и жанра. Оба доктора имели гербовые экслибрисы. Книжный знак Грива как две

капли воды походит на герб рода Грирсон оф Лэг — в червленом поле на золотом поясе, сопровождаемом тремя серебряными замками, лазоревая звезда, замок в нашламнике и девиз «Nos securigog», но щит обведен золотой каймой. Поскольку в Шотландии присвоение чужих знаков отличия считалось серьезным правонарушением, надо заключить, что Грив имел отношение к этой семье, хотя и носил другую фамилию.

Мэтью Гатри, или Гутри, потомок сокольничих королей скоттов из Хокертон в графстве Энгус, с 1778 г. до своей смерти в 1807 г. занимал должность главного врача Сухопутного (1-го) кадетского корпуса и являлся «посредником между Россией и Британией на культурном и научном поприще»³².

Свой досуг он посвящал истории, этнографии, ботанике, минералогии, музыке; впервые перевел и напечатал на английском языке произведение русской художественной литературы — «Сказку о царевиче Хлоре» Екатерины II, которая даровала ему российское дворянство. В 1775 г., уже будучи военным врачом в России, Гатри хлопотал патент от Шотландской Герольдии (Lyon Office), где его герб блазонируется так: щит разделен начетверо, 1 и 4 — на золоте червленьый «зрящий» (guardant) лев с лазоревыми когтями и языком; 2 и 3 — на лазури три золотых снопа; нашламник — сокол с распростертыми крыльями, сидящий на отсеченной руке; девиз — «Ad alta»³³. Патент был предъявлен в петербургском дворянском собрании, которое постановило внести Гатри с семьей в третью часть родословной книги.

В числе российского дворянства было около десятка только титулованных родов шотландского происхождения, и все они, разумеется, обладали гербами. Подобно Брюсам, их родственники Ферморы с XVII века постоянно избирали военную стезю. Но в Шотландии эта фамилия не из знатных, и мне пока не удалось проследить

---

³² Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи. М., 1982. С. 136.

³³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 949. Д. 43. Л. 8 — гербовый патент Гатри от Шотландской Герольдии.

корни русской ветви и прототип ее герба. Самый видный ее представитель, генерал-аншеф Виллим Виллимович Фермор (1702–1771), был начальником Канцелярии от строений, русским главнокомандующим в Семилетней войне, восточнопрусским и смоленским губернатором. В 1758 г. он получил достоинство графа Римской империи, на что последовало соизволение императрицы Елизаветы. Когда мужская линия графов Фермор оборвалась, их титул и герб перешли путем брака к Стенбокам³⁴. В соединенном гербе Ферморы заняли левую (женскую) часть: деление начетверо, 1 и 4 — в золотом поле черный двуглавый орел с червленым языком, 2 и 3 — на червленни серебряная зубчатая стена с червленными швами, увенчанная золотым стропилом; в середине на лазоревом щитке три серебряные олени головы («Общий гербовник», XI, 34).

Далеко не все гербы, даже официально утвержденные для титулованной знати, попали в «Общий гербовник». В 1777 г. агент Екатерины II в Ливорно и Тоскане Роберт Ратерфорд (Рутерфурд) был возведен в бароны Российской Империи. Как младший сын лорда Ратерфорда, он сохранил свой старый герб в левой половине вновь принятого: в серебряном поле с червленной каймой также окаймленный червленью серебряный щиток с лазоревой звездой; над щитком три черные ласточки (ошибочно названные в дипломе орлами). Справа же были пожалованы в червленом поле русский андреевский флаг и «золотой кадуцей» (жезл Меркурия), положенные накрест — за то, что «он во время военное флоту нашему через способы своих коммерческих обращений учинил услуги». К тому же девиз Ратерфордов «*Nec sorte nec fato*» был продолжен словами «*sed labore et ardore*»³⁵.

Напротив, герб придворного банкира Екатерины II Ричарда Сутерланда, тоже ставшего русским бароном в 1788 г. «за оказанные им ревностные и усердные заслуги», не имеет ничего общего с шотландским прототипом и в этом смысле составляет исключение. Ричард был сы-

---

³⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1530–1535.

³⁵ Гербовед. 1914. Май. С. 84.

ном корабельного мастера, очевидно, далекого от вер-хушки клана и не притязавшего на какой-либо вариант герба Сатерлендов. Поэтому ему сочинили совершенно новый: щит пересечен, сверху на червлени золотая коро-на Российской империи, внизу на лазури якорь «с обви-тым круг оного дельфином»³⁶. И все-таки исконный герб Сатерлендов нашел путь в Россию, так как один из вож-дей этого клана, лорд Кеннет Даффес (ум.1732), стал контр-адмиралом русского флота и командиром крон-штадтского порта.

К самым прославленным из русско-шотландских родов, благодаря только одному человеку, относятся Барклаи де Толли. В середине XVII в. они переселились из поместья Тоуи в Росток и Ригу, где в одной из приход-ских церквей можно видеть их герб, и присягнули Петру после покорения им Ливонии. Заслуги князя М.Б.Барклая де Толли получили полное выражение в его гербе («Об-щий гербовник», X, 1). На четверчастном скошенном щите, т.е. разделенном наподобие андреевского креста, размещены российский орел с вензелем Александра I, золотая шпага за французский поход 1814 г., фельдмар-шалльский жезл, пушки, знамена и крепость «с воротами, в коих поставлен лев со шпагою, символ побед». Но в цен-тре, как у Брюсов и Хомутовых, сохранен древний щит рода Баркли — в лазоревом поле золотое стропило, со-провождаемое тремя лапчатыми крестами. Девиз «Вер-ность и терпение» не мог быть выбран более удачно, ибо герой Бородина, Кульма и Лейпцига и покоритель Пари-жа проявил эти качества в полной мере. Рижские родст-венники Барклая в 1833 г. получили особый герб³⁷.

Барклай был хорошо осведомлен о своем происхожде-нии. Посетив Британию в 1814 г., он встретился с сэ-ром Робертом Баркли, который затем, когда ему указали на близость его герба со щитом русского маршала, вос-

---

³⁶ Там же. Октябрь. С. 162.

³⁷ РГИА, ф. 1411, оп. 2, № 600.

кликнул: «Ничего страшного, мы детеныши одной породы!»³⁸.

Вместе с Барклаем в свите Александра I в Лондон прибыл Яков Васильевич Вилие (1768–1854). Младший сын скромного фермера, Джеймс Уайли в 1790 г. начал врачебную службу в России и сделал невероятную карьеру, став лейб-медиком, главным военно-медицинским инспектором, президентом Медико-хирургической академии, действительным тайным советником. По личной просьбе Александра Вилие был посвящен в рыцари и баронеты британским принцем-регентом и получил герб, Высочайше утвержденный в обеих странах: щит пересечен, вверху на золоте российский орел, внизу на лазури серебряная перевязь, над ней стоящая лисица натурального цвета, под перевязью две серебряные звезды; как подобало единственному «сиру и баронету» Российской Империи, вершина главы обременена неповторимой в нашей геральдике деталью — серебряным щитком с «красной отверстой рукой»; на шлеме — скачущий донской казак с пикой, щитодержатели — два солдата лейб-гвардии Семеновского полка³⁹. Лисица, зверь для геральдики не совсем обычный, наводит на мысль о «говорящей» фигуре. «Wily» по-английски значит «хитрый», хотя эта черта отнюдь не преобладала в характере талантливое ученого и участника многих военных кампаний, сделавшего двести операций раненым на Бородинском поле. Этот герб и сегодня модно видеть на памятнике Я.В.Вилие у построенной на его средства больницы в Петербурге на Выборгской стороне (ныне клиника им. Куприянова), а девиз «*Labore et scientia*» украшает фриз самого здания.

Однако даже отпрыскам знатных родов не всегда удавалось подтвердить свой статус в России. В 1843 г. соответствующее прошение в Сенат подал рижский купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Джон Левис Бальфур. Владелец торгового дома в

---

³⁸ Barclay H.F. A History of the Barclay Family. London, 1933. P. 268, 289.

³⁹ РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 68. Л. 154–159.

Риге, учрежденного его отцом, он нажил немалое состояние, но «не следовал примеру прочих его земляков, оставших в подобных обстоятельствах Россию и возвратившихся с приобретенным капиталом в первобытную родину», а стал русским подданным и приобрел имение в Курляндской губернии. К ходатайству он приложил выданный шотландской Герольдией (Lyon Office) акт о том, что он ведет род от сэра Джеймса Бэлфура оф Питтендрих, «лорда-президента Верховной Палаты в Шотландии в 1567 г.», и что его герб матрикулирован в Регистре Лайона. Герб Бальфура, как и следовало ожидать, — вариация на тему основного кланового щита: в серебряном поле черное стропило, обремененное головой выдры; на сей раз стропило было зазубренным, во главе щита червлёная роза, в подножии — лазоревый «салтиер» (андреевский крест), окруженные червлёной каймой. В прошении также упоминалось, что Бальфур женат на племяннице князя Баркляя де Толли — выходцы из Шотландии всегда и везде держались друг друга! Тем не менее, русская Герольдия сочла доводы для признания в потомственном дворянстве недостаточными и отказала просителю⁴⁰, Бальфур оказался одним из, очевидно, очень немногих россиян, имевших герб, но не дворянство.

В то же время семья лейб-медика, действительного статского советника Василия Петровича (Арчибальда Уильяма) Крейтона, благодаря заслугам и придворным связям, легко добилась причисления к потомственным дворянам Петербургской и Псковской губерний, но герб ее претерпел некоторые изменения.

Исходным щитом Крайтонов — виконтов Френдрот, был в серебряном поле лазоревый лев с червлёными когтями и языком. Эклибрис В.П.Крейтона представлял собой тот же щит, но с облаковидной пурпурной каймой; нашламник — стоящая собака в ошейнике и девиз «Fidelis». Но в прошении 1887 г. Крейтоны по какой-то причине выдвинули другой проект герба, якобы «употребляемого издревле»: черная собака со шлема перекочевала на щит и приняла позу восстающего льва, кайма

---

⁴⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 709.

стала червленой и волнообразной, лев же («золотой, возникающий, с червлеными глазами и языком, держащий в правой лапе серебряный с золотою рукоятью меч») был помещен на шлеме. Девиз остался неизменным, и в таком виде герб был принят⁴¹.

Герб российских дворян Крейтонов.

Вплоть до революционной поры «российские шотландцы» продолжали пополнять дворянские родословные книги разных губерний и архивы Департамента ге-

---

⁴¹ Общий гербовник, XIV, 72; РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 875.

рольдии. В деле тверских дворян Манзей (в России с 1733 г.) их герб передан так: щит пересечен, «в верхней части в червленом поле три молотка, в нижней части шотландское поле[?!], т.е. квадраты: синий, красные и желтые шахматами. На щите орел сидящий на подушке и смотрящий на восходящее солнце, изображенное за щитом; девиз — «Descog integer». Герб этот, похоже, не был формально утвержден, но в 1899 г. Николай II разрешил внучатому племяннику генерал-адъютанта К.Н.Манзея присоединить к своей фамилии его фамилию и герб и именоваться Волковым-Манзеем⁴².

В 1913 г. Николаю II «благоугодно было признать сохранение старинного английского девиза рода Грейг вполне уместным», а в 1915 г. герб Грейгов был внесен в «Общий гербовник» (XX, 93): в лазоревом поле три золотых правых ладони⁴³. Щит этот, впрочем, принадлежал еще знаменитому адмиралу Самуилу Грейгу (1735–1788), командовавшему русским флотом на Балтике. Для его потомков, по их признанию, было «особенно важно утверждение именно этого герба». В доказательство они сослались на портрет адмирала, гравированный Уокером с оригинала Левицкого, и медаль, выбитую по приказу Екатерины II, в память ее верного флотоводца⁴⁴. Тот же герб украшает и надгробие С.К.Грейга в городском соборе Ревеля (Таллина). Грейги придавали такое значение этому вопросу, что отстаивали свой девиз «Strike sure» (Рази верно) перед самим императором!

Приведенные примеры можно было бы умножить гербами графов Дуглас, баронов Стюарт и Рамзай, Бердов, Шкотов, Клейгельсов, Гарднеров и др. Лишь вкратце было затронуто дворянство польско-литовских и балтийских губерний. Для настоящей статьи я не имел возможности привлечь архивы шотландского геральдического ведомства. Но и сказанного довольно, чтобы опровергнуть мнение А.Б.Лакиера, будто «из Шотландии выехало

---

⁴² РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1354. Л. 29; Оп. 36. Д. 15215.

⁴³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 6406; Оп. 49. Д. 445.

⁴⁴ Иверсен Ю. Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1882. Табл. 16.

в Россию мало таких родов, которые бы, обрусев по фамилии и прозванию, могли по своему гербу занять место в русской геральдике»⁴⁵. На самом деле их вполне хватило бы на отдельный гербовник: только официально признанных русско-шотландских гербов насчитывается более двадцати, и еще больший круг лиц пользовался ими без формального утверждения, поскольку до времени Павла I такого утверждения не требовалось, а позднее оно было сопряжено с изрядными хлопотами и затратами (полный гербовый диплом стоил 250 рублей)⁴⁶.

Некоторые шотландские гербы в России были сохранены почти в точности, другие изменены по цвету или фигурам, третьи дополнены почетными эмблемами за заслуги. Но все они были зримыми, непреходящими символами рода, сословия, национальных корней. Когда бы ни жили российские шотландцы, как бы долго и верно не служили новому отечеству, они никогда не забывали о своей прародине. Повинуясь этому чувству, архитектор Чарлз Камерон⁴⁷, уроженец Лондона, ставил на своих книгах герб вождя Камеронов из Лохила, а контр-адмирал В.А.Белли (1887–1981), русский дворянин в четвертом поколении, начал свои мемуары с описания фамильного герба Бэйли оф Лэмингтон⁴⁸. Щедрым применением гербов на личных вещах и печатях, портретах и памятниках, влиянием на нашу эмблематику в лице Якова Брюса и других советников Петра I, шотландцы обогатили российскую геральдику и российскую культуру.

---

⁴⁵ Лакиер. Указ. соч. С. 321. Автор говорит совместно об Англии и Шотландии. Что до англичан, чья геральдическая система отлична от шотландской, мне известно всего около десяти их гербов, которые прижились в России.

⁴⁶ Иванова М.Д. Гербовый материал из фондов Департамента Герольдии Сената // Геральдика: Материалы и исследования. Л., 1987. С. 108.

⁴⁷ Мне удалось уточнить даты жизни зодчего, которые приводятся по-разному. Он умер 19 марта 1812 г., 66 лет, т.е. родился в 1745/6 — РГИА. Ф. 1689. Д. 2. Л. 31.

⁴⁸ Выдержки из воспоминаний В.А.Белли предоставлены мне из Российского государственного архива Военно-Морского Флота в Петербурге.

О.Н.Наумов

Систематизация родовых гербов в отечественной историографии*

Многообразие и значительная численность родовых гербов детерминируют необходимость их группировки при кодификации и анализе. Геральдическое пространство систематизируется в гербовниках, публикациях источников, учебно-методических пособиях.¹ Любая стратификация, в свою очередь, неизбежно связана с определением положения конкретного герба по отношению к другим, с созданием иерархической системы, которая дуалистична по сущности. С одной стороны, она отражает официальные представления о положении гербовладельцев (родов или конкретных лиц) в социуме, с другой — является средством научного осмысления геральдического материала. Классификация предполагает выделение таких критериев, при которых любой из гербов легко включался бы в установленные страты.

Имеющиеся в отечественной историографии иерархические системы можно условно разделить на общие, охватывающие всю совокупность гербов, и частные, в которых положение гербов определялось в ограниченной по каким-либо признакам части геральдического пространства.

Необходимость создания иерархии для русских родовых гербов возникла одновременно с попытками их кодификации. Впервые, в конце XVIII в. выделил группы

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-01-00683а).

¹ Систематизационные представления в русском гербоведении долгое время не являлись предметом самостоятельного анализа. Лишь недавно это положение было исправлено, см.: Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. Ч. I. М., 2003. С. 61–67, 121–134, 198–204.

родовых символов в рамках общей классификации гербов герольдмейстер Л.И.Талызин². Предложенные им страты были таковы:

1. Жалованные гербы.
2. Гербы «приемные» (наследуемые вместе с землей и фамилией).
3. Гербы, существующие в родах.

Иерархия отражала взгляды геральдиста-практика, чиновника, для которого приоритетным критерием герба являлся факт его утверждения властью. Поэтому высшее положение в классификации занимали «жалованные гербы», непосредственно связанные с выражением воли императора. Однако не все гербы в России XVIII в. утверждались официально, многие бытовали без какого-либо юридического закрепления, в силу обычая. Л.И.Талызин учел подобную, выделив третью группу. Отсутствие указания на правовую фиксацию позволяло включать в нее неутвержденные гербы. В целом же, критерий предложенной систематизации можно назвать юридическим.

Представление об официальной иерархии родовых гербов дает «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Его тома составлялись разновременно, и расположение конкретных гербов определялось для каждого из них специально.

Общие принципы систематизации содержались в манифесте Павла I от 1 января 1798 г.³. Гербовник состоял из трех отделений: 1-е — гербы титулованных и древних дворянских родов; 2-е — гербы родов, пожалованных в дворянское достоинство; 3-е — гербы родов, выслуживших дворянский статус по чинам. Распределение внутри отделений оговаривалось в самом гербовнике: Рюриковичи вносились в порядке генеалогического старшинства сыновей князя Владимира Святославича; дворянские роды — «по старшинству их выезда, начала дворянских служб или когда кто верстан помещным ок-

---

² Кипнис Б.Г., Сапожников А.И. «Гербовник» Лукьяна Ивановича Талызина // Гербовед. 1996. № 4 (12). С. 87–88.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. Т. 25. [СПб.], 1830. С. 3–4.

ладом»⁴. Роды, получившие дворянство, — по датам пожалований (от ранних к поздним). Таким образом, гербы систематизировались по генеалого-хронологическому принципу. Строгость и формализм распределения отвечали основной идее, которую преследовало правительство при официальной кодификации — путем введения неизменяемости родового герба закрепить дворянское происхождение родов. Говоря иначе, уже не любой герб выполнял функцию социальной границы (дворяне/недворяне), а только тот, который санкционировался верховной властью и наследовался неизменным.

Положенные в основу структуры «Общего гербовника» критерии были детерминированы условиями официального признания дворянского происхождения, установленными «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г.: несение предками дворянских служб, обладание вотчинами и поместьями, упоминание в некоторых категориях документов и др. Такая взаимосвязь обусловила синтез исторических и мифических («выезд») критериев иерархии и в дальнейшем привела к разгромной критике «Общего гербовника» как источника для генеалогических исследований⁵. С точки зрения родословного знания систематизация гербов в гербовнике представлялась ошибочной. Отрицательное отношение к гносеологическим возможностям этого памятника детерминировало негативную источниковедческую оценку русских родовых гербов в целом. Они, по мнению Л.М.Савелова, «не имеют значения, т.к. не составляют продукта народной жизни и привиты нам совершенно искусственно только в XVIII столетии, и представляют только неудачный сколок с западного обычая»⁶.

«Общий гербовник» был предназначен не только для закрепления рисунков, но и для официального утверждения иерархии гербов. Идея была проста: располо-

---

⁴ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Т. 1. СПб., [1799]. С. [7].

⁵ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. Ч. 2. М., [1908]; Он же. Лекции по русской генеалогии. М., 1994. С. 137.

⁶ Там же. С. 37.

жить гербы в порядке знатности владельцев — от аристократических до самых низших слоев, недавно пополнивших сословие. Высшее положение занимали герцоги: герб герцогов Лейхтенбергских в XV томе находился раньше герба происходивших от Рюрика князей Мосальских.⁷ Гербы светлейших князей имели приоритет перед гербами княжеских родов. Далее следовали гербы князей Рюриковичей (со строгим соблюдением генеалогического старшинства); гербы небольшой группы татарских князей, приравненных в правах к российским (князья Черкасские, князья Урусовы и др.); гербы грузинских князей; гербы лиц, пожалованных княжеским титулом (в порядке дат получения). Роды, которым были переданы по женской линии гербы и титулы угасших княжеских семей, приравнивались к пожалованным. Так, герб князей Одоевских-Масловых помещался после герба князей Сапег и Гедройц — неясного, но несомненно древнего литовского происхождения. Гербы графских и баронских родов располагались в хронологическом порядке пожалований титулами. Если род пользовался одновременно различными титулами, то положение герба определялось по более высокому из них, но в большинстве случаев — в конце группы, в которую он входил. Герб маркизов Пауллуччи был помещен за графскими.⁸ Любопытен случай расположения двух ветвей князей Святополк-Четвертинских: первое место занимала та, которая исповедовала православие, второе — католическая ветвь.

---

⁷ Конкретные указания на тома и листы «Общего гербовника» см.: Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Указатели к Высочайше утвержденным «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» (Ч. I–XVIII) и «Гербовнику дворянских родов Царства Польского» (Ч. I–II). СПб., 1910; Они же. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами, а также утверждены Правительствующим Сенатом Временного Правительства России. СПб., 2004.

⁸ Несомненно, что положение герба маркизов Пауллуччи определялось юридическим статусом, поскольку 5 декабря 1890 г. их титул был признан в России (Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 261). Герб маркизов де Траверсе причислялся в «Общем гербовнике» к категории дворянских.

Часть гербов титулованных родов приравнивалась к дворянским. Это были гербы: татарских князей; русских родов, имевших титулы иностранных государств; иностранных родов, обладавших непризнанными в России титулами. С конца XIX в. возникла тенденция помещать гербы татарских князей и иностранных графов вслед за баронскими. Такое их положение вполне согласовывалось с юридическим статусом указанных титулов в России.

В расположении гербов древних дворянских родов также имелись особенности. Первое место среди них занимали семьи, происходившие от Рюрика, но утратившие титул. Далее гербы следовали в соответствии с годами выездов родоначальников. Если точное время появления в России было неизвестно или сведения о нем отсутствовали, то стратифицирующим признаком служила дата первого упоминания о дворянских службах и верстании поместьями в десятнях, «Тысячной книге» и других источниках. В случае примерного указания даты выезда рода⁹ его герб помещался после гербов семей, которые выехали в то же правление. Если находилось несколько родов, у которых дата оказывалась примерной, то они, видимо, располагались без определенного порядка. Схожее правило действовало относительно родов, жалованных поместьем или дворянской службой в одном году.

Систематизация гербов в «Общем гербовнике» оказалась сложной, громоздкой, противоречивой с точки зрения научного знания. Она отражала официальные представления о «знатности» рода и структуре дворянского сословия. Однако ей нельзя отказать в прагматизме — любой утвержденный родовой герб легко включался в структуру гербовника. Избрание именно иерархического, а не алфавитного способа систематизации можно объяснить еще существовавшими в конце XVIII в. пережитками допетровских, местнических представлений о дворян-

---

⁹ Например, «фамилия Писаревых происходит от выехавшего в Москву к Великому Князю Василию Васильевичу из Польши Семена Писаря» (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Т. III. СПб., [1800]. Л. 28).

стве. В дальнейшем такая структура поддерживалась стремлением соблюдать «обычай» и юридическую традицию.

В практической деятельности Департамента герольдии во второй половине XIX в. использовались и иные способы систематизации, более удобные для эвристических целей, поскольку «Общий гербовник» постоянно требовал именных указателей (и в пределах тома, и сводного, дополнявшегося после утверждения каждого нового тома). По алфавиту располагались гербы в «Сборнике дипломных гербов» (1890-е гг.) и в «Сборнике Высочайше утвержденных дипломных гербов польского дворянства, не внесенных в "Общий гербовник польского дворянства"» (1897)¹⁰. В «Эмблематическом гербовнике дворянских гербов» (1885) гербы располагались по делениям полей и эмблемам. Первый отдел включал однопольные, второй — многопольные гербы¹¹. Критерием распределения стали правила формальной геральдики, которая оказалась наиболее подходящими для герботворчества и для создания эвристической, поисковой системы. Группировка в зависимости от эмблематическо-пространственной структуры являлась всеобщей и могла быть использована для любой совокупности гербов. Однако она ориентировалась преимущественно на практические задачи, а не на научное познание.

Медленное, но неуклонное развитие научного компонента российской геральдики, происходившее в сер. XIX — нач. XX вв., стимулировало систематизацию родовых гербов. История гербоведения в России традиционно отсчитывается от труда А.Б.Лакиера «Русская геральдика»¹². В нем обобщался известный к середине XIX в. эмпирический материал, предпринималась попытка сфор-

---

¹⁰ Иванова М.Д. Гербовый материал из фондов Департамента герольдии Сената // Геральдика. Л., 1987. С. 111–112.

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Лакиер А.Б. Русская геральдика // Записки Императорского археологического общества. Т.7. СПб., 1854; Он же. Русская геральдика. СПб., 1855. Кн.1–2; Он же. Русская геральдика. М., 1990 (номера страниц приводятся по последнему переизданию).

мулировать целостное понимание русской геральдики как научного знания, разрозненные факты по сфрагистике и геральдике синтезировались в концептуальную систему¹³. Перед А.Б.Лакиером неизбежно встала задача дать характеристику родовой геральдике. Основная трудность такого анализа заключалась не только в недостаточной изученности темы, но и в серьезной опасности превратить книгу в аморфное перечисление описаний гербов. Отказаться от фактологии полностью автор также не мог, иначе его выводы могли показаться необубедительными. Единственным выходом из сложившейся ситуации стало создание систематизации родовых гербов. В общем виде она выглядела следующим образом¹⁴:

I. Гербы русских княжеских родов, происходивших от Рюрика.

1. Гербы потомства князя Святослава Ярославича Черниговского.

2. Гербы потомства князя Ростислава Мстиславича.

3. Гербы потомства князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.

4. Гербы потомства Гедимины.

II. Гербы родов выезжих.

1. Гербы родов, выезжих из Литвы и Польши.

2. Гербы родов, выезжих из Пруссии, «стран Поморских и других земель славянских».

3. Гербы родов, выезжих из Германии, Италии, Греции, Франции, Англии, Швеции, Дании и других стран Европы.

4. Гербы родов, выезжих из Грузии.

5. Гербы родов, выезжих из земель татарских, черкаских, из Армении, Персии и Африки.

6. Гербы родов, выезжих из разных областей России.

III. Гербы «за отличия по службе».

---

¹³ Подробнее см.: Наумов О.Н. Геральдическая историография России (XVIII – первая половина XX в.). М., 2001. С. 19–23; Он же. Отечественная историография геральдики. С. 69–81.

¹⁴ Лакиер А.Б. Указ соч. С. 233–370.

1. Гербы княжеские, графские, баронские и дворянские.

2. Гербы с эмблемами, соответствующими заслугам.
IV. Гласные гербы.

А.Б.Лакиер не остановился на этом и разделил подгруппы на еще более мелкие страты. В частности, в подгруппу потомков князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо вошли гербы: 1) князей ростовских; 2) князей белозерских; 3) князей галицких; 4) князей стародубских. Однако и эта иерархия не была окончательной.

Гербы конкретных родов А.Б.Лакиер также располагал в строго определенном порядке. В первой группе иерархия основывалась на генеалогическом старшинстве родов. Например, в разделе о стародубских князьях¹⁵ выделялись гербы князей Гагариных и Хилковых (одинаковые), князей Гундоровых, князей Ромодановских.

Во второй группе рассматривались в порядке старшинства выезды гербы родов, происходивших, согласно легендам, из одной страны. Так, в разделе о семьях, «выехавших» из Франции,¹⁶ сначала сообщалось о потомстве Облагини, якобы появившегося на Руси в 1375 г., затем — о Дивовых, чей «выезд» отнесен преданием к 1408 г., после этого — о вполне достоверном французском роде Николь де Манора (Николевы), попавшем в Россию в XVII в. Далее излагались сведения об Арцыбушевых, считавшихся либо немецкого, либо литовского происхождения, но по гербовым фигурам отнесенных А.Б.Лакиером к французским родам. Завершали раздел сведения об антропонимически не ассимилированных родах корсиканцев графов Поццо ди Борго и эльзасцев Шафгаузен-Шенберг-Эк-Шауфусов, а, в качестве дополнения, — данные о якобы люксембургском по происхождению роде Челищевых.

Интересна систематизация в третьей группе. Отказавшись фактически от распределения по царствованиям, декларированном в названии, А.Б.Лакиер изложил материал в соответствии с особенностями элементов гербов

---

¹⁵ Там же. С. 241.

¹⁶ Там же. С. 319–320.

(корон, щитодержателей, девизов, полей с вензелями императоров и др.). Во второй подгруппе стратификации основывалась на соответствии гербовых фигур деятельности, характерной для рода или конкретного лица. Выделялись «подвиги преданности государю и престолу», придворная, военная и гражданская службы. Такая систематизация отражала представления о «почетности» различных видов деятельности, существовавшие в менталитете русского дворянства середины XIX в.

В последней группе гербы располагались по алфавиту фамилий владельцев.

А.Б.Лакиер подробно обосновал свою иерархическую систему. Он писал, что «в основе образования» русского дворянства лежало «родовое начало», поэтому именно оно «должно послужить исходным пунктом и для отечественной геральдики»¹⁷. В соответствии с этим постулатом геральдист отмечал, что гербы могли иметь фигуры, отражающие «родовую собственность», происхождение, заслуги или прозвание лица. Он связал их с определенными группами гербов, принадлежащих: 1) родам, которые происходят от удельных князей; 2) «выезжим» родам; 3) служилым родам; 4) «прочим» (т.е. не вошедшим в предыдущие категории). Таким образом, для княжеских гербов А.Б.Лакиер установил критерий «родового начала», для «выезжих» — «начала происхождения», для жалованных — «общего начала» (под ними подразумевалась тождественность полей и фигур, свойственная таким гербам), для гласных — «начала соответствия с прозванием».

А.Б.Лакиер обосновывал выделение каждого из «начал» (критериев) познавательными целями. Для княжеских гербов — это отражение системы феодального вассалитета и истории удельного периода, возможность установить принадлежность к ветви¹⁸ и происхождение родов, утративших титул. Отступления в некоторых княжеских гербах от генеалогически верного расположения по старшинству полей А.Б.Лакиер объяснял стремлением

---

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же.

семей повысить статус и доказать свои родовые преимущества. Исследователь признавал за гербами Рюриковичей наибольшее значение для генеалогии по сравнению с гербами высших слоев западного дворянства. Поднимаясь на теоретический уровень, А.Б.Лакиер подчеркивал, что родовой критерий лучше всего соответствует самой сущности герба, означающего «наследство недвижимой собственности»¹⁹.

Критерий для выделения группы гербов «выезжих родов» также объяснялся А.Б.Лакиером в контексте эпистемологических подходов к геральдике и ее связи с генеалогией. Он считал, что подобные гербы «прямо свидетельствуют», откуда происходят их владельцы, поэтому задача исследователя состоит в умении выделить элементы, присущие выходцам из конкретных стран. Для доказательства тезиса А.Б.Лакиер привел совершенно неудачный пример — якобы для гербов татарских родов характерны такие эмблемы, как луна, крест, сабля²⁰.

Геральдист подчеркивал прагматическое значение предлагаемой систематизации. Для Рюриковичей — возможность распределения гербов в точной генеалогической последовательности. Для «выезжих» родов — обоснованность эмблем при составлении гербов для лиц иностранного происхождения. Для гербов жалованных отмечалась возможность датировки по полям, а для гербов второй подгруппы — опять определение эмблем для новых родов²¹.

Однако цель, которую преследовал А.Б.Лакиер, создавая иерархию родовых гербов, была в первую очередь научной, о чем он прямо писал после изложения критериев деления: «При таком воззрении на отечественную геральдику мы не думаем, чтобы наука о ней считалась невозможной»²². Исследователь отмечал, что важней-

---

¹⁹ Там же. С. 10–11.

²⁰ Там же. С. 357. Критический анализ этого тезиса см.: Думин С.В. Восточные эмблемы в русских родовых гербах // Геральдика. Л., 1987. С. 95–100.

²¹ Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 357.

²² Там же. С. 12.

шей задачей всякой науки (в том числе гербоведения) должно быть объяснение смысла явлений, представляющихся для других случайными и непонятными. Следовательно, иерархическая стратификация понималась А.Б.Лакиером как способ анализа закономерностей генезиса, иконографии и семантики родовых гербов. Создание иерархии составляло главный методический прием, использованный геральдистом.

Теоретически систематизация вытекала из концепции А.Б.Лакиера: из тезиса о древности русских гербов, юридического понятия о «родовой собственности» (по образованию и роду деятельности автор являлся правоведом) и представления о самобытности отечественной геральдики. Последнее обстоятельство особенно наглядно проявилось в том, что исследователь, хотя и привел общую классификацию западных гербов,²³ отнесся к ней сдержанно, отказался от анализа, и тем более не попытался экстраполировать на собственную систематизацию, четко ориентируя ее на русское геральдическое пространство.

Кроме того, иерархия основывалась на представлениях об эмблематике как смыслообразующем и семантически значимом компоненте герба («существенным в гербе русском почитаем мы эмблему») и о титуле как социально стратифицирующем признаке («князьям, графам и баронам принадлежит в каждом разряде первое, почетное место»)²⁴. Поэтому общий критерий, предложенный А.Б.Лакиером, можно назвать эмблематико-генеалогическим (если под генеалогией понимать также отражение представлений дворянства о структуре собственного сословия). В его основе лежало эмблематическое содержание полей, отражавшее происхождение владельцев гербов.

Однако указанный критерий применим только к первым трем группам систематизации А.Б.Лакиера. Гласные гербы ему не соответствовали. По сути, геральдисту не удалось предложить единого критерия страти-

---

²³ Там же. С. 34–35.

²⁴ Там же. С. 229.

фикации, его система осталась имманентно противоречивой. Закономерно, что не соответствовавшая общему критерию четвертая группа в последующей историографии была проигнорирована.

Главным источником сведений для А.Б.Лакиера служили опубликованные тома «Общего гербовника», и влияние этого источника отчетливо ощущалось в его построениях. Если сравнить очередность расположения гербов в «Общем гербовнике» и у А.Б.Лакиера, то они окажутся схожими: одинаковое распределение групп (Рюриковичи — «выезжие» роды — роды, пожалованные дворянством или выслужившие его) и конкретных гербов по датам «выезда», одни и те же ошибки,²⁵ детерминированные не критическим убеждением исследователя в точности буквы и духа «Общего гербовника», утвержденного императором. В целом геральдист воспринял иерархию родовых гербов «Общего гербовника», попытавшись подкрепить ее научными доводами. Поэтому далеко не случайными были частые апелляции А.Б.Лакиера к ценности созданной системы для прагматических потребностей геральдики, для герботворчества. Он не мог избежать модернизаций официального, формального распределения гербов (например, отнесение гербов родов, пожалованных титулом, в третью группу, выделение четвертой группы), однако они не меняли сути иерархии, которая оказалась неудачной именно в научном отношении.

Серьезным недостатком систематизации А.Б.Лакиера стал тезис об историчности всех сведений о выездах. Исследователя нельзя в этом упрекать, поскольку в исторической науке середины XIX в. вопрос о достоверности родовых легенд был еще не решен окончательно. Однако получилось, что объединение в одну

---

²⁵ Одной из самых грубых ошибок стало отнесение литовских князей Гедиминовичей к потомству Рюрика. Понимая сомнительность такого происхождения, А.Б.Лакиер сделал существенную, но явно не логичную оговорку, что даже если Гедиминовичи не происходят от Рюрика, то все равно владели русской землей (а для него важна эмблема вотчины) и «ознаменовали себя подвигами на пользу России» (Там же. С. 242).

группу гербов «выезжих» родов — условность, не подкрепленная историческими реалиями. В группе гербов «выезжих» родов оказались гербы семей действительно попавших в Россию из иностранных государств (польские роды, Лермонтовы и др.) и семей, чье иностранное происхождение являлось полным вымыслом. Кроме того, общность эмблем в гербах семей с единым легендарным родоначальником выдерживалась на практике далеко не всегда.

Иерархическая система А.Б.Лакиера отражала уровень развития отечественной генеалогии, источниковедения, да и всей исторической науки в середине XIX в. К ее недостаткам можно отнести то, что она не основывалась на едином критерии и слишком сильно зависела от опыта герботворчества. Систематизация не являлась всеобъемлющей, поскольку не учитывала древние дворянские роды, не имевшие легенд о «выездах», неутвержденные и некоторые другие категории гербов. Она противоречиво распределяла гербы между группами (формально и Рюриковичи — «выезжий» род; легенды о «выездах» имелись у графских и баронских родов). Тем не менее, стратификация А.Б.Лакиера оказала значительное влияние на развитие гербоведения в России.

В числе воспринявших ее исследователей был П.П.Винклер. В 1892 г. он издал первый выпуск работы «Русская геральдика»²⁶. Главная цель автора заключалась в изложении правил формальной геральдики в связи с русским гербовым материалом. Описание каждого деления поля, фигуры, элемента герба сопровождалось примером, взятым из «Общего гербовника». П.П.Винклер продолжил, по сути, линию изучения родовых гербов в зависимости от эмблематических элементов, намеченную А.Б.Лакиером, который каждому польскому гербу подобрал примеры его использования в русской геральдике. С другой стороны, систематизация П.П.Винклера соотносилась с принципами, применявшимися для группировки гербов в Департаменте герольдии.

---

²⁶ Винклер П.П. Русская геральдика. СПб., 1892–1894. Вып. 1–3.

Труд П.П.Винклера остался незавершенным, поэтому судить об авторском варианте классификации можно только по плану исследования²⁷. Глава 21 должна была называться «Различные виды дворянских гербов»; видимо, в ней предполагалось изложить принципы стратификации геральдического пространства. Последующие главы представляли собой перечисление одиннадцати групп гербов:

22. Гербы родов, произошедших от князей черниговских, смоленских, ярославских, владимирских и литовских.

23. Гербы родов, выехавших из разных областей России.

24. Гербы родов, выехавших из Польши и Литвы.

25. Гербы родов, выехавших из «Прус».

26. Гербы родов, выехавших из славянских земель.

27. Гербы родов, выехавших из Англии, Франции, Германии и других стран Западной Европы.

28. Гербы родов, выехавших из татарских земель, с Кавказа, из Армении, Персии и некоторых других стран.

29. Гербы лиц, возведенных в княжеское достоинство.

30. Гербы лиц, возведенных в графское достоинство.

31. Гербы лиц, возведенных в дворянское достоинство.

32. Гербы лиц, получивших дворянское достоинство по чинам и орденам.

Несомненно прямая преемственность между систематизациями А.Б.Лакиера и П.П.Винклера. Глава 22 соответствовала первой группе стратификации А.Б.Лакиера (повторяя и очередность ветвей Рюриковичей, и причисление к ней Гедиминовичей). Дальнейшие главы соотносились с разделами группы второй, но очередность делений и их названия отличались. На первое место были поставлены роды, выехавшие из разных областей России, которые занимали у А.Б.Лакиера последнее место; появилась отдельная глава о гербах родов, происходивших из славянских земель, объединенных А.Б.Лакиером с

---

²⁷ Там же. Вып. 1. С. VII–VIII.

гербами выходцев из Пруссии. Сам термин «выезжие из Пруссии» был заменен более близким к тексту источников понятием «из Прус». П.П.Винклер отказался также от подробного перечисления западных стран, объединил гербы родов, выехавших из Грузии и «татарских земель», поменял местами Польшу и Литву.

По плану П.П.Винклера главы 29—31 соответствовали первой подгруппе третьей группы А.Б.Лакиера (гербы титулованных родов). Критерием деления стали ранги дворянства. Последняя глава соотносилась с второй подгруппой третьей группы систематизации А.Б.Лакиера («гербы с эмблемами, соответствующими заслугам»). Изменения, внесенные П.П.Винклером в стратификацию А.Б.Лакиера, свидетельствовали о стремлении придать ей логичность и стройность, но не изменять основы.

Опыт систематизации родовых гербов получил дальнейшее развитие в трудах В.К.Лукомского, который уже в одной из первых работ предложил следующую двухступенчатую иерархию²⁸:

I. Гербы, составленные в Герольдии «на основаниях, принятых ею для княжеских и дворянских родов, произошедших от Рюрика».

1. Гербы Гедиминовичей.

2. Гербы потомства князя Святослава Ярославича Черниговского.

3. Гербы потомства князя Ростислава Мстиславича.

4. Гербы потомства князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.

II. Гербы «выезжих родов».

1. Польские гербы.

2. Гербы русских дворянских родов, получивших дипломы на почетные титулы с гербами от иноземных монархов или пользующихся западноевропейскими эмблемами вследствие преданий о происхождении.

3. Гербы иностранных дворянских фамилий, перешедших в русское подданство.

---

²⁸ Лукомский В.К. О геральдическом искусстве в России // Старые годы. 1911. № 2. С. 23–24.

III. Гербы, сочиненные для дипломов Герольдмейстерской конторой или для «Общего гербовника».

1. Гербы родов, пожалованных дворянством.
2. Гербы родов, выслуживших дворянство.
3. Гербы иностранцев, приобщившихся к русской культуре.
4. Гласные гербы.
5. «Сфантазированные» гербы.

В.К.Лукомский частично заимствовал систематизацию у А.Б.Лакиера, но наполнил ее новым содержанием. Прежде всего, это касается критерия стратификации. Сам В.К.Лукомский определял его как «композиционное отношение», сместив акцент с эмблематико-генеалогического критерия А.Б.Лакиера на сугубо эмблематический. Свой подход он обосновал тем, что эмблемы составляют содержание главного элемента герба – его щита. В.К.Лукомский оговорил объект систематизации – только гербы, внесенные в «Общий гербовник» или закрепленные в дипломах, т.е. утвержденные верховной властью. В этом отношении он поддержал А.Б.Лакиера, полностью исключив неутвержденные гербы из иерархической системы. Новый подход предопределил эмблематически ориентированные названия первой и третьей групп (при фактической идентичности их смысла).

Первая группа стратификации В.К.Лукомского может показаться схожей с началом иерархии А.Б.Лакиера. Однако модификация критерия позволяет больше не считать ошибкой отнесение к ней гербов Гедиминовичей. В.К.Лукомский был более компетентным генеалогом, чем А.Б.Лакиер, поэтому, специально оговорив неточность «Общего гербовника», он отметил, что гербы Гедиминовичей систематизируются не генеалогически, а эмблематически.

Принципиально изменилось содержание второй группы. В.К.Лукомский включил в нее действительно иностранные гербы, попавшие в российское геральдическое пространство, хотя и не выдержал принцип до конца. В третью группу вошли гербы, отнесенные А.Б.Лакиером к третьей и четвертой стратам. Следует пояснить содержание пятой подгруппы. К ней относи-

лись все дворянские гербы, составленные из «рыцарских» эмблем. Автор не сделал подробного комментария, но из контекста ясно, что речь шла о древних родах, не имевших легенд о «выездах». Таким образом, В.К.Лукомский сделал систематизацию всеобъемлющей касательно утвержденных гербов, охватив те категории, которые были пропущены А.Б.Лакиером.

Как и предшественник, В.К.Лукомский предложил классификацию, руководствуясь потребностями геральдического познания. Однако ему не нужно было распределять в рамках системы значительный фактический материал. Стратификация требовалась как методический прием источниковедческого анализа и как способ установления границ родовой геральдики России. В.К.Лукомский уточнял, что в гербах первой группы используются территориальные эмблемы, второй – иностранные образцы и только третья группа оригинальна, отражает национальное стилистическое и символическое своеобразие. В таком случае остается неясным, почему геральдист оставил отечественные гербы на последнем месте в иерархии. Это может быть связано либо с влиянием систематизации А.Б.Лакиера, либо с критикой В.К.Лукомским художественных и семантических недочетов русских гербов.

В последующих работах геральдист неоднократно повторял свою систематизацию,²⁹ но не делал подробных обоснований и пояснений. В 1939 г. В.К.Лукомский³⁰ внес в нее существенные коррективы: модифицировал названия групп, поменял местами вторую и третью группы, убрал страты второго порядка. Получилась система из трех элементов:

1. Гербы родов, происходящих от Рюрика.
2. Гербы жалованные.
3. Гербы «выезжих» родов.

---

²⁹ См.: Лукомский В.К., Типольт Н.А. Русская геральдика. Пг., 1915; Они же. Русская геральдика. М., 1996. С. 17–18 и др.

³⁰ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. 1939. № 1. С. 71–72.

Фактически произошел возврат к системе А.Б.Лакиера. В третью группу оказались отнесены роды, иностранное происхождение которых было документально не доказано (в качестве примера отмечены гербы потомств Гланды Камбилы и Радши). Подобные изменения можно объяснить идеологическими условиями существования исторической науки в 1930-е гг. К тому времени в генеалогической историографии вполне утвердилась точка зрения о недостоверности «выездов».

В 1944 г. В.К.Лукомский составил «Эмблематический гербовник»³¹ — собрание гербов, по которому студенты Историко-архивного института должны были изучать геральдику. Оно представляло собой вариант модификация прежней системы, обусловленный учебными целями. Выделялось три группы: гербы родов, объединенных происхождением от одного родоначальника; гербы родов, жалованных титулами; гербы польско-литовские, усвоенные русскими, белорусскими и украинскими родами. Первая из них структурирована, как указывал В.К.Лукомский, «по старшинству родов и в порядке расположения гербов от простейших видов к более сложным»³²:

Потомство Рюрика:
князя черниговские;
князя смоленские;
князя ярославские;
князя ростовские;
князя белозерские;
князя стародубские.

Потомство Гедимины.

Потомство Рюрика (отдельные княжеские и дворянские роды).

Потомство: Редеги, Радши, Гланды Камбилы, Индриса, Дола, Михаила Прушанина и др.

В третьей группе гербы расположены в эмблематическом порядке «по принципу описания их в теоретической части геральдики». В.К.Лукомский синтезировал в

---

³¹ Оpubл.: Геральдика. Л., 1987. С. 131–168.

³² Там же. С. 132.

систематизации опыт научной и практической геральдики, придерживаясь традиционного генеалогическо-эмблематического подхода. Новым стало конкретное перечисление гербов по родоначальникам, систематизированных, видимо, по принципу «знатности».

В варианте 1944 г. классификация В.К.Лукомского утратила всеобщность и стала узко ориентированной на учебный процесс. Однако значение пособия не исчерпывалось образовательными задачами. В нем на частном уровне реализовывался один из проектов ученого, стремившегося к созданию полного эмблематического гербовника, который декларировался им как одна из важнейших проблем отечественного гербоведения. Под этим справочником В.К.Лукомский подразумевал «сборник гербов, расположенных в систематизированном по эмблемам порядке и тем облегчающих нахождение и определение исследуемого герба»³³. Историк тесно связывал эмблематическую систематизацию с задачами гербовой экспертизы, ее совершенствованием, то есть с прагматическим использованием геральдического знания, с историко-научными возможностями герба в целом.

В конце жизни В.К.Лукомский отошел от разработанной системы и предложил стратификацию всех (а не только русских) гербов, бытовавших на территории Российской империи. Она опиралась на юридический критерий – факт утверждения верховной властью³⁴:

1. Гербы, зарегистрированные в «Общем гербовнике» (включая XXI том).

2. Гербы, жалованные императорами в дипломах XVIII–XIX вв.

3. Гербы Польши, Литвы, Эстонии и Финляндии «за время зависимости Польши от России и прибалтийских стран от Швеции» и учтенные в гербовниках этих стран.

4. Самобытные (т.е. неутвержденные — О.Н.) гербы русских, украинских, белорусских, кавказских родов.

---

³³ Лукомский В.К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 17. М., 1947. С. 57.

³⁴ Там же. С. 56–57.

В этой иерархической системе В.К.Лукомский отказался от учета генеалогических факторов и от эмблематического подхода. Критерий «утверждения» тесно связан не только с правовыми, но и с дипломатическими, с источниковедческими аспектами геральдики. Он позволил опереться в систематизации на источниковедение как на второе, неявное основание разграничения групп. Система основывалась на опыте В.К.Лукомского, выработанном при стратификации украинских гербов³⁵. Несмотря на познавательную перспективность систематизация не нашла отклика в историографии. Это связано с негативным отношением официальной исторической науки 1940-х гг. к геральдике и с тем, что скончавшийся в 1946 г. В.К.Лукомский не успел широко ознакомить с ней специалистов.

Поэтому не она, а первый вариант систематизации В.К.Лукомского оказал существенное влияние на последующее гербоведение. Исследователи второй половины XX в. не предложили оригинальных стратификаций, а использовали уже имевшиеся. В усеченном виде, лишенная пояснений и обоснований систематизация А.Б.Лакиера—В.К.Лукомского попала в учебники и энциклопедии³⁶. Будучи сильно сокращенной, она утратила целостность и логичность; оставалось неясным, почему в ней отражена вся совокупность русских родовых гербов.

Кроме общих систематизаций в отечественной историографии XIX—XX вв. бытовало несколько частных стратификаций. В научном отношении наиболее интересна из них группировка гербов украинского дворянства, сделанная В.Л.Модзалевским и В.К.Лукомским для соответствующего гербовника³⁷. Отбор материала для справочника определялся генеалогически, в него вошли

---

³⁵ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914; Они же. Малороссийский гербовник. Киев, 1993.

³⁶ Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1971. Стлб. 1032; Каменцева Е.И., Устогов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М., 1974. С. 199–201; Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио. М., 1994. С. 174—175 и др.

³⁷ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Указ. соч. С. XV, XXIV—XXV.

потомки старшины времен гетманщины (1648–1782 гг.), старинная шляхта, жившая на Черниговщине и Северщине, и выходцы из других государств, попавшие на Украину в XVII–XVIII вв. Выявленную в соответствии с этими признаками совокупность гербов (всего 400) В.К.Лукомский разделил на три группы:

1. Гербы Высочайше утвержденные (т.е. внесенные в «Общий гербовник») и пожалованные в дипломах.

2. Гербы польские.

3. Гербы «самобытной композиции».

Геральдист отмечал сложность распределения гербов между второй и третьей группами, «ввиду частого единообразия эмблем и трудности вопроса: это оригинальный малороссийский герб или измененный польский». Критерий стратификации нечетко определялся как систематизация «по существу», на самом деле это была группировка по происхождению эмблем. Принципиальным новшеством стало появление третьей группы, в которую вошли неутвержденные гербы — проекты, представленные в Черниговское дворянское собрание в 1796–1800 гг.

Систематизацию украинских гербов В.К.Лукомско-го следует признать оригинальной и ценной в познавательном отношении. Однако в рецензии на книгу С.Н.Тройницкий критически отозвался о ней, заявив, что в гербовнике смешаны различные группы гербов и ни одна категория не выдержана до конца. Он также указал на пропущенные гербы и на случаи ошибочного причисления к стратам³⁸. Авторы с замечаниями не согласились, последовательно отстаивая свой вариант³⁹.

В практической деятельности Департамента герольдии частная систематизация была использована для

---

³⁸ Гербовед. 1914. № 10. С. 156–157; Гербовед 1913–1914 гг. М., 2003. С. 390–391.

³⁹ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Письмо в редакцию // Гербовед. 1914. № 11. С. 174–175; Гербовед 1913–1914 гг. С. 410–412. Подробнее об этой дискуссии и ее значении для русской геральдической мысли см.: Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. С. 176–177; Он же. Из истории геральдической терминологии // Русская речь. 2001. № 2. С. 79–82.

«Гербовника дворянских родов Царства Польского»⁴⁰. Гербовый материал разделялся на три группы:

1. Гербы титулованных родов.
2. Гербы родов, получивших дворянство до 16 (28) августа 1836 г.
3. Гербы родов, получивших дворянство после 16 (28) августа 1836 г.

Рубежной датой между второй и третьей стратами стал момент утверждения положения о польском дворянстве. При этом ко второй группе относились гербы и древних родов, и семей, получивших дворянское достоинство в XIX в. Критерий деления можно назвать юридическим, выбор его, вероятно, связан с особенностями польских гербов, которые крайне трудно систематизировать эмблематически или генеалогически.

В отечественном гербоведении не предпринималось последовательных попыток применить к русским родовым гербам методов структурирования геральдического пространства, выработанных зарубежной наукой. В этом, видимо, сказалось распространенное убеждение в глубоком национальном своеобразии гербов, хотя факт значительного иконографического влияния на них иностранной гербовой практики безоговорочно признавался.

В русском гербоведении было известно о классификациях гербов, которые предлагались западными учеными. Еще в начале XIX в. в переведенной с немецкого языка книге И.Х.Гаттерера давалось понятие о рангах гербов светских владетелей (императорские, королевские, княжеские, графские, дворянские) и церковных деятелей (архиепископские, епископские, аббатские), вводилось разделение на гербы «духовные» и «светские», «почетные» и «рядовые», различались жалованные гербы и гербы «замужних жен»⁴¹.

---

⁴⁰ Гербовник дворянских родов Царства Польского. Варшава, 1853. Ч. 1–2; Гербы третьей части Гербовника дворянских родов Царства Польского. СПб., 1910.

⁴¹ Гаттерер И.Х. Начертание гербоведения. СПб., 1805. С. 166–167.

Сведения о вариантах систематизации, бытовавших в европейской историографии, содержались в некоторых работах начала XX века.

В ориентированных на зарубежный опыт лекциях Ю.В.Арсеньева⁴² наиболее важным признавалось деление гербов «по происхождению»: на «исконные», возникшие в период генезиса геральдики, и пожалованные.

Разнообразные варианты систематизации предлагал В.Е.Белинский. Он не связывал их с какой-либо конкретной страной, но опирался при этом на зарубежный историографический опыт. Геральдист считал возможным разделить гербы «по происхождению» (в его понимании весьма противоречивому признаку) на охотничьи, рыболовные, вассальные, земельные, духовные, должностные и др.⁴³; по «общей конструкции» (т.е. по формально-геральдическим основаниям) на полные (щиты одного цвета без фигур), простые (с одной фигурой), «простые-несложные» (с геральдическими фигурами и одной негеральдической), сложные (многопольные), соединенные (гербы прямых предков). Наиболее обширным из предлагавшихся им вариантов стала группировка гербов «по сущности и по самому роду, т.е. по тому значению, которое они имеют в отношении происхождения дворянина или по свойству фигур». Поскольку в ее основу положен критерий, синтезировавший генеалогию, эмблематику и формальный геральдический подход, полученный результат нельзя назвать систематизацией в точном смысле слова. Дифференциация гербов оказалась противоречивой, в общей систематизации объединялись территориальные, корпоративные и родовые символы. Среди последних геральдист называл следующие группы: гласные, полугласные, супругов, жалованные, памятные, должностные, покровительства, притязания на титул, представительные (передаваемые усыновленным детям), позорные, загадочные и др. Кроме того, как и

---

⁴² Арсеньев Ю.В. Геральдика. М., 1908; Арсеньев Ю.В. Геральдика. Ковров, 1997.

⁴³ Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. Вып. 2. СПб., 1913. С. 90–92.

Ю.В.Арсеньев, исследователь предлагал делить гербы по времени возникновения на древние и пожалованные. В.Е.Белинский пытался приблизить свою систематизацию к русскому геральдическому пространству, пользуясь взятыми из него примерами, но ее недостатки привели к полному неприятию другими геральдистами высказанных предложений.

По мере становления в России научной геральдики проблемам стратификации придавалось все большее значение. В.К.Лукомский выделял «классификацию» как самостоятельный этап изучения гербов, поставив ее после их собирания, перед гербовой экспертизой и объединив с «регистрацией». В настоящее время разработка методов и принципов систематизации принадлежит к основным познавательным процессам и относится к предмету изучения теории геральдики.

Отечественное гербоведение XVIII–XX вв. не предложило большого количества вариантов классификации родовых гербов. За полтора последних века широко использовалась общая иерархия А.Б.Лакиера, приспособленная В.К.Лукомским к уровню развития гербоведения начала XX века. В свою очередь она основывалась на опыте бюрократизированного герботворчества, воплощением которого являлось распределение гербов в «Общем гербовнике дворянских родов». Заимствованный отсюда официально-юридический подход тяготел над геральдической мыслью России и мешал формированию новой и оригинальной идеи стратификации. Эволюция общей систематизации родовых гербов происходила по пути сокращения, схематизации и формализации.

Все варианты классификации родовых гербов в отечественной историографии одинаково направлены в нисходящем порядке: от гербов князей Рюриковичей, признававшихся высшим слоем дворянства, до гербов родов, выслуживших дворянство по чинам, считавшихся частью сословия только формально, юридически.

Критерии стратификации гербов были разнообразны и зависели от преследуемых авторами целей. Наибольшее распространение получили два типа: по генеалогическим основаниям и по эмблематическим элементам гер-

бового щита. Таким образом, очевидна тесная связь геральдической стратификации с представлениями о структуре дворянства, отражавшая генеалогические реалии и мифы определенных периодов.

Фундаментально обоснованной и продуманной систематизации родовых гербов отечественная наука не выработала, что во многом детерминировано недостаточным вниманием к теоретическим проблемам геральдического знания. Создание универсальной, исторически и логически обусловленной стратификации национального геральдического пространства остается в числе самых актуальных задач гербоведения до настоящего времени.

Ю.А.Навроцкий

16 quartiers

(публикация О.Н.Наумова)

Предисловие

После 1917 г. русская историческая наука разделилась на советскую, находившуюся под жестким идеологическим контролем, и эмигрантскую, не имевшую тематических ограничений, но испытывавшую острый недостаток информации. Ученые-эмигранты стремились, с одной стороны, расширить круг доступных источников, а с другой — усвоить методические приемы исследования, выработанные зарубежной (европейской и американской) наукой¹.

Показательным примером подобных тенденций стала опубликованная в 1939 г. статья Ю.А.Навроцкого², которая посвящена мало известному в России, но широко распространенному в европейской историографии типу восходящих родословных таблиц, называемому «16 quartiers». Работа появилась в историко-генеалогическом журнале «Новик», основанном в 1934 г. выдающимся историком Л.М.Савеловым³.

---

¹ Наумов О.Н. Зарубежная генеалогия и развитие методики родословных исследований в России в первой половине XX в. // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 352–354.

² Навроцкий Ю.А. 16 quartiers // Новик. 1939. № 4 (32). С. 35–36.

³ См.: Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930–1950-е гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 7–16; Он же. Проблемы геральдики в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1934–1947 гг.) // Гербовед. 1995. № 2 (8). С. 41–51; Он же. Геральдика в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1948–1963 гг.) // Там же. 1997. № 3 (15). С. 69–74.

Автор статьи — Юрий Александрович Навроцкий — был инженером по профессии, но увлекался историей, генеалогией, геральдикой. Он активно участвовал в деятельности Русского историко-родословного общества в Нью-Йорке, являясь его секретарем и казначеем. Одновременно Ю.А.Навроцкий был секретарем редакции журнала «Новик» и состоял членом Русского историко-генеалогического общества в Париже. Исследователь стремился вводить в оборот новые источники (геральдические, эпиграфические) и справочно-информационные материалы. В 1945 г. он прервал сотрудничество с «Новиком» и Русским историко-родословным обществом в связи с отъездом в Персию, откуда возвратился только в 1950 г.

Описанная в статье Ю.А.Навроцкого «16 quartiers» родословная таблица сопровождалась рисунками гербов, поэтому может интерпретироваться как пример структурирования генеалогически обусловленного геральдического пространства, то есть является случаем частной иерархии родовых гербов. Любой родовой герб России может войти в такую систему, где его положение будет зависеть от брачных связей членов нескольких родов. В подобное мини-пространство попадают гербы не только утвержденные властью, но и неутвержденные, а также иностранные.

Для истории гербоведения важен упомянутый Ю.А.Навроцким факт продолжавшегося в эмиграции собирания русских неутвержденных гербов русского дворянства и использования сведений из вывезенного на Запад уникального источника — альбома рисунков самобытных гербов, который составил в начале 1920-х В.К.Лукомский⁴.

В целом, работа Ю.А.Навроцкого была серьезным новшеством для отечественной геральдической историографии и представляет существенный интерес для изучения истории генеалогии и гербоведения России. К сожалению, журнал «Новик» отсутствует в отечественных

---

⁴ Об альбоме см.: Наумов О.Н. В.К.Лукомский — источниковед // Отечественные архивы. 2001. № 2. С. 20.

библиотеках, и статья долгое время оставалась недоступной для специалистов. Настоящая публикация призвана исправить это положение.

Текст работы приводится по правилам современной орфографии и пунктуации; многообразию в написании названия таблицы сохранено.

д.и.н., проф. О.Н.Наумов

16 quartiers

В те старые времена, когда доказательство своего дворянского происхождения требовалось не только с отцовской стороны, но и с материнской, как то было, например, при австрийском дворе, были введены в обращение родословные таблицы не в виде простых генеалогических деревьев, восходящих от одного мужского поколения к другому, а в форме сложной таблицы, вошедшей в геральдическо-родословный лексикон под названием «16 quartiers».

«16 карти» есть наглядное доказательство родословия шести поколений отцовских и шести материнских, причем все родоначальники сопровождаются дворянскими гербами их родов.

Я пользуюсь любезностью члена нашего общества¹ Сергея Николаевича Плаутина², проживающего в настоящее время в Париже, который предоставил мне «сез картъ» его сына Николая, родившегося в 1928 г., для

---

¹ Имется в виду основанное Л.М.Савеловым Русское историко-родословное общество в Нью-Йорке.

² Плаутин Сергей Николаевич (1897–1969), генеалог-любитель, выпускник Пажеского корпуса, эмигрант, с 1931 г. жил во Франции, участник Второй мировой войны. Собирая генеалогические и геральдические сведения, в 1920-е гг. он активно переписывался с известным генеалогом В.С.Арсеньевым, который, по его просьбе, запрашивал данные у В.К.Лукомского. См.: Наумов О.Н. Изучение родовой геральдики в СССР конца 1920-х гг. (письма В.К.Лукомского В.С.Арсеньеву) // Гербовед. 1996. № 2 (10). С. 137.

иллюстрации настоящей статьи³. В этой таблице сам С.Н.Плаутин находится непосредственно над сыном, который расположен в середине листа. Все лица, указанные вверх от отца — предки с отцовской стороны, вниз же — с материнской. Над каждым предыдущим предком располагается слева мужское поколение, справа — женское. Это графическое распределение «сез картье» значительно отличает его от простого генеалогического дерева, в котором обычно заносятся только жены, но не их родословные. Таким образом, «сез картье» есть одновременно и вертикальное, и горизонтальное родословное дерево, в отличие от простого родословного дерева, которое обычно является только вертикальным. Свое название «сез картье» получило от того, что в самом верхнем ряду отцовского дерева имеется 16 гербов — по количеству предков, и столько же в самом нижнем ряду материнского дерева. Всего же в полный «сез картье» входят 63 лица от шести поколений. Возможность вывести подобную родословную представляется только в том случае, если все браки предков известны не только по прямой линии, но и браки всех отцов и матерей — жен линии отца и матери составителя родословной. Подобная осведомленность в своем происхождении гарантирует родовитость лиц, могущих составить «сез картье» хотя бы потому, что, к примеру, не многим из наших дворянских родов удается проследить родословие своих женских предков на шесть поколений, не говоря уже о том, что зачастую смешанные браки с лицами не дворянского происхождения, бывавшие в наших дворянских родах, немедленно бы нарушили цельность «сез картье». Насколько мне известно, при бывшей Габсбургской империи для занятия некоторых придворных должностей необходимым считалось представить в Департамент герольдии подобное «сез картье», привилегия, на которую могла рассчитывать только тысячелетняя Австро-Венгерская монархия.

---

³ К статье Ю.А. Навроцкого приложен рисунок таблицы, датированной 11 февраля 1937 г. В настоящей публикации воспроизвести его, к сожалению, невозможно по техническим причинам: из-за мелкого масштаба и низкого качества печати.

Прилагаемая таблица, оригинал который находится у владельца в Париже, исполнена в красках большим мастером геральдического искусства — бар[оном] М.Ф.Косинским и удостоверена Русским историко-генеалогическим обществом во Франции за подписями председателя, Е[го] И[мператорского] В[ысочества] В[еликого] К[нязя] Андрея Владимировича, вице-председателя бар[она] Н.А.Типольта⁴ и секретаря В.А.Братцова. Первый герб в таблице Плаутинской — есть неутвержденный фамильный герб, снятый с печати⁵. Второй — герб рода Бардаковых, они же Бурдуковы, как это видно из указателя к боярским книгам⁶, составленного Ивановым, этот же род, менявший «а» на «у» или иногда на «о». Девятым воспроизведен неутвержденный герб рода Раевских, причем лебедь на лазоревом поле⁷, как он приводится и в «Архиве Раевских»⁸. Лебедем на червонном поле Раевские не пользовались; по польским же геральдическим источникам видно, что гербом Лебедь на лазоревом поле пользовались литовские роды в отличие от польских родов, которые пользовались этим же гербом на червонном поле. Герб Константиновых срисован с

---

⁴ Типольт Николай Аполлонович барон (1864–1948), генеалог и геральдист, генерал-майор, эмигрант, умер в Парагвае. Он не подписывал таблицы С.Н.Плаутина, о чем впоследствии в журнале было опубликовано специальное сообщение: Навроцкий Ю.А. Поправка // Новик. 1940. № 2 (26). С. 21. На самом деле документ подписал барон М.А.Таубе.

⁵ В таблице приводится два рисунка герба Плаутиных. На одном — обращенный в правую геральдическую сторону лебедь с раскрытыми крыльями; нашьлемник — три страусовых пера, обремененных тем же лебедем. На другом — лебедь обращен в левую геральдическую сторону, в нашьлемнике перья отсутствуют.

⁶ Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853.

⁷ Внесенный в «Общий гербовник» герб Раевских таков: «В щите, имеющем красное поле, изображен серебряный лебедь, стоящий на траве и обращенный в левую сторону» (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Т. III. СПб., [1800]. Л. 55). Кроме цвета поля, рисунок, воспроизведенный Ю.А.Навроцким, отличался тем, что лебедь обращен в правую геральдическую сторону.

⁸ Архив Раевских. СПб., 1908–1912. Т. 1–5.

могильной плиты С.А.Константинова в Риме⁹. Герб Шемякиных имеет в верхнем поле голубя в знак того, что отец Е.А.Шемякиной был командором Мальтийского ордена. В таблице кн[язей] Куракиных¹⁰ помещены неутвержденные гербы гр[афов] Гурьевых и Грибоедовых¹¹, снятые с фамильных печатей. Кстати замечу, что герб гр[афа] А.Н.Панина совершенно тождествен с тем, который был нарисован для гр[афа] Н. И.Панина — министра иностранных дел и воспитателя Великого Князя Павла Петровича, впоследствии императора Павла I, рисовальщиком А.Грековым — автором первого Русского гербовника (см. статью «О первом русском гербовнике» в «Новике», выпуск I за 1939 г.)¹². К месту будет заметить, что член нашего общества, а в прежнее время в России — товарищ председателя Историко-родословного общества в Москве В.Н.Смольянинов¹³ посвятил значительную часть своей жизни разбору архивов князей Куракиных, каковой выпущен в виде многотомной работы¹⁴.

В нашей небогатой отечественной литературе по гербоведению мне никогда не пришлось столкнуться с выведенным «сез картъе» наших дворянских родов, хотя, вне всякого сомнения, некоторые роды без труда могли

---

⁹ Рисунок таков: на финифтном поле металлическая (в «Новике» помещались только черно-белые изображения) перевязь справа, обремененная тремя шестиконечными звездами.

¹⁰ С.Н.Плаутин был женат на княжне Е.И.Куракиной, предки которой таким образом вошли в таблицу.

¹¹ Рисунок герба графов Гурьевых таков: щит пересечен; верхнее поле, финифтное, видимо, изображения не имело, в нижнем — выходящая слева из облака металлическая рука с саблей. Рисунок герба Грибоедовых таков: в финифтном поле два пересекающихся вверху лезвия кос, сопровождаемые сверху пятиконечным крестом, а снизу — бизантом (?).

¹² Навроцкий Ю.А. О первом русском гербовнике // Новик. 1939. № 1. С. 38–41; Перепеч.: Гербовед. 1998. № 4(30). С. 128–132.

¹³ Смольянинов Владимир Николаевич (1861–1942), деятель дореволюционного народного образования, генеалог, историк, тайный советник, гофмейстер, сенатор.

¹⁴ Архив князя Ф.А.Куракина. СПб.; Саратов; Астрахань, М., 1890–1902. Т. 1–10.

бы это сделать, так как шесть поколений не заходят вглубь более, чем на два века. Тем более отраднo видеть, что при отсутствии всех тех материалов, которыми мы все могли бы располагать в России, здесь за границей С.Н.Плаутину удалось произвести чрезвычайно кропотливую работу, результатом которой является прилагаемая таблица.

Кроме того, несколько предков, как с отцовской, так и с материнской стороны являются иностранцами, для чего составителю этой таблицы пришлось обращаться в соответственные инстанции разных стран для розыска гербов.

В следующих выпусках «Новика» автор настоящей статьи предполагает затронуть вопросы гербоведения¹⁵ и ему, по всей вероятности, придется еще вернуться и к «сез картье», развив этот вопрос более подробно.

---

¹⁵ Кроме настоящей и упомянутых выше работ, Ю.А.Навроцкий опубликовал в «Новике» следующие труды, касающиеся геральдики: Библиография. О Брюссельском гербовнике // Новик. 1940. № 2 (26). С. 37–38; Он же. История одной книги // Там же. № 3. С. 37–38; Он же. Указатели к высочайше утвержденному «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» [Т. XIX–XX] // Там же. 1941. № 4 (32). С. 32–37; Он же. О двух могилах в Испани в Персии // Там же. 1952. Отд. 3. С. 5–6; Он же. О почетных досках в куполе базилики св. Петра в Риме в память посещения членами Российского императорского Дома // Там же. 1956. Отд. 1. С. 42. Ему же, вероятно, принадлежит подписанный «Редакция» материал «Список родов, которым утверждены гербы Правительствующим Сенатом с 1 июня по 22 ноября 1917 г.» (1945. С. 103–104).

Библиография

Новые книги

Aoiz de Zuza V. Armorial navarro. Apellidos con escudos de armas / Ed. J.J.Martinena Ruiz. Pamplona, 2003. 170 p. [Издание наваррского гербовника XVIII в., гербы родовые и населенных пунктов].

Bernabé y Martyn de Eugenio L.V. de. Heráldica gentilicia aragonesa. Zaragoza, 2002. 694 p.

Bony P. Un siècle de sceaux figurés (1135–1235). Le sceau, image de la personne en France d’Oïl, Angleterre, Écosse et pays de Lorraine. Essai de classement chronologique des sceaux figurés des rois, seigneurs, femmes, dignitaires et communautés ecclésiastiques. Paris, 2002. 186 p., LXXXVIII pl.

Boos E. de. Dictionnaire du blazon. Paris, 2002. 500 p.

Fabre M. Sceau medieval: Analyse d’une pratique culturelle. Paris, 2001. 336 p.

Gérard J-Ph. Répertoire des ressources généalogiques et héraldiques du Département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale de France. Paris, 2003. 400 p.

Lartigue J. J. Dictionnaire et armorial de l’épiscopat français (1200–2000). Paris, 2002. 500 p.

Maspoli C., Palazzi Trivelli Fr. Stemmario Bosirio. Milan, Orsini Demazzo, 2004. 484 p. [Гербовник XVIII в.].

Menéndez Pidal de Navascués F. El Escudo de España. Madrid, Real Academia Matritense, 2004. 270 p.: ill.

Palasi Ph. Jeux de cartes et de l'oie heraldique, aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 2000. 298 p.: ill.

Pinoteau H. La symbolique royale française (V^e–XVIIIe siècle). La Roche-Rigault, 2004. 896 p., XVI p. de planches, ill.

Popoff M. Bibliographie héraldique internationale sélective. Paris, Le Leopard d'or, 2003. 351 p.

Santi Mazzini G. Araldica: Storia, linguaggio, simboli e significati dei blasoni e delle arme. Milano, 2003.

Sceaux et usages de sceaux : images de la Champagne médiévale / Dir. J.-L. Chassel, introduct. de M. Bur et M. Pastoureau. Paris, 2003. 168 p., 161 ill.

«Un armorial breton du XVIIe siècle»: extrait d'un registre-armorial de M. de La Bourdonnaye, annoté par M. de Langle. Paris, 2004. 90 p.

Пастуро М. Геральдика / Пер. с фр. А.Кавтаскина. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 144 с.: ил.

Слейтер С. Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия / Пер. И.Жилинской. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 264 с., ил.

Новые статьи

Chassel J.-L. Note sur l'iconographie et les légendes des sceaux d'officialités épiscopales au Moyen Âge // Actes de Sixième Congrès de l'Association des cercles francophones d'Histoire et d'Archéologie de Belgique, LIIIe Congrès de la Fédération des cercles d'Archéologie et d'Histoire de Belgi-

que, Congrès de Mons, 24–27 août 2000. Mons, 2004. Vol. 4. P. 1073–1084.

Curveiller S. L'iconographie des sceaux des villes littorales du Ponthieu à la Flandre (XIIe–XIVe siècle) // Bulletin de la Commission d'Histoire et d'Archéologie du Pas-de-Calais. 2001. P. 49–59.

Diederich T. Nachleben und Bedeutung Karls des Großen in den Siegeln der Stadt Aachen // Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins. 2002–2003. Bd. 104–105. P. 719–733, ill.

Diederich T. Anfänge der Renaissance in der Siegelkunst des Rheinlandes // Wege zur Renaissance. Beobachtungen zu den Anfängen neuzeitlicher Kunstauffassung im Rheinland und in den Nachbargebieten / Ed. N. Nußbaum, Cl. Euskirchen et S. Hoppe. Cologne, 2003. P. 327–339, ill.

Flammarion H. Le sceau du silence: sigillographie et pratiques seigneuriales au XIIe siècle entre Marne et Meuse // Retour aux sources: Textes, études et documents d'histoire médiévale offerts à Michel Parisse. Paris, 2003. P. 99–113, ill.

Hiegel C. Les sceaux de l'évêque de Metz Adalbéron III (1047–1072) // Retour aux sources. Textes, études et documents d'histoire médiévale offerts à Michel Parisse. Paris, 2003. P. 167–178, ill.

Laurent R. La collection sigillographique des Archives générales du Royaume et les sceaux des institutions ecclésiastiques hainuyères // Actes de Sixième Congrès de l'Association des cercles francophones d'Histoire et d'Archéologie de Belgique, LIIIe Congrès de la Fédération des cercles d'Archéologie et d'Histoire de Belgique, Congrès de Mons, 24–27 août 2000. Mons, 2004. Vol. 4. P. 1105–1120.

Naumov O. N. Les migrations de familles nobles entre la Russie et l'Europe dans l'historiographie russe // *Nobiltà: Rivista di araldica, genealogia, ordini cavallereschi*. Milano, 2004. Vol. 59. P. 321–323.

Nielen M.-A. Du comté de Champagne aux royaumes d'Orient: sceaux et armoiries des comtes de Brienne », // *Chemins d'outre-mer. Études d'histoire sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard*, Paris, Publications de la Sorbonne (*Byzantina Sorbonensia*, 20), 2004. P. 589–606, ill.

Pinoteau H. Le sceau de Charles-Louis de Bourbon, duc de Luques // *Nobiltà: Rivista di araldica, genealogia, ordini cavallereschi*. Milan, 2003. Vol. 54/55 (mai–août). P. 335–342, ill.

Антонов В.А. Крест на печатях и в гербах королей Дании XIV–XV вв. // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Москва, 23–26 июня 2004 г.: Тезисы докладов. М., 2004. С. 146–149.

Белецкий С.В. «Герб» Пскова // Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.М.Каштанова. Сообщения Ростовского музея. Вып. XIII. Ростов, 2003. С. 215–228.

Голованова М.П. [Рецензия] // *Летопись Историко-Родословного Общества в Москве*. М., 2004. Вып. 8/9 (52/53). С. 182–183. Рец.: Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. М., 2003.

Гурулева В.В. К вопросу о символах Византийской империи (изображение креста с четырьмя буквами В на монетах) // *Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г.Спасского (1904–1990)*. СПб., 2004. С. 256–261.

Добровольская М.А. Несколько страниц из жизни Гербового музея и его хранителя В.К.Лукомского // Хранитель Эрмитажа. Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г.Спасского (1904–1990). СПб., 2004. С. 200–214.

Королев Г. И. Эмблема Новгорода в XVI веке // Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.М.Каштанова Сообщения Ростовского музея. Вып. XIII. Ростов, 2003. С. 229–234.

Наумов О.Н. Актуальные проблемы изучения отечественных гербовников // Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.М.Каштанова. Сообщения Ростовского музея. Вып. XIII. Ростов, 2003. С. 283–302.

Покровский Н.В. Исправляя напечатанное: Указатель гербов, помещенных в книге И.В.Борисова «Родовые гербы России» // Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. М., 2004. Вып. 8/9 (52/53). С. 137–145.

Шандровская В.С. К толкованию легенды одной свинцовой печати // Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г.Спасского (1904–1990). СПб., 2004. С. 250–255.

Содержание

<i>Молчанов А.А.</i> Родовые эмблемы древнегреческой знати (эволюция роли эмблематического элемента в системе социальной атрибутики).....	5
<i>Ткаченко А.А.</i> Эмблематика литургических цветов в трактате Дж.Лотарио (папы Иннокентия III) «О святом таинстве алтаря».....	21
<i>Антонов В.А.</i> Гербы представителей датского королевского рода Эстридсенов (XII–XIV вв.).....	41
<i>Медведев М.Ю.</i> Немой девиз как геральдическое отражение социокультурных процессов.....	84
<i>Черных А.П.</i> Королевская хартия 1476 г. в португальской геральдике.....	112
<i>Уваров П.Ю.</i> Эмблематика и топография городского пространства (Париж XVI века).....	121
<i>Федосов Д.Г.</i> Гербы российских шотландцев.....	135
<i>Наумов О.Н.</i> Систематизация родовых гербов в отечественной историографии.....	161
<i>Навроцкий Ю.А.</i> 16 quartiers (публикация О.Н.Наумова).....	186
Библиография.....	194

ББК
63.3(3)

С 32

Signum. Центр гербоведческих и генеалогических исследований. Институт всеобщей истории РАН. Отв. ред. А.П.Черных. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2005. 200 с.

ISBN 5-940670-037-7

ЛР № 020915 от 23.09.2000
Объем 12,5 п.л. Бумага
Офсетная. Формат 60 х
84/16.
Гарнитура Times New
Roman
Сдано в печать 20.06.2005

Полиграфия:
Дробаха И.В.

Наш адрес:
Россия 117334 Москва,
Ленинский проспект, 32-А
Институт всеобщей
истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований

Электронная почта:
signumivi@inbox.ru

ББК
63.3(3)

С 32

Signum. Центр гербоведческих и генеалогических исследований. Институт всеобщей истории РАН. Отв. ред. А.П.Черных. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2005. 200 с.

ISBN 5-940670-037-7

ЛР № 020915 от 23.09.2000
Объем 12,5 п.л. Бумага
Офсетная. Формат 60 х
84/16.
Гарнитура Times New
Roman
Сдано в печать 20.06.2005

Полиграфия:
Дробаха И.В.

Наш адрес:
Россия 117334 Москва,
Ленинский проспект, 32-А
Институт всеобщей
истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований

Электронная почта:
signumivi@inbox.ru